

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ
КОММУНИКАЦИЙ КБР
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Общественный совет:

Руслан Ацканов
Анатолий Бицуев
Эльдар Гуртуев
Адам Гутов
Ахмат Гыллыев
Хачим Кауфов
Валентин Кузьмин
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Моттаева
Ахмат Мусукаев
Ахмат Созаев
Зейтун Толгуров
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Юрий Багов
Михаил Балкизов
Тауби Бегретов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Юрий Тхагазитов
Аслан Урусбамбетов
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

5. 2008

СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

Гегегев В. А. В мире культуры и философии (идеи и взгляды). – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008. – 224 с.

В работу включены материалы (извлечения, отрывки) из сочинений выдающихся философов разных историко-философских времен: от первого греческого философа Фалеса и далее. Следующая часть работы – систематический (учебный материал): вопросы бытия, материи, сознания, диалектики и т. д. В работе также изложены проблемы предфилософии и тесты по всему курсу учебного плана в пределах возможного.

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ XX в.

Основными направлениями философии конца XIX–XX в. были:
– философия «золотого века» (религиозная философия: космизм);
– «естественно-научная философия»;
– «советская философия»;
– «философия русского зарубежья».

Представители религиозного направления: С. Н. Булгаков, братья Трубецкие, П. А. Флоренский, С. Л. Франк.

С. Н. Булгаков: «Идея объединения всех христианских церквей в единую христианскую «экуменическую (вселенский, гр. – населенная земля) Церковь».

П. А. Флоренский: рассматривал «мир как единое взаимосвязанное целое». Одно из направлений русской философии – космизм.

Представители: А. В. Бугаев, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский.

В. И. Вернадский – автор теории ноосферы.

К. И. Циолковский придерживался идеи «вечности и неуничтожимости материи».

Н. В. Бугаев – автор «космических монад».

А. Л. Чижевский обосновал «систему космической биологии».

Представители естественно-научной философии: И. М. Сеченов, Д. И. Менделеев, М. М. Ковалевский, К. А. Тимирязев и др.

Советская философия

В. И. Ленин развивал марксистское учение в условиях России;

Н. И. Бухарин – «проблемы сознания, психики»;

А. Богданов – «теория систем – тектология» (теория организации);

А. Ф. Лосев – проблемы человека, история;

А. М. Деборин – творческое понимание материализма.

Философия русского зарубежья

Представители: Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов, П. А. Сорокин.

Сафарби ШХАГАПСОВ,
министр образования и науки КБР

Эффекты реализации национального проекта «Образование» в Кабардино-Балкарской Республике

В 2008 г. в КБР реализуются 5 направлений приоритетного национального проекта «Образование»:

– поддержка и развитие лучших образцов отечественного образования (государственная поддержка общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы, государственная поддержка талантливой молодежи, поощрение лучших учителей, государственная поддержка учреждений начального и среднего профессионального образования, внедряющих инновационные образовательные программы);

– внедрение современных образовательных технологий (подключение школ к сети Интернет, оснащение школ учебно-наглядным оборудованием);

– повышение уровня воспитательной работы в школах (выплата вознаграждения за классное руководство);

– проект «Сельский школьный автобус»;

– модернизация региональных систем образования.

Реализация всех направлений ведется в соответствии с Календарным планом (сетевым графиком), отставаний в сроках реализации нет.

За три года в рамках проекта из средств федерального бюджета поддержано 75 (24%) общеобразовательных учреждений КБР, каждое из которых получило 1 млн. рублей на реализацию программ развития. Среди них 30 городских и 45 сельских школ. Из средств республиканского бюджета государственная поддержка оказана 30 школам общим объемом в 3,6 млн. рублей.

По результатам конкурса лучших учителей КБР в 2006–2008 гг. стали победителями и получили государственную поддержку в размере 100 тыс. рублей – 278 человек, или 3% от общего количества учителей, в том числе – 20 человек из средств республиканского бюджета.

Лауреатами премии президента России по поддержке талантливой молодежи стали 101 человек, 14 из них получили премию в размере 60 тысяч рублей.

В 2008 г. впервые по данному направлению предполагается финансирование из республиканского бюджета. За счет республиканских средств премиями в размере 15 тысяч рублей будут поддержаны еще 11 призеров, занявших вторые места в соответствующих конкурсах.

По направлению «Повышение уровня воспитательной работы в школе» дополнительное вознаграждение за выполнение функций классного руководителя получают 5,5 тысяч педагогов. Общая сумма выплат за прошедший период составила 203 млн. рублей.

Хочу отметить, что хотя в Законе «Об образовании» воспитание ставится даже выше обучения, впервые именно в рамках нацпроекта это нашло материальное подкрепление.

Первым за последние десятилетия исключительным по своей значимости шагом на пути качественных изменений в системе подготовки рабочих кадров и специалистов среднего звена стало включение в 2007 г. в приоритетный национальный проект «Образование» нового направления – «Государственная поддержка подготовки рабочих кадров и специалистов для высокотехнологичных производств в государственных образовательных учреждениях начального и среднего профессионального образования, внедряющих инновационные образовательные программы».

В рамках данного направления государственную поддержку на сумму 58,8 млн. рублей, в том числе 14,3 млн. руб. из средств республиканского бюджета, получили два профессиональных лица Кабардино-Балкарской Республики, ставшие победителями общенационального конкурса в 2007 и 2008 гг. Кроме этого на реализацию представленных инновационных проектов учреждениям удалось привлечь около 30 млн. рублей средств работодателей.

Таким образом, государством было инициировано создание модели государственно-частного партнерства, которое позволит сбалансировать экономическую и социальную составляющие в сфере профессионально-

го образования, станет основным фактором обеспечения соответствия численности, квалификации, профессиональной структуры выпускников этих учреждений количеству, составу и компетенциям вакансий в отраслях производства и сферы услуг. Возможности, которые дает всем заинтересованным сторонам реализация модели государственно-частного партнерства, представлены следующей таблицей.

Наряду с вышеперечисленными направлениями, начиная с 2008 г. в результате участия и победы в соответствующем федеральном конкурсе в республике реализуется Комплексный проект модернизации образования. В рамках данного проекта нами осуществляются комплексные, взаимоувязанные мероприятия по всем его направлениям: введение новой системы оплаты труда и нормативно-подушевого бюджетного финансирования, формирование региональной системы оценки качества образования, развитие сети образовательных учреждений, расширение общественного участия в управлении образованием. Общий объем финансирования по проекту составляет около 320 млн. рублей. Мы рассчитываем, что по результатам его реализации система образования республики выйдет на качественно новый уровень.

За время участия в ПНПО повысилась активность гражданских институтов, интерес общественных структур к проблемам модернизации образования и осознание ими собственной востребованности в реализации социальнозначимых проектов.

Реализация приоритетного национального проекта «Образование» в 2006–2008 гг. привела к устойчивым положительным изменениям в системе образования республики. Позитивные эффекты от влияния ПНПО на систему образования можно разделить на три группы:

- финансово-экономические;
- образовательные;
- социальные.

Финансово-экономические эффекты. Значительные финансовые ресурсы, привлекаемые из федерального и республиканского бюджетов в рамках софинансирования ПНПО, позволили существенно улучшить материально-техническую базу общеобразовательных учреждений, обновить лабораторное оборудование и программно-методическое обеспечение, повысить квалификацию педагогов, существенно улучшить условия реализации образовательного процесса вообще. Получено и приобретено 252 комплекта современного учебно-лабораторного оборудования, что составляет 13 % от общей потребности (по РФ – 5 %). Полученные 75 автобусов позволяют осуществлять подвоз более 1,5 тысяч учащихся. До конца ноября за счет республиканского бюджета будет получено еще 20 единиц транспорта, но и после этого потребность составит 60 автобусов для подвоза учащихся внутри сел.

За 2006–2007 гг. общий объем инвестиций в систему образования республики по линии национального проекта «Образование» составил 327,388 млн. рублей из федерального бюджета и 65,036 млн. рублей из бюджета республики. В 2008 г. из федерального бюджета объем инвестиций в рам-

ках ПНПО составит 345,47 млн. рублей, в том числе 168,357 млн. рублей на реализацию Комплексного проекта модернизации образования КБР.

Объемы целевых вложений в систему образования за столь короткий период беспрецедентны за всю обозримую ее историю.

Образовательные эффекты. Произошло расширение спектра современных педагогических технологий, используемых в образовательном процессе, повышение уровня профессиональной компетентности педагогов, повысилась эффективность образовательного процесса за счет применения современного оборудования и технологий.

Произошла активизация инновационной деятельности школ – участниц конкурса; наблюдается «всплеск» деятельности по разработке программ развития и инновационных образовательных программ. Можно отметить положительное влияние конкурса на формирование и повышение сплоченности школьных команд.

Руководители школ получили опыт полноценного управления школой, включая управление финансами, осуществления закупок в соответствии с требованиями законодательства о проведении государственных и муниципальных закупок, проведения проблемного анализа и определения приоритетов развития школы.

В ходе реализации национального проекта «Образование» дальнейшее развитие получили новые механизмы управления развитием образования: формируется новое представление о качестве образования на основе его открытой, прозрачной, критериальной внешней оценки; активно определяются новые подходы к аттестации педагогических кадров и образовательных учреждений.

Оснащение школ автобусами способствовало повышению доступности качественного образования.

Социальные эффекты. Изменяется психологический климат, растет эффективность деятельности школ, ставших победителями конкурса. Повышается престиж работы общеобразовательного учреждения и педагогов.

Активно развиваются сетевые, партнерские отношения между школами, способствующие укреплению единого культурно-образовательного пространства республики.

За три года проведения конкурсов повысилась активность деятельности гражданских институтов, интерес общественных структур к проблемам модернизации образования, осознание своей востребованности в социально-значимых проектах.

Очень важным результатом стало формирование позитивного отношения граждан к системе образования в целом, которое произошло вследствие повышения открытости системы, улучшения информированности общественности о ситуации в образовании, а также широкого привлечения общественности к обсуждению процедур и мероприятий ПНПО.

**ПОБЕДИТЕЛИ
ПРИОРИТЕТНОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО
ПРОЕКТА
«ОБРАЗОВАНИЕ»**

**АБАЗОВА
Эльвира
Хажмуратовна**
учитель физики
МОУ «СОШ № 19»
г. Нальчика

**АБАНОКОВА
Оксана
Адальбиевна**
*учитель русского языка
и литературы*
МОУ «Гимназия № 1»
с. Урух
Лескенского района КБР

**АБРОКОВА
Асият
Хабиевна**
*учитель кабардинского
языка и литературы*
МОУ «Лицей № 1»
с. Атажукино
Баксанского района КБР

**АЛАКАЕВ
Юрий
Хажмуратович**
учитель физики
МОУ «СОШ № 2»
с. Чегем-2
Чегемского района КБР

**АМШОКОВА
Светлана
Каншобиевна**
*учитель начальных
классов*
МОУ «СОШ № 1»
с. Шалушка
Чегемского района КБР

**АНДРЕЕВА
Елена
Юрьевна**
*учитель информатики
и ИКТ*
МОУ «Лицей № 2»
г. Нальчика

АНДРИЯНОВА
Елена
Николаевна
учитель начальных
классов
МОУ «СОШ № 4»
г. Нальчика

АРХЕСТОВА
Моника
Хажалиевна
учитель физики
МОУ «СОШ № 2»
с. Атажукино
Баксанского района КБР

АТАКУЕВА
Марина
Николаевна
учитель истории
и обществознания
МОУ «СОШ»
с. Красноармейское
Терского района КБР

АФАУНОВА
Марина
Заурбиевна
учитель начальных
классов
МОУ «Гимназия № 14»
г. Нальчика

БАДРАКОВА
Ася
Сафраиловна
учитель английского
языка
МОУ «СОШ»
с. Аушигер
Черекского района КБР

БАЙСУЛТАНОВА
Фатима
Магомедовна
учитель информатики
МОУ «СОШ»
с. Янкой
Чегемского района КБР

БАЛАХОВ
Аслан
Назирович
учитель физической
культуры
МОУ «СОШ № 2»
г. Терека

БАЛКАРОВА
Светлана
Николаевна
учитель химии
МОУ «СОШ № 2»
г. Терека

БАЛОВ
Хусен
Хаугиевич
учитель физики
МОУ «Лицей № 2»
г. Нальчика

БОРОКОВА
Фатимат
Тутовна
учитель географии
МОУ «СОШ № 3»
с. Сармаково
Зольского района КБР

БЕПШАЕВА
Хаулат
Сафарбиевна
учитель географии
МОУ «СОШ»
с. Новая Балкария
Терского района КБР

БИДОВА
Фатима
Хасеновна
учитель истории
МОУ «СОШ № 2»
с. Куба
Баксанского района КБР

БИРНАМИТОВА
Фатимат
Галиевна
учитель кабардинского
языка и литературы
МОУ «СОШ № 4»
г. Баксана

БИТОКОВА
Раиса
Наричевна
учитель химии
МОУ «СОШ»
с. Урожайное
Терского района КБР

БИТТИРОВА
Зухра
Исмаиловна
учитель физики
МОУ «Лицей № 7»
с. Нововановское
Майского района КБР

БЛАЖКО
Наталья
Александровна
учитель начальных
классов
МОУ «Гимназия № 14»
г. Нальчика

БОРЧАЕВА
Фатима
Муратовна
учитель физики
МОУ «СОШ № 27»
г. Нальчика

ГАБУНИЯ
Валентина
Никитична
учитель начальных
классов
МОУ «СОШ № 4»
г. Терека
Терского района КБР

ГЕГИРОВА
Лариса
Тугановна
учитель английского
языка
МОУ «Гимназия № 1»
с. Урух
Лескенского района КБР

ГЕДГАФОВА
Зулия
Хабиевна
учитель начальных
классов, сурдопедагог-
дефектолог
МОУ «СОШ № 4»
г. Нальчика

ГОЛОВКО
Людмила
Георгиевна
учитель начальных
классов
МОУ «Гимназия № 6»
г. Прохладного

ГОЛОВЧАНСКАЯ
Светлана
Александровна
учитель начальных
классов
МОУ «Гимназия № 1»
г. Майского

ГУКЕПШОКОВА
Асият
Каншобиевна
учитель кабардинского
языка и литературы
МОУ «СОШ»
с. Герменчик
Урванского района КБР

ГУМАЕВА
Аминат
Далхатовна
учитель русского
языка и литературы
МОУ «СОШ»
с. Янкой
Чегемского района КБР

ДЖАНГУРАЗОВА
Лиза
Хадисовна
учитель русского
языка и литературы
МОУ «СОШ»
с. Бабугент
Черекского района КБР

ДЗЮБА
Лариса
Степановна
учитель биологии
МОУ «СОШ № 3»
г. Майского

ДОГОВА
Аминат
Тлостанбиевна
учитель математики
МОУ «СОШ № 3»
им. Р. Калмыкова
г. Баксана

**ДУДКА
Галина
Николаевна**
*учитель истории
и обществознания*
МОУ «СОШ» с. При-
малкинское Прохладнен-
ского района КБР

**ЕЗИЕВА
Маринат
Алиевна**
учитель географии
МОУ «Гимназия № 1»
с. Урух
Лескенского района КБР

**ИЗЮМСКИЙ
Константин
Федорович**
*учитель физической
культуры*
МОУ «СОШ № 1»
г. Чегема

**КАЗДОХОВА
Мария
Хасеновна**
*учитель начальных
классов*
МОУ «СОШ № 1»
с. Исламей
Баксанского района КБР

**КАЗИЕВА
Фазика
Хамзатовна**
учитель математики
МОУ «СОШ»
п. Кашхатау
Черекского района КБР

**КАЛКОВА
Галина
Валерьевна**
*учитель русского
языка и литературы*
МОУ «СОШ № 5»
г. Майского

**КАНКУЛОВА
Майя
Цоцовна**
учитель физики
МОУ «СОШ»
с. Камлоко
Зольского района КБР

**КАРДАНОВ
Беслан
Чамилович**
*учитель физической
культуры*
МОУ «СОШ»
с. Урвань
Урванского района КБР

**КАРДАНОВ
Мухамед
Хасанбиевич**
учитель географии
МОУ «СОШ»
с. Зарагиж
Черекского района КБР

КИРЖИНОВА
Мурзиyat
Нургалиевна
учитель химии
МОУ «СОШ № 1»
с. Кахун
Урванского района КБР

КИСИЛЕВА
Ольга
Николаевна
учитель русского
языка и литературы
МОУ «Гимназия № 6»
г. Прохладного

КОКОВА
Зурида
Борисовна
учитель английского
языка
МОУ «СОШ № 1»
п. Залукокоаже
Зольского района КБР

КОКОВА
Марианна
Хасанбиевна
учитель истории
и обществознания
МОУ «СОШ № 1»
с. Малка
Зольского района КБР

КУШХОВА
Галимат
Малиловна
учитель физики
и математики
МОУ «СОШ им. К. Кар-данова» с. Аушигер
Черекского района КБР

КУШХОВА
Лариса
Султановна
учитель истории
и обществознания
МОУ «СОШ»
с. Арик
Терского района КБР

ЛИЕВ
Исмаил
Мазанович
учитель русского
языка и литературы
МОУ «СОШ № 1»
с. Шалушка
Чегемского района КБР

ЛУЦЕНКО
Ольга
Павловна
учитель английского
и испанского языков
МОУ «Гимназия № 2»
г. Прохладного

МАРЖОХОВА
Галимат
Зарифовна
учитель русского
языка и литературы
МОУ «СОШ № 5»
г. Баксана

МАРЧЕНКО
Ирина
Цезаревна
учитель начальных
классов
МОУ «СОШ № 11»
г. Нальчик

МАТУЕВА
Мария
Кукушевна
учитель математики
МОУ «СОШ № 2»
г. Чегема

МЕРЖОЕВА
Пятимат
Бисултановна
учитель изобразитель-
ного искусства и МХК
МОУ «Гимназия № 29»
г. Нальчика

МИРЗОЕВА
Зоя
Жантемировна
учитель кабардинского
языка и литературы
МОУ «Гимназия № 1»
с. Урух
Лескенского района КБР

МУЛАЕВА
Нина
Лионовна
учитель русского
языка и литературы
МОУ «СОШ № 2»
с. Чегем-2
Чегемского района КБР

МУСРАЛИЕВА
Людмила
Николаевна
учитель химии
и биологии
МОУ «СОШ»
с. Терскол
Эльбрусского района КБР

НАГОЕВА
Сарима
Муштагидовна
учитель кабардинского
языка и литературы
МОУ «СОШ»
с. Урвань
Урванского района КБР

НАУРУЗОВА
Амират
Озермесовна
учитель начальных
классов
МОУ «СОШ № 2»
с. Нартан
Чегемского района КБР

НАХУШЕВА
Залина
Адальбиевна
учитель кабардинского
языка и литературы
МОУ «СОШ № 1»
с. Верхний Куркужин
Баксанского района КБР

НЕСМЕЛОВА
Галина
Кирилловна
учитель географии
МОУ «СОШ» с. При-
малкинское Прохладнен-
ского района КБР

ОВЧИННИКОВА
Елена
Николаевна
учитель начальных
классов
МОУ «Гимназия № 1»
г. Майского

ПЕКОВА
Светлана
Тутовна
учитель биологии
МОУ «СОШ № 2»
с. Чегем-2
Чегемского района КБР

ПЫШНАЯ
Елена
Александровна
учитель информатики
МОУ «СОШ № 32»
г. Нальчика

РОГОЛЕВА
Нина
Алексеевна
учитель информатики
МОУ «СОШ № 5»
г. Нальчика

РУДИКОВА
Елена
Геннадьевна
учитель физики
МОУ «СОШ № 5»
г. Майского

САБАНЧИЕВА
Залина
Хазратгалиевна
учитель информатики
и ИТ
МОУ «СОШ № 2»
с. Аргудан
Лескенского района КБР

САЛАХОВА
Светлана
Владимировна
учитель биологии
МОУ «СОШ № 11»
г. Прохладного

САЧКО
Ольга
Николаевна
учитель начальных
классов
МОУ «Гимназия № 14»
г. Нальчика

СВИРИДЕНКО
Татьяна
Николаевна
учитель начальных
классов
МОУ «СОШ № 9»
г. Нальчика

СЕЛЕЗНЕВА
Галина
Ивановна
учитель биологии
МОУ «СОШ № 8
им. А. С. Пушкина»
г. Прохладного

СКЛЯРОВА
Марина
Николаевна
учитель физики
МОУ «СОШ № 9»
ст. Александровской
Майского района КБР

СМИРНОВА
Татьяна
Ивановна
учитель математики
МОУ «Лицей № 7»
с. Новоивановское
Майского района КБР

СОЗАЕВА
Сакинат
Мухталимовна
учитель балкарского
языка и литературы
МОУ «СОШ № 9»
г. Нальчика

СОНОВА
Рита
Мухабовна
учитель русского
языка и литературы
МОУ «СОШ»
с. Псычох
Баксанского района КБР

СТРОЕВА
Галина
Ивановна
учитель русского
языка и литературы
МОУ «Гимназия № 1»
г. Майского

ТАНОВА
Римма
Хангериевна
учитель немецкого
языка
МОУ «СОШ № 2»
с. Карагач Прохладнен-
ского района КБР

ТЕТУЕВА
Любовь
Магомедовна
учитель немецкого
языка
МОУ «СОШ № 6»
г. Нальчика

ТУМОВА
Валентина
Хусейновна

*учитель русского
языка и литературы*
МОУ «СОШ»
с. Инаркой
Терского района КБР

УЗДЕНОВА
Сюйдюмхан
Жунусовна
*учитель физики
и математики*
МОУ «Гимназия»
г. Тырныауза

УРУСОВА
Римма
Нахупшевна
учитель технологии
МОУ «СОШ № 2»
с. Нартан
Чегемского района КБР

ХАГУРОВА
Светлана
Астемировна

*учитель кабардинского
языка и литературы*
МОУ «СОШ»
с. Урожайное
Терского района КБР

ХАМОКОВА
Майя
Патиховна
*учитель русского
языка и литературы*
МОУ «СОШ»
с. Дейское
Терского района КБР

ХАПОВА
Рита
Хазритовна
учитель биологии
МОУ «СОШ № 1»
с. Жемтала
Черекского района КБР

ХАЧИРОВ
Казбек
Анзорович

учитель технологии
МОУ «СОШ»
с. Дальнее
Прохладненского района
КБР

ХОЧУЕВА
Сакинат
Магомедовна
*учитель немецкого
языка*
МОУ «СОШ № 2»
с. Яникой
Чегемского района КБР

ХОЧУЕВА
Фатима
Заурбековна
учитель химии
МОУ «СОШ»
с. Безенги
Черекского района КБР

ХУРАНОВА
Жанна
Хасанбиевна
учитель французского
языка
МОУ «Гимназия № 1»
г. Нальчика

ШАГЕРБИЕВА
Мария
Халибовна
учитель математики
МОУ «Лицей № 1»
с. Атажукино
Баксанского района КБР

ШЕБЗУХОВА
Майя
Борисовна
учитель начальных
классов
МОУ «СОШ № 2»
с. Атажукино
Баксанского района КБР

ШОГЕНОВА
Абидат
Жамботовна
учитель английского
языка
МОУ «СОШ № 1»
с. Исламей
Баксанского района КБР

ШОГЕНЦУКОВА
Римма
Юрьевна
учитель русского
языка и литературы
МОУ «Лицей № 1»
с. Атажукино
Баксанского района КБР

ЭЛЬБАЕВА
Сафият
Магомедовна
учитель балкарского
языка и литературы
МОУ «СОШ»
с. Янкой
Чегемского района КБР

ЭЛЬМЕСОВА
Людмила
Алиевна
учитель кабардинского
языка и литературы
МОУ «СОШ № 6»
г. Баксана

ЯГУБОВА
Таира
Михайловна
учитель русского
языка и литературы
МОУ «СОШ № 24»
г. Нальчика

ЯРОШЕНКО
Инна
Владимировна
учитель биологии
МОУ «СОШ № 3»
г. Майского

Материал подготовила Рита Алокова

К 70-летию Гедгафова Бориса Мухамедовича

Родился в 1938 г. в сел. Аргудан Урванского р-на КБР, – кабардинский поэт. После окончания сельской средней школы поступил на филологический факультет КБГУ. Окончив его в 1961 г., работал учителем русского языка и литературы, затем, до 1979 г., – директором Аргуданской средней школы № 1. С 1979 по 1989 гг. – инструктор, зав. отделом пропаганды и агитации Урванской районной газеты «Маяк», затем – первый секретарь Урванского РК КПСС; с февраля 1997 г. – главный редактор республиканского детского журнала «Нур».

Первые стихи Гедгафов опубликовал в республиканской газете «Советская молодежь» еще будучи студентом первого курса (1956). Он известен прежде всего стихами, ставшими популярными песнями.

Прочными, нерасторжимыми узами связан Б. М. Гедгафов с родной адыгской землей. У нее он учится щедрости, чистоте, доброте, мудрости и трудолюбию. Он не устает удивляться красоте и многообразию родного языка (из сб. «Мой язык адыгский»).

В стихах Гедгафова звучит душевная доброта, любовь к родной земле и человеку, живущему на ней. «Поэзия – моя колыбель», – считает автор, потому что в его поэзии отражено отношение художника к миру, к природе, к людям. Тот, кто впервые встретится с миром его поэзии, убедится в широте, распахнутости его поэтической души. Поэзия его реальна и в то же время романтична.

Гедгафов известен и как талантливый рассказчик, глубокий, вдумчивый журналист-очеркист. Большой успех у читателя имел его очерк о родном селении Аргудан, о его людях – простых тружениках, их успехах и достижениях.

Борис ГЕДГАФОВ

Слово гостю

Каждый мой тост во славу,
пусть он твои дни продлит.
Возьми, что тебе по нраву,
так наш обычай велит.

Бурку возьми, и станет
спасать от дождей и вьюг.
Коня возьми – не обманет
в пути, как надежный друг.

Прими мой кинжал на память,
мой гость, мой кунак, прошу.
Его рукоять оправить
я дружбой своей спешу.

Стих мой возьми хвалебный,
с собой навсегда уноси...
Лишь землю отцов не требуй,
ее не отдам, не проси!

Шапсы *

Облака в синеве, как абзацы,
зноем выпиты капли росы...
Угощали нас братья-абхазцы
ледяною водою Шапсы.

Рождено это чудо горами,
не нужны нам ни ковш, ни стакан –
припадаем к прохладе губами,
воду пьем из реки, как айран.

Не напиться...
Нам есть, чем гордиться,
гордость ту же ценя в кунаке:
ведь не кто-то, а мы, кабардинцы,
имя дали абхазской реке.

Мы не зря побратимами стали.
О, Шапсы, знойный рот остуди!

Мы, как дети, надолго припали
к материнской бездонной груди.

Путнику

Путник, устало
сошедший с коня!
Зайди в мою саклю,
порадуй меня.
Почетное самое место
займи
и полную чашу
скорей подними.
Все, чем мы богаты,
отведай, вкуси,
что радует глаз твой,
с собой увози.

Ведь гость для адыга
дороже всего,
и беден тот дом,
где нету его.
Зайди среди ночи,
зайди среди дня...
Будь гостем моим,
порадуй меня!
Со злобой пришел ты
или с добром –
очиститься сердцем
поможет мой дом.

* Шапсы – река в Абхазии, шапсы – молочная вода (каб.).

Есть любовь

Если б не было любви,
пала бы на землю тьма.
И весною соловьи
не сходили бы с ума,
если б не было любви.

Если б не было любви,
не было бы наших гор,
и не стали бы людьми
люди в мире до сих пор,
если б не было любви.

Есть любовь на свете, есть!
Ревность есть и лесть... и честь!
Но слова любви чисты,
хоть не часто я и ты
говорим о любви.

Есть любовь на свете, да!
Мы с тобою навсегда!
И слова любви чисты,
хоть не часто я и ты
говорим о любви.

Молодое утро, молодое солнце,
в молодое небо улетает стая...
Молодое семя лишь земли коснется –
завтра всколыхнется нива золотая.

Не прекрасна разве
этой жизни доля?
Нет прочнее связи
утра, солнца, поля.

Слово «адыге»

Сородичи, братья, адыги.
вас не баловала судьба,
но руки еще не отвыкли
от конской сбруи и серпа.
Как вы говорили когда-то.
теперь повторяют сыны:
«И камень на родине – злато,
которому нету цены».
При слове «адыге» я вижу
всех тех, кто был щедр на добро.
«Адыге» на сердце я выжгу,
как лучшее в мире тавро.

«Адыге»... И мать на пороге,
и старого дома уют...
«Адыге»... По летней дороге
горянки в косынках идут.
А их нет скромнее и краше,
им ноша кувшина легка.
«Адыге» – обычаи наши,
которым века и века.
Хочу я воспеть в этой книге
Эльбрус мой, родные края...
О, вечное слово «адыге»,
я – малая буква твоя!

Гимн материнским рукам

Человеческие руки –
это рычаги Земли:
песнь любви и храм науки
прямо к небу возвели.

И всегда на них мозоли
нет прекраснее тавра! –
от шершавой плоти поля,
от бессонного пера.

Обнаженную, как сердце,
 как начало мира, тронь
 у счастливого младенца
 беззащитную ладонь.
 Помню я и руки деда
 с саблей, с древком над плечом...
 Это им была одета
 наша юность кумачом.
 Наша жизнь жива руками,
 нет предела их трудам.
 Но свой гимн слагаю маме,

золотым ее рукам.
 Что за руки у Мадонны! –
 неземной какой-то свет...
 Руки мамыны бездонны
 для твоих обид и бед.
 И ласкают и врачуют
 от ушибов и от мук.

Человечество стартует
 век за веком с этих рук.

Слышу шепот торопливый
 нам с любимой вслед:
 «Что нашел он в некрасивой,
 разве лучше нет?»

Наспех суд вершить опасно.
 Сердце дам вам я,
 бьющееся часто-часто...
 Станет ясно,
 как прекрасна
 девушка моя!

Старый танец

Заиграла пшина
 звонко и легко,
 словно из кувшина
 льется молоко.
 И родился танец,
 нет его древней.
 Молодой румянец
 на щеках парней.
 Ты за кафой следом
 медленно пройди –
 с прадедом и дедом
 встретишься в пути.
 Так же танцевали
 кафу испокон...
 Так же тосковали
 у ночных окон.
 Ведь ничто не ново

под седой луной...
 Так тряхни же снова
 в танце стариной!
 Не стареет танец
 долгие года,
 и на пшине глянец
 молодой всегда.

Горы ниже стали,
 старикам под стать...
 Но не перестали
 кафу танцевать.
 Вижу: вскинув руки
 в сторону подруг,
 входят наши внуки
 в кафы вечный круг.

Ахмат СОЗАЕВ,
народный поэт КБР и КЧР,
заслуженный работник культуры РИ,
председатель правления
Союза писателей КБР

Рукопожатие над караваем

Северный Кавказ – наш светлый, уютный общий дом. Одновременно – райски красивая земля. На ней жили наши отцы, живем мы, будут жить наши потомки. Мы – северокавказские горцы, нас много, разных народов. Так расположил Аллах.

Причем, каждый народ здесь красив, мудр, силен и бессмертен по-своему, обычаи умны и вечны.

Здесь по-настоящему уважают соседа. Если похвалиться надо, то первое слово доброе скажут обязательно о соседе. У хорошего соседа даже не очень хорошие соседи хороши, говорят горцы. Так принято исстари.

У нас, у горских народов, значительное отношение к писательскому слову, особенно поэтическому. Каждый настоящий поэт от Бога – своеобразный вестник, который талантливым словом помогает людям видеть вокруг себя красоту, доброту жизни, давать человеку солнце и в темную ночь.

Одним из прекрасных современных поэтических писателей северокавказского края является Саид Чахкиев. Он – ингуш, он – народный писатель еще со времен Чечено-Ингушской АССР, он – настоящий горец, живет и творит чистосердечно, талантлив, он подобен мосту – соединяет людей, делая темное – светлым, приближая правду к человеку. Он, как

говорится, литератор широкого профиля. Но Саид Чахкиев, конечно, в первую очередь, поэт. Поэт от Бога. К тому же – мой старший брат. Я горжусь этим.

Ему исполнилось 70 лет. Светлая для всех его друзей дата. Я рад этому и желаю Саиду сыну Идриса из рода Чахкиевых долгих жизнеутверждающих лет, потому что его творчество очищает путь к межнациональному взаимодействию в российской литературе и земля сильна такими своими сыновьями, как он.

На фото (слева направо): Ахмедхан Налоев, Саид Чахкиев, Исмаил Барзбиев

Поэты России

Геннадью Русакову

Иногда вы – Божьи знаки, –
Солнцем светится стезя.
Иногда вы – забияки,
Те, которым лгать нельзя.

Иногда вас обнимают,
Дарят сердце и цветы,
Иногда – надоедают,
Топят в море клеветы.

Иногда вы – громовержцы,
Слово мечете с высот.
Иногда вы, как невежды,
Каждый смело обойдет.

Кто вы – русские поэты:
Дети или божество?
От рассвета до рассвета
Рвете сердце. Для чего?

Не бываете богаты,
Но ваш дом всегда открыт.
Даже в славе виноваты:
Власть и славу обвинит.

Почему к вам жизнь жестока?
Почему – в сетях молвы?
Вы уходите до срока...
Но уходите ли вы!

В день весенний иль осенний
Сколько вас сгорело, как
Пушкин, Лермонтов, Есенин,
Маяковский, Пастернак...

Суд рядить – святое право! –
Истина сама должна.
Честь России, совесть, слава –
Это ваши имена.

* А к - С у у (балк.) – Белая Речка, родное село автора.

Друзья от Бога

Кто нас спасет от беды и вражды –
Сразу поведать нельзя.
Друзья из Балкарии и Кабарды –
Знаю, от Бога друзья.

Сердцем восторженным я восхищен
Величием гор и лесов,
Мудростью старцев, милостью жен
И мужеством удальцов.

Ваша земля – благодатнейший край.
Купаюсь в его тепле.
Если и есть на земле чьей-то рай, –
Только на вашей земле.

Ваших героев мы в сердце храним
И почитаем не зря:
Али и Кязим, Кайсын и Алим,
Аскер, Хасан, Танзиля... *

Что ж, перечислить я всех не могу,
Но каждый – по сути! – брат.
Пред каждым из вас, конечно, в долгу,
Но я возвращу стократ.

Я знаю, что выйду из всякой беды,
Когда буду с вами я,
Друзья из Балкарии и Кабарды, –
Вернее, от Бога друзья.

Говорят, что и металл устает

Анатолию Парнаре

Устал я...
Давно был и я молодым:
Ведь семьдесят с гаком развеяло свеем.
Когда-то казался весь мир золотым,
А ныне я вижу – ржавеет.

Известно давно: и металл устает.
А раны души обострились.

* Али Шогенцуков – основоположник кабардинской литературы; Кязим Мечиев – классик балкарской литературы; Кайсын Кулиев – классик балкарской литературы; Алим Кешоков – выдающийся кабардинский поэт; Аскер Додуев – именитый балкарский поэт; Хасан Тхазеплов – именитый кабардинский поэт; Танзиля Зумакулова – выдающаяся балкарская поэтесса.

С того ль, что угнали в Сибирь мой народ,
С того ль, что не все возвратились.

С того ль, что терпели мы голода гнет,
А беды медведем ломились...
Но выдержал все мой отважный народ,
Врагам не сдаваясь на милость.

А было такое: гноили в тайге,
Нас всех по ГУЛАГам гоняли...
И сердце мое уставало в тоске,
И мерзла душа от печали.

Я видел кормилицу без молока,
И мертвых детей на рассвете.
Я черные видел вокруг облака
И все разрушающий ветер.

Слабее травинки качалась душа,
Вот-вот... не протянет и часа.
Кто мог поддержать и спасти малыша?
И все ж я живу – значит, спасся.

И в том мне помог мой родимый язык,
Дарованный каждому свыше.
Судьбе благодарен я, что не поник,
Во всех испытаниях выжил.

С того-то, друзья, стал до срока седым,
Но память хранить мы умеем.
Устал я...
Давно был и я молодым:
Ведь семьдесят с гаком развеяло свеем.

Никогда, никогда...

М.С. Мальсагову

Никогда, никогда и сказать я не мог
О народе ином хоть полслова дурного.
Даже в мыслях не мог ничего – видит Бог! –
В нищете иль в богатстве помыслить такого.
Но я правду скажу, как она ни горька:
Обвиняют народ мой в коварстве жестоком.
Как же все же от истины ложь далека:
Не повинны мы – наши сердца перед Богом.

Мой народ, за века ты увидел разбои и гнет,
Но Всевышний тебя охранял и хранит, мой народ!

Никогда, никогда – правду ведаю вам! –
Никому не принес клеветнической весты.
Мой народ говорит: обесчестишься сам,
Коль кого-то лишишь незаслуженно чести.
Только в жизни своей видел подлых людей,
И, поверьте, что то – не единственных случай,
Кто из уст посылал стрелы лжи в ингушей,
Кто травил клеветой самых честных и лучших.

Но откуда им знать, тем, кто служит неправде и лести, –
Честь дается тому, кто достоин поступками чести.

Никогда, никогда я не стал причинять
Сердцу матери боль, даже пусть ненароком.
Мать чужая ль, своя, все ж по совести – мать.
Мы под матерью все ходим, словно под Богом.
Ей досталось и так: в лихолетье густом
Довелось – и сполна! – столько горя увидеть.
Но в изгнание спасла и язык наш, и дом...
Разве можно ее даже жестом обидеть?

Если кто принесет даже капельку матери горя –
Незавидна его на земле и на небе неделя.

Никогда, никогда я за долгую жизнь
Не позволил себе, чтоб ребенок заплакал.
Если зло совершил – сам в могилу ложись –
Муки ада придут за ребенка расплатой.
Несмотря на закон, есть такие, что стыд
Позабыли навек, измываясь над детством.
Неужели в таких совесть не говорит?
Но ответят они за подобные действия.

Я не знаю весов, что отмерят вину их пред Богом –
Может быть, задрожат в исступленье пред адским порогом.

Ошибался и я – человек не безгрешен,
Но пред совестью был и заботлив и честен.
Не хватило ума мне для праведной жизни,
Отпусти мне грехи и помилуй, Всевышний!

Быть с Родиной слитно

Есть люди – не знают того, что есть,
И знать не желают того, что было.
Живут, словно овцы, – стригут с них шерсть,
И блеют, как овцы: «Ах, как это мило!»
Им радость творить на родном языке,

Быть с Родиной слитно – увы! – не знакома.
А я, словно птица, пою налегке,
И счастлив весь день я, как птица, что дома.

Я помню, что даже в Сибири крутой
Мы жили семьею ингушской сплоченно.
От гор вдалеке, от долины родной
Хранили честь нашего дома достойно.
И ныне, когда я предвижу исход
Всей жизни моей без большой укоризны,
Как счастлив я тем, что люблю свой народ,
Что отдал ему устремления жизни!

Я БЫЛ БЫ ДОВОЛЕН

Говорят об Отчизне пустые слова.
В их речах нет и зрелого слова.
Говорят, говорят... Могут год, могут два –
Не зерно, а пустая полова.

Что об этом трещать? Говорят, говорят...
Не помогут увертки и шутки.
О сердечной любви скажет солнечный взгляд,
Об Отчизне – расскажут поступки.

Полюбил я ингушский звенящий язык,
Вере предков я с детства покорен.
Если б силы во мне появился родник,
Был бы этим тогда я доволен!

Тем, что предки мне дали, привык дорожить.
И душой – бесконечно просторен.
Если б больше ума, чтобы мудро мне жить,
Был бы этим тогда я доволен.

Коль на землю родную надвинется рать –
Не хотел бы в тот миг оказаться без воли.
Если б мужеством предков я смог обладать,
Был бы этим тогда я доволен.

Очень важно обычаи все почитать,
Чтобы юным узнать о назначенной доле.
Если б воли хватило учителем стать,
Был бы этим тогда я доволен.

*Перевод с ингушского лауреата Государственной премии России
Анатолія Парпары*

НЕВЫСКАЗАННОЕ

Сама ли она так думает или на самом деле это так, кто знает, но – по глубокому убеждению Анастасии Борисовны – такими быстротечными годы никогда не были. Вроде бы совсем недавно случилась их первая встреча в Хасанье, а минуло уже долгих тринадцать лет!

– Годы, так лениво ползущие, пока мы молоды, с приближением старости прямо птицею летят!.. Что поделаешь, Настенка, – сказала Сафият, произнося имя без мягкого знака, на балкарский лад, и оттого зазвучал ее ответ по-особому задушевно.

Вот уже в четвертый раз за эти тринадцать лет приезжает Анастасия Борисовна в Хасанью. Каждые раз водят ее по санаториям, по врачам. Но, как она теперь сама понимает, ей больше помогают серные ванны Ак-Су. А обстановка в редком по доброте и совестливости семействе ее горской подруги целебно действует на состояние духа Анастасии Борисовны.

Перед тем как отправиться сюда она не раз готовилась открыть душу Сафият, выговориться, как это она сделала когда-то перед ее сыном Атлы, когда тот зашел пригласить их с внуком Димой в гости на Кавказ. Но... здесь их так радушно встречают, что все приготовленное ею забывается, как только они с Димой входят в их просторный гостеприимный двор. А день-другой спустя она и не вспомнит, что хотела рассказать или откладывать со дня на день, и снова увозит свои невысказанные слова с собой в Ленинград.

– Пойдем-ка, Настя, на воздух, я постелила тебе кийиз* под твоим любимым орехом, полежим, отдохнем, – пригласила Сафият Анастасию Борисовну, заходя в отведенную ей с внуком Димой комнату.

Подруга не заставила повторять приглашение.

Они сегодня вернулись из Ак-Су через лес, – не стали, как обычно, кружить в автобусе через Долинск. Теперь договорились туда и оттуда ходить только пешком. Правда, приходится переходить вброд две речки – Ак-Су и Нальчик, но это только бодрит, когда идешь по свежей ворчливой струе босиком. Ну а когда войдешь в лес, что по берегам речек, и выходить не хочется – до чего же приятна эта лесная прохлада!

– Вот смотлети, я вам айлан плинесла, – сообщила издали черноглазая курьявая девочка и, боясь пролить, шагая осторожно, принесла и подала Анастасии Борисовне полную деревянную чашу.

– Вот видишь, Настенка, моя помощница пришла!.. Да стану жертвою твоею, свет очей моих! – приласкала Сафият внучку Налмас, дочь младшего сына.

* К и й и з – горская узорчатая кошма.

«Все они такие, – и старшие, и младшие, и их дети: нужное тебе доставят раньше, чем ты сама об этом подумать успеешь!» У Анастасии Борисовны даже глаза повлажнели, комок к горлу подкатил. Да... разве только сегодня так! Она, не в силах вымолвить слово, сидя повернувшись, прижала девочку к груди и поцеловала. И та обняла ее пухленькими ручонками за шею, погладила седые волосы.

Похвала старшего для ребенка не меньшая гордость, чем для взрослого награда за его подвиг. Радуюсь похвалам и ласкам бабушек, кудрявая Налмас вприпрыжку побежала к маме, что ждала ее у входа в дом. А старые женщины светло улыбались, глядя ей вслед.

– Ты счастливая мать, Сафият! – тихо сказала Анастасия Борисовна. Сафият не ответила.

– Два сына, две дочери, полный двор внуков и внучек... Ты очень счастливая бабушка, Сафият!

Сафият опять промолчала: что говорить, если это чистая правда, а у балкарцев не принято высказывать на людях довольство собой. Она только почувствовала, что щеки ее потеплели. Светлее стало вокруг, легче стало смотреть и дышать.

– Не делаешь различий между зятьями, снохами и своими детьми, я вижу это, и все они смотрят на тебя как на родную мать... Вы – красивая семья! – завершила Анастасия Борисовна. На этот раз в ее голосе прозвучала зависть, чего раньше никогда не бывало. – Но... не лучше ли было бы тебе жить с одной из дочерей? – спросила она, в задумчивости помолчав некоторое время.

Сафият не ответила. Она молча ушла в дом и принесла подушки – Анастасии Борисовне и себе. Они легли под орешником. Разговор возобновила Сафият.

– Как бы много их ни было, – сказала она, – квочка сама смотрит за своими цыплятами! Когда выходит на улицу, их от себя далеко не отпускает, когда они соберутся вместе, всех прикрывает крыльями... – Сафият задумалась, взгляд ушел куда-то вдаль, потом посмотрела на Анастасию Борисовну, словно спрашивая, понимает ли она ее мысль, поправила подушку, приподнялась, опираясь на локоть. – Хотя девочки и мои, но они уже люди других фамилий... С одной стороны, ты права, Настенка: руки мужчины не так мягки и ласковы, как женские. И как бы сильно ни любила тебя сноха, она может не так ухаживать, как родная дочь. Но... у меня есть обязанность, которую диктует моя женская доля: я должна сохранить тепло очага дома, где как жене мне суждено было стать хозяйкой.

– Ты очень умная мать! – сказала Анастасия Борисовна. Сафият откинулась назад, подложила ладони под голову; видно, неудобно ей стало от похвалы подруги, но в ответ не сказала ничего. – Умная мать, каких нет! – убежденно повторила Анастасия Борисовна. – Но и... дочери тоже... твое семья.

– А разве я сказала, что нет! Я говорю совсем о другом: теперь и у каждой из них, как и у меня в этом доме, свой долг перед своими фамилиями.

– Понимаю, сестра моя, понимаю!.. Как хорошо, что у каждого народа свои красивые обычаи, Сафият! – сказала Анастасия Борисовна, словно

она только что узнала, что все народы не подчиняются одним обычаям, и ей от этого стало так приятно, и так это ее удивило. – И этот ваш обычай мне очень по душе... Ну а сыновья? Как они согласились расходиться, жить своими семьями в разных домах? Мне кажется, нет других таких братьев, которые бы так любили друг друга, клянусь!

– А что они не знают, что древние балкарские обычаи родились не в нашем доме? – ответила Сафият. – Когда выдали девочек замуж, женили старшего сына. Через год собрались и построили им добротный дом. А еще через годик сюда привели нашу младшенькую... Если бы они всегда жили вместе, возможно не были бы они так дружны... И снох моих видишь, – да не посмотрит на них завистливый глаз! – как близняшки они у меня!..

– И это вижу, правду говоришь, Сафият!

– Это я сказала из-за того, что ты спросила, «как они согласились расходиться, жить своими семьями в разных домах?.. У нас по обычаю с родителями остается младший. Их радости и печали – его радость и печаль. Старики и другим своим детям помогают руками младшего. И в последний путь... уходят со двора младшего. Таков обычай.

– Хорошо, что между ними не было взаимных претензий на дом, на имущество, – это ваше счастье, Сафият!

– Претензии на дом... на имущество... как это? – не поняла Сафият. Не стала уточнять это и Анастасия Борисовна.

– А как новые родственники? – спросила она. – Им понравилось ваше решение? В таком деле бывает много, что вызывает обиды. А у вас, у горцев, – тем более...

– Правда твоя, – тем, где дают калым, требуют приданое, обычно возникают какие-то обиды, ссоры, пересуды. – Сафият откашлялась, украдкой смахнула платком слезинку и слегка изменившимся голосом продолжила: – Отец наших детей не признавал калым... И, слава Аллаху, как видишь, создали такие семьи, о каких могли только мечтать... Но прошу тебя, Настенка, не думай, пожалуйста, что хвалюсь. Это сейчас все хорошо, а так... всякое бывало...

– Ты очень счастливая мать, сестра Сафият! – еще раз повторила Анастасия Борисовна. – Каждый раз к моему приезду среди внуков твоих прибавления замечаю, пусть растут здоровыми да счастливыми!.. Даже в этом дворе у тебя их четверо, Сафият.

– А вот здесь, Настенка, душа моя, делить их на внуков от сыновей и на внуков от дочерей никак не годится, – засмеялась Сафият. – Сейчас я жду пятнадцатого внука, а большинство из них от дочерей.

– Пусть и этот пятнадцатый появится в радостный день!

– И тебе пусть придет счастье с его появлением, да увидим мы с тобой, как с его появлением пришла большая радость миру!

Не сказала Сафият, да и Анастасия Борисовна не спросила, в каком дворе будет курманлык* ожидаемому внуку. Правда, она даже в день приезда заметила, что мама кудрявой Налмас ходит не как всегда резво,

* Курманлык – жертвоприношение, угощение.

старается не обращать на себя внимания, передвигается так, чтобы поменьше ее замечали. Она как-то слышала от Сафият – балкарцы о тяжелой женщине говорят: одна нога роженицы на тёре *, другая – на погосте. Пусть судьба этой чистосердечной молодой женщины будет такой, какую желают ей ее мамы!

В тот год, когда Анастасия Борисовна познакомилась с Атлы, ее внук наверно, был таким, как эта кудрявая «помощница» Сафият.

Как только вспомнился единственный внук, ей и подушка показалась мягче, посветлело лицо, глаза и губы улыгнулись, легче стало дышать, будто в знойный полдень подул прохладный ветерок. Она не перестает удивляться, как ее внук Димочка может жить в городе – только появится свободный часок, он уже на речке или в лесу. А когда они приезжают в Хасанью, от зари до темна не появляется дома. Уже облазил все отроги Нарт Уя. Урочища Верхний и Нижний Зыгыр Кол шагами отмеряет. По берегам речек Нальчик и Нарт Уя ходит до истоков. Если на счастье ему бабушка разрешит, переночует у чабанов, а день проведет с косарями.

– Твоя мама, кажись, не на прогулке тебя родила, гулена! – посмеется в такие дни Анастасия Борисовна, когда здоровеньким вернется внук, разглядывая его всего и радуясь, что не ушибся непоседа.

Вчера утром Димочка встал перед Атлы и сказал, жестикулируя, будто стихи читал: «Хочу увидеть своими глазами, как синевато-белесые облака спускаясь с высот и ласково обнимая леса, долины и склоны гор, убаюкивают природу перед сном, хочу увидеть пробуждение бездонных Голубых озер!» А для Атлы его желание – закон. «Клянусь, друг мой, сверх этого твоего желания мы еще послушаем и ночные песни чинарового леса!» – сказал он Димочке и увез его в горы. Если ее внук еще что-нибудь не выдумает, они к обеду должны вернуться.

Димочку балуют и в семье Фаруха, – субботние и воскресные дни они обычно проводят у них, – но чтобы как здесь, в Хасанье, носили, чуть ли не на ладонях, что вы, никто не будет!.. Хотя и не было никакой другой радости в детстве, его счастье, что он рос в окружении таких сердечных людей, мой бедный мальчик... Нет, все же когда мы встретились с Атлы в Ленинграде, Дима, кажется, был чуть старше кудряшки Налмас, – прошептала Анастасия Борисовна.

Сафият прилегла поодаль от нее, улыбаясь всем лицом, ведет с кем-то, судя по всему, приятную беседу. Наверно, замолчала, думая, что Анастасия Борисовна вздремнула. Но сон не коснулся даже и кончика ее ресниц. Она просто задумалась, в воспоминаниях вернулась назад, к памятным дням тринадцатилетней давности. Так она обычно поступала в Ленинграде, когда готовилась ехать на Кавказ, в Хасанью. Ну а здесь почему-то именно сегодня пришли на ум события тех дней. И зачем эти воспоминания вообще нужны!.. Она пыталась отогнать их и не могла.

О том, как она жила после смерти мужа, Василия Семеновича, не все знают, даже Фарух Галимзянович с Раузья Зиннатовной. Они живут далековато от города, но в Ленинграде у Анастасии Борисовны ближе их

* Т ё р – самое почетное место в доме горца.

никого не осталось. О Димочке говорить нечего, он еще совсем ребенок, а сын Захар домой в год всего-то раз, самое большее два раза и приходил. Работа у него такая. Ну а со снохой жизнь совсем не сладилась.

В домах гостиничного типа для спортсменов на берегу Невы Анастасия Борисовна проработала около года. За это время она разных видела спортсменов – и юношей и девушек. За одних она радовалась, даже их родителям завидовала, других осуждала. А вспомнить почему-то никого из них не может, все было так быстротечно – вчера приехали, завтра уехали, в памяти не задержались.

Хотя и не спортсмены, другое было дело с группой, в которой приехал Атлы. Они приехали в Ленинград в первые дни апреля и прожили в восьмом корпусе больше месяца. Анастасия Борисовна не только знала их в лица, но и запомнила почти всех по имени, кто из них откуда приехал, какой национальности. Тот, смуглолицый, черноглазый парень, который ходил так, будто стеснялся людей за то, что он такой симпатичный да стройный – Нургельды Курбансаидов, туркмен. А этот чуть ниже среднего роста крепыш, готовый отдать все, что у него есть, лишь бы людям было хорошо, – казах Косайдар Батпенов, просто – Косай. Тофик Муталимов – один из самых молодых поэтов Азербайджана, любимец молодежи, песни на его стихи в кинофильмах исполняются. А вот «голубоглазая сестра группы» – красивая русская девушка Октябрина Соколова, приехавшая из Якутии. Всех, ну почти всех она запомнила – и Сашу Смайкина из Пензы, Володю Гусева из Липецка, Станислава Демкина из Рязани, Юру Рябинина из Туркмении... Странно устроена людская память: то никто не запоминался, а то вся группа осталась в памяти.

Имя Атлы было у всех на устах, так что если бы даже захотела, не могла не запомнить. И еще – среди парней только он и Тофик носили усы, а имя его было такое странное, какое Анастасия Борисовна в жизни и не слышала, – Атлы! Когда по ее просьбе он перевел, что означает имя, ей это показалось строчкой из песни, и почему-то заставило задуматься. Так она довольно долго просидела молча, а когда с Атлы* они остались одни, рассказала, как ей дали имя Анастасия.

– Это имя наши впервые услышали от священника по имени Ипполит, – говорила Анастасия Борисовна, сама удивляясь, что заставило ее разоткровенничаться с малознакомым молодым человеком. – Наша добротная русская пятистенка из тесаного кругляка стояла недалеко от церкви. В свое время русские деревни имели свои церкви – насколько село богато, настолько и церковь большая. А приход батюшки в любой дом считали за честь, все завидовали тому. Шутка ли, даже те, кто был абсолютно уверен, что все в мире – и людей и богатство – держат в своих руках, и те склоняли головы перед батюшкой! Многие хотели с ним дружбу водить, но не ко всем он заходил.

Отец мой, Борис Илларионович, был состоятельным и очень сильным мужиком. Они с батюшкой Ипполитом один раз в неделю хорошо сидели

* Атлы – всадник (балкар.).

и расходились с первыми петухами. А в тот вечер, когда я родилась, у них все было в самом разгаре.

– Сноха моя родила мертвую девочку! – закричала, говорят, на всю округу, зарыдала молодая сестра моего отца. – Тепленькая, но не шевелится и не дышит бедненькая!

Повитуха, видать, была в этом деле опытная, – не дала мне умереть: взяла за руки и за ноги, потрясла как поросеночка, в нос подула, по попке побила – и вернула меня к жизни. Мой душераздирающий крик несказанно обрадовал всех, кто в это время там был.

– Люди, смотрите, у меня есть племяшка! – кричала, говорят, тетка, прижимая меня голую к груди, прыгая и бегая по двору, а повитуху, кроме полученного от родителей подарка, одела с ног до головы. Вот какая сестра была у моего отца!.. Я не помню ее, и никто ничего не помнит о ее судьбе: убежала, говорят, с каким-то гусаром на юг.

– Так иногда рождаются, – сказал батюшка Ипполит, когда узнал, что я ожила. – Если повитуха растеряется, заказывают гробик, а если она проворная да опытная, как видите, вот так все и кончается... Тот, чья душа вернулась повторно, непременно живет два века...

Отец, который вначале растерялся настолько, что сидел, почти ничего не понимая из того, что говорит священник, не произнося ни слова, а потом, говорят, сам побежал, принес громадную бутылку самогону и закуски. Пили, ели, поднимали полные стаканы за здоровье друг друга, и не заметили, как наступил рассвет. А тетка моя, Фекла, просидела рядом, не давая мухам не только сесть на них, но даже подлететь.

– Таким, вновь рожденным, как твоя дочурка, в древние времена давали имя А н а с т а с и я, – сказал отец Ипполит, когда с большим удовольствием осушил полный стакан, поднесенный Феклой «для поправки головы», и шумно понюхал свой рыжеволосый кулак. – Анастасия в переводе означает – «возрожденная»... Такие два века живут, – опять повторил он. – Давай, раб божий Борис, назовем твою кроху Анастасией.

Тут же мне и дали это имя. И снова начали пить. За вернувшуюся к жизни Борисовну, которая обязательно проживет два века «подняли по единой». За здоровье уважаемого батюшки Ипполита, давшего дочери Бориса такое красивое да такое звучное имя, еще раз «по единой». За повитуху, которая, молодец, не растерялась – «по единой». За красавицу Бориса жену, подарившую миру Анастасию – «по единой». Еще и еще за что-то – «по единой»... А мне кажется, что с тех пор не два, а много-много веков прошло!.. Иногда я думаю, как было бы славно, если бы не вернулась тогда моя душа. Но ведь тогда бы я и с Васей моим не встретила бы, и соколов бы моих не было, говорю и беру свои слова обратно, каюсь за свои кощунственные мысли... И еще – что стоит, есть ли вообще цена моему Димочке!..

Анастасия Борисовна, проглатывая слезы, пыталась улыбнуться. Атлы еще не знал, кто были те, чьи имена она назвала.

Однажды, когда все ушли, Анастасия Борисовна решила прибраться, тихонечко открыла дверь в комнату и, испугавшись, уронила веник. Она

думала, что там уже никого нет, но там был Атлы, он сидел на аккуратно заправленной койке, что-то читал и беззвучно смеялся! Как только увидел Анастасию Борисовну, молодой человек соскочил с места и радостно поздоровался. Но что удивительно – в это время он ни слова не произносил, а вдохновенно пел!

– От мамы письмо получил! – сообщил он, садясь на место.

– Ну и... хорошо.

– Это она написала с о б с т в е н н о р у ч н о!

– ?!

Анастасия Борисовна не могла понять ту безмерную радость, которую Атлы не мог вместить: что, начало обычаю писать письма своим детям положила мать Атлы? Или Атлы не знает, что матери пишут письма?

– Я попросил приятеля, который остался в Москве, чтобы он переслал мне сюда, если на мое имя придет письмо, а он вот, добрая душа, прислал! – сказал Атлы, встал и подошел ближе к Анастасии Борисовне. – Вот посмотрите, все это она сама написала!.. Собственноручно! – повторил он.

– Ну и что из того? – спросила Анастасия Борисовна, даже не посмотрела на письмо, а Атлы показалось, что она изменилась в лице, даже злится почему-то.

– Это письмо написала моя мама! Ни к кому за помощью не обратилась, взяла и написала сама, своей рукой! – повторил Атлы, удивляясь тому, что эта добрая пожилая женщина не понимает его радости.

– Ну и что из того – она сделала то, что не делают другие матери, что ли?!.. Ну... написала сыну письмо и...

– «С тех самых пор, как твой отец вернулся с фронта, ручку беру в руку в первый раз», – пишет она!.. Значит, они переписывались! – сказал Атлы, не слыша упрека в голосе Анастасии Борисовны. – А я, балбес такой, даже не подозревал, что мама знает грамоту!.. Смотрите, она написала латинскими буквами... Чувствуется, что рука дрожала... бедняжка!

Теперь она поняла его, но отзвук собственной судьбы болезненно кольнул ее сердце. Тут уж Атлы осталось гадать, что заставило ее побледнеть. Она уронила веник, даже не заметив этого, и неверными шагами отошла к окну, повернувшись к юноше спиной. На его глазах она сникла, будто став меньше ростом, плечи ее мелко вздрагивали.

Атлы подбежал, усадил ее на стул, засуетился с графином, наливая воду, но она отстранила стакан, глухо спросила:

– Сколько детей... у твоей матери?

– Шестеро, – растерянно ответил Атлы. – Старший, Жаныбек, погиб в начале войны на границе, второй – Жашарбек, вернулся, но... умер от ран. Две сестренки. Потом – Жашау и я. Я – самый младший, – с готовностью объяснил он, хотя она его не спрашивала о подробностях.

Анастасия Борисовна больше не сдерживалась, слезы хлынули сразу, она вытирала их платком, а они все лились и лились...

Атлы смущенно молчал. Анастасия Борисовна заплакала открыто. Не отвернулась, как это она делала только что, не закрыла лицо руками. Довольно долго сидела молча, не вытирая льющихся слез.

– Мы с моим Васей тоже... шестерых воспитали... Наши все парни...

А оттуда... – она неопределенно махнула рукой, – из пятерых наших соколов только один... И тоже потом... от ран.

Может быть, Анастасия Борисовна и рассказала бы о своей семье подробней, да времени уже на это не хватило: кто-то крикнул по имени и, будто только обладатель этого голоса мог избавить ее от всех бед, собралась и поспешила на зов. Атлы остался в комнате один. А когда понял, что Анастасия Борисовна не скоро вернется, метлу и ведро отнес в ее подсобку и ушел в город.

Анастасия Борисовна в тот вечер в общежитие не вернулась. Не вышла на работу и на следующий день. А в субботу утром тот мужчина, что позвал ее, привел одну пожилую женщину. Он показал ей, где находится ведро, тряпки и весь скарб из кладовки технички и пообещал, что через неделю найдет ей замену, если та не захочет работать, и оставил ее во дворе. Слышавшие эти разговоры юноши и девушки удивились, посмотрев друг на друга, пожалы плечами, – что бы это все могло означать? А Атлы побежал за мужчиной – спросить.

– Ничего с Анастасией Борисовной не случилось, она жива и вполне здорова, – ответил мужчина, сняв очки с толстыми стеклами, тщательно протер платком и снова надел их. – А вы кто будете? Какое у вас дело к Анастасии Борисовне, если, конечно, мне позволено будет знать об этом, – спросил он, остановился посреди аллеи, сжал руки в громадные кулаки, подпер ими бока, нагнул голову к правому плечу и посмотрел на юношу, прищурив близорукие глаза.

– Меня зовут Атлы, я студент, сюда приехал из Москвы, а Анастасия Борисовна для нас всех...

– А-а-а, понимаю, молодой человек, понимаю! – широко улыбнулся он, подал руку. – А меня зовут Фарух, Фарух Галимзянович Габдуллин... А тебя, молодой человек, я знаю: твое имя и раньше с уст Анастасии Борисовны не сходило, а в эти три-четыре дня, с тех самых пор, как ты ей показал письмо своей матери, никаких других разговоров между нами почти и не бывает, только о тебе да о письме твоей матери... Да, не очень тебя обижают, что я говорю «ты»?

– Нет, нет, что вы!..

Фарух Галимзянович взял под руку Атлы, и оба пошли по аллее, ведущей к стадиону имени Кирова.

Фарух Галимзянович – ленинградец. Как он сам любит говорить, – питерский мужик. Мальчик, почти не помнящий свою маму, он столицу империи измерил, бегая по поручению человека, который без посторонней помощи не мог даже из харчевни выходить, отяжелен животом, свисавшим почти до колен. А отца он потерял, когда ему еще и шестнадцати не было. Чуть ли не напололам разрубленного казацкой шашкой отца он сам принес на руках в рабочий барак на окраине города – после разгона демонстрации. Позже, уже во время гражданской войны, защищал Петроград. Там и встретился с весельчаком Васькой, Василием Семеновичем, сдружились с ним крепко, на всю оставшуюся жизнь.

– После гражданской мы начали работать на одном заводе, – рассказывал старый мастер юному кавказцу в тот вечер, – станки наши стояли

рядом, а в доме квартиры были по соседству. В блокаду, каждый день которой был тяжелей самого трудного мирного года, мы жили в одной комнате. Так было теплей. Так было легче помогать друг другу.

Много ходили они по парку и по городу. Фарух Галимзянович, как человек очень любящий свой родной город, прекрасно знал Ленинград, к тому же был превосходным рассказчиком. В тот день дома, дворцы, площади и улицы Ленинграда Атлы узнал с той стороны, которую, возможно, даже экскурсоводы не все знают. А чуть позже из его неспешного с подробностями рассказа Атлы узнал и о том, как не щадила жизнь Анастасию Борисовну, и бесконечно горевал вместе со старым другом их семьи Фарухом Галимзяновичем. Люди разных поколений, в тот день они стали друзьями.

Анастасия Борисовна и ее сверстники – другое особое поколение (сами называют себя другим народом; может, они и правы в этом). У них не было времени думать о своей жизни. Даже о том, что достигли достаточно зрелого возраста, они поняли, когда их дети сами начали намекать им: сыновья – что приведут снох, дочери – что мечтают создать свои семьи. Хотя эти более чем прозрачные намеки и были поняты, время не дало им возможности поплясать на свадьбах, их дружившие с рождения дети не стали снохами да зятями – время повелевало взять в руки оружие. А затем оно начало испытывать на прочность старших и младших – иногда кроме всех других бед еще и голодом, а иногда, сверх вестей о гибели родных и близких, и бесчинством врага!

Это лицо суровой жизни, страницы суровых лет. Анастасия Борисовна не любит вспоминать о том, как жили тогда и что испытали. Ну а если попросят вспомнить, то только и скажет, что вместе со всеми ленинградцами жили, работали, выдержали!.. В беседе не произнесет гордое слово *победители* – хотя, проведив сыновей на фронт, и работали с постаревшими мужьями по десять-двенадцать часов в сутки, себя они причисляют не к тем, кто победил, а к той группе людей, кто «попытался выдержать блокаду». Но история еще не определила, чей вклад в эту Великую Победу больше. И нет, наверное, необходимости делить на два Победу, завоеванную общим усилием всех, общим подвигом всех – единая, Победа ярче светит!

Тяжесть, выпавшая в те суровые дни на долю страны, давила на плечи каждого из них. Кроме общего, у каждого было и личное горе. В те редкие минуты, когда можно свободно вздохнуть, в те крайне скупые на радость и покой годы ленинградцы искали и находили друг друга: блокадные дни, каждый из которых длился больше года, превратили их в одну несгибаемую семью. Поэтому, как только начинается какая-нибудь беседа по поводу, они и начинают рассказывать не о себе, а непременно о друзьях-товарищах.

Сыновья, которых Анастасия Борисовна с Василием Семеновичем думали начинать женить одного за другим, отдали свои жизни за родной город. Первой их радости – Ивана – двадцатипятишестилетнего, не успевшего даже жениться, могила – Балтийское море. Его младшие братья – Василий, Виктор, Владимир – покоятся в трех концах Ленинграда, в трех братских

могилах. А пятый из братьев, Семен, вернулся с тяжелым раненым – ему не помогли ни лекарства, ни материнское тепло.

Самый младший из шести братьев, Захар, жив. Мальцом был тогда, все на фронт рвался, не раз его приводила домой милиция. А когда пришел призывной возраст, его не отпустили. Да и то сказать – на заводе не легче было, чем на фронте. Года через два после войны в институт поступил, блестяще закончил его. Имя Захара теперь широко известно в ученом мире. А женился он поздно. Его свадьба должна была быть шестой в доме Василия и Настеньки, а стала единственной, – будь проклята война... Василий Семенович и месяца не прожил после той свадьбы.

– ... Вот сколько выдержала-пережила наша Настенька-Настюшка! – закончил свой рассказ Фарух Галимзянович в тот незабываемый для Атлы день.

То, чем восторгался Фарух Галимзянович, не осветило помрачневшее лицо Атлы – бросило в пучину горьких дум. Он попытался вспомнить подробности того дня, когда читал Анастасии Борисовне письмо своей матери, каждое свое движение, сказанное слово, взгляд и даже интонацию. Он представил вдруг изменившееся, слезами омываемое лицо пожилой женщины, безмолвно сидевшей, тщетно пытавшейся не выдавать жгучее горе.

Любая женщина достойна высочайшего почтения: она – мать или будет матерью. Но Анастасия Борисовна – мать парней, жизни которых оборвались на пути, ведущем к Победе! – лучшая из лучших матерей! Атлы подумал, что своей радостью он больно задел материнское сердце, превращенное горем сыновей в головешку. Возможно, правильно подумал: радость и горе в одно сердце входят. А война никого не пощадила – обожгла и осталась вековой раной.

Последний, почти получасовой отрезок пути Фарух Галимзянович и Атлы прошли молча. С проспекта Суворова они повернули налево, на Пятую Советскую улицу, и поднялись на второй этаж четырнадцатого дома, постучались в четвертую квартиру. Никто не ответил. Фарух Галимзянович толкнул дверь – закрыто.

– Наверно, рабочих пошли искать, – предположил Фарух Галимзянович.

– Каких рабочих? Для чего?

– Сам смотри, на что нужны рабочие: дом этот не новый, а квартира, которую выделили Настеньке, тоже освобожденная... Пока не переселили ее, хотели обновить полы, побелить, покрасить где надо... Видно, не терпелось женщинам, пока я вернусь! Вот безбожницы, а...

Атлы не спросил, кто вторая женщина, подумал: наверно, жена Фаруха Галимзяновича. Позже выяснилось, что так оно и было. Фарух Галимзянович и Атлы вышли во двор, сели на скамейку под деревом. Беседа возобновилась.

Сейчас они с сыном живут в Гатчине. Сын – железнодорожник. В десяти минутах ходьбы от станции у него есть свой великолепный дом. И детям лучше, что они живут вместе. Ни одного из тех, что сейчас учатся в институтах и школе, не отдавали в детские сады и ясли. Всех воспитали

сами. В тот момент, когда Атлы, улыбнувшись, собрался было спросить, сколько же это их «всех», Фарух Галимзянович, как-то странно заикаясь, приподнялся с места, – к ним навстречу шла Анастасия Борисовна, ведя мальчика за руку.

– А-а, если Ан-на Д-дмитриевна узнает, что она с-скажет, Настенька?!

– А пусть говорит, что хочет, – может, и у меня есть на него право хоть на час-другой! – нехотя махнула рукой Анастасия Борисовна, как человек, которому давно надоело бояться. Потом увидела Атлы и очень ему обрадовалась, в этой стройной приветливой женщине никто не узнал бы ту сгорбившуюся морщинистую старуху. – Атлы, сынок, и ты пришел?.. Как мило с твоей стороны!.. А это мой Димочка, познакомьтесь, мужчины.

Светловолосый голубоглазый мальчишка лет четырех-пяти, шагая вразвалочку, как маленький взрослый человечек, подошел к ним и поочередно подал обоим руку, а Атлы назвал и свое имя: «Димочка». Он был чисто умыт и аккуратно одет. Ему очень шла его одежда – молочной белизны безрукавка, черные шортики, черные босоножки и белые в красную полосочку носочки. Видно было, что этот опрятно одетый красивый мальчишка очень хорошо воспитан.

– Ну а теперь, мужчины, посмотрите мои хоромы, – пригласила Анастасия Борисовна и, не дождавшись никого, сама пошла первой, и Димочка за ней.

Правильно делают, что ищут рабочих – есть что отремонтировать, подумал Атлы, а квартира довольно просторная. Старшие осматривали все кругом – похвалили, что ванная и санузел отдельные, кухня большая... Делясь впечатлениями, вышли на балкон. Здесь к старшим обратился Димочка:

– Почему в этой большой квартире ничегошеньки нету? – спросил он, недовольно показывая большим пальчиком на комнату, будто делал замечание тем, кто пригласил его, чтобы узнать мнение о квартире, потом повернулся к своей бабушке и посмотрел снизу вверх. – Как ты здесь жила все то время, что не бываешь дома? На полу спала, да?

Никто не мог и подумать, что ребенок учинит такой допрос. Мужчины, крайне удивившись, посмотрели друг на друга. А Анастасия Борисовна очень растерялась, эта высокая стройная с худощавым приветливым лицом женщина согнулась, как в тот день, когда Атлы читал ей письмо матери.

– Я... Я еще... не переехала сюда, сынок... Я... жила совсем в другом месте... И тот дом... совсем недалеко отсюда...

– А почему ты не хочешь со мной жить, не любишь меня? Я все жду-жду тебя, а ты ушла без меня, и все не приходишь и не приходишь! – высказал свою крепкую обиду Димочка. – Теперь будем жить вместе!

– Хорошо, Дима, хорошо, ты обязательно будешь жить с бабушкой. Ты только не обижайся на нее, она больше всех тебя любит, – неумело попытался поправить положение Фарух Галимзянович, глядя мальчика по головке своей ручицей. – Правда, Настя? – Он глянул на Анастасию Борисовну. Та стояла посреди комнаты, закусив нижнюю губу, попыталась кашлянуть. Не смогла.

– А где Раузя? Вы что, не смогли договориться с рабочими? – Фарух Галимзянович вовремя задал вопрос: этим он помог бабушке справиться с чувствами, не расплакаться перед внуком. – Где ты оставила Раузя, не домой ли она ушла?.. Мы же договаривались с ней еще сходить к дочке...

– Я... согласна была заплатить, сколько попросят, Раузя только почему-то не захотела. И меня отчитала, что я в этом ничего не смыслю, – ответила Анастасия Борисовна, и ее голосе была слышна благодарность. – Сказала, что где-то еще одна бригада работает, пойдет поговорит и с ними, наверно, уже возвращается. Я довольно долго была с Димочкой...

– А для ремонта у вас все готово? – спросил Атлы, когда понял, о чем идет речь.

– Ну что ты, сынок, ничего у нас нет, да откуда ему и быть... Думали, мастера с собой принесут.

– А что тут готовить-то, очень много, что ли, тут нужно, – проговорил Фарух Галимзянович, оглядывая комнату. – Две-три банки лака да ведро известки. Найдем.

– Тогда находите, а остальное оставьте за нами, – сказал Атлы уверенно. – Человек пять-шесть приведу, а дальше дело себя покажет.

Беседа взрослых прервалась, когда в наступившей паузе послышался голос Димы, увлеченно говорившего что-то самому себе, – тут даже у выдавшего виды Фаруха Галимзяновича к горлу подкатил комок.

– ...та-а-ак, вот это самое светлое местечко, значит, кровать бабулечки поставим здесь. А тут будет стоять моя кушетка. Мой крейсер и другие мелкие пароходики в том углу, а в этом – машины...

– Вы видали его... даже матери его здесь не нашлось места! – сказал одним дыханием Фарух Галимзянович. – Ты видела, Настенька, нет, скажи, ты видела, а ты видел? – Он поворачивался то налево, то направо. – Димочка отца своего и не вспомнил...

Атлы ничего не понял – он вопросительно посмотрел на взрослых и на малыша, не понял, что те нашли интересного в том, что Димочка, как и положено, играя в свои детские игры, меряет шажками комнату, забавляет сам себя. Очень хорошо, что малыш может думать самостоятельно, но не помешало бы им поинтересоваться, с кем это Атлы утром придет к ним. Нет, не спросили. Атлы даже показалось, что те, кто так внимательно следят за детскими играми и с таким удивлением говорят об этом, как о чем-то неслыханном, – просто пренебрегли его предложением и забыли о нем самом. А это, безусловно, обидело его: он еще совершенно ничего не знал об отношениях между внуком и бабушкой, между свекровью и снохой.

Между тем дверь резко распахнулась и в комнату ветром ворвалась Раузя. Ни муж, ни подруга ни о чем ее не спросили, только переглянулись и пожалы плечами. Остальных Раузя просто не заметила.

– «Все заготовленное впрок спиртное сами не кончайте. А после майских праздников приготовьте хорошую закуску и ждите нас!» – передразнила она кого-то, и еле сдерживая себя, чтобы не выразиться, крепко сжала губы. – Сейчас они тем, кто в безвыходном положении, за двойную

плату делают, бесстыжие!.. А к нам пожалуют с одурманенными головами похмеляться... работнички, мать вашу!..

– На кого ты так злишься, Раузя?

– На кого, на кого!.. – Видно, ей трудно было найти слово, достойное тех, кто ее так обозлил, она презрительно наморщилась и махнула рукой.

– Ну, оставь их, бог с ними, с работничками твоими. Вот этот молодой человек, наш друг Атлы, начал предлагать очень хорошее дело, да мы не дали ему договорить. Что ты говорил, сынок?

Фарух Галимзянович подошел к Атлы, обнял его за плечи и подтолкнул вперед. Атлы шагнул вперед, поздоровался с Раузя кивком головы. А женщина протянула руку.

– Раузя Зиннатовна, – представилась она, по-мужски пожимая руку Атлы. – А ты еще совсем молодой, можешь называть Раузя-апа, – разрешила она. – Ну-ка скажи, чем ты их так обрадовал, сынок?

Атлы коротко повторил предложение отремонтировать квартиру.

– Прекрасное предложение, живи долго, душа моя! – похвалила Раузя-апа.

На следующий день Анастасия Борисовна и Раузя Зиннатовна встретили группу Атлы на повороте к дому. К их приходу и лак, и краска, и известь уже были приготовлены.

Руководство взяла в свои руки Раузя Зиннатовна. Работа закипела, Фарух Галимзянович, с Димочкой в качестве помощника, покрасил балкон и двери. Девушки в два счета побелили комнату и кухню. Увидев, что Анастасия Борисовна слоняется без дела, Раузя Зиннатовна дала ей в помощницы одну из девушек, велела готовить обед. К этому времени юноши отциклевали, помыли, просушили полы и покрыли одним слоем лака. К вечеру положили лак второй раз. Утром рано Атлы пришел с одним своим другом и покрыл пол лаком в третий раз.

Это было накануне Первого мая.

После первомайской демонстрации все студенты-москвичи группами бродили по улицам Ленинграда, «сфотографировались с Петром Первым», потом поехали в Петергоф, сфотографировались и там. Каждое поколение в зависимости от возраста отдыхает по-своему.

– Эй, северяне! Слабо вам в Балтике искупаться? – спросил Атлы своих друзей, когда спустились на пляж. – Отойдите от берега, простудитесь! – пошутил он. – А я покажу вам, как на Кавказе форели плавают...

Часам к четырем морской «чернорабочий» – теплоход «Алексей Тол-стой» вернул их в «северную Венецию». Студенты, как и гуляли, группами, прямо с морского вокзала ушли отдыхать, а Атлы, сказав, что проведает Анастасию Борисовну, свернул к Советским улицам.

Найдя знакомую дверь, он тихонечко постучал. Ни звука в ответ. Он постучался еще раз. И еще. Прислушался, затаив дыхание. Затем подтолкнул дверь – она и открылась. Но в комнате никого не было, и он прошел на кухню. Там, у окна, опираясь локтями о подоконник, обхватив ладонями лицо, сидела Анастасия Борисовна и задумчиво смотрела в окно. Ни стук в дверь, ни покашливание Атлы так и не привлекли ее

внимания. Он громко поздравил с праздником, спросил, здесь ли те, кто обещал быть к обеду...

Анастасия Борисовна тяжело оторвалась от подоконника, повернулась в сторону Атлы, словно спрашивая, кто это мне тут морочит голову, глубоко вздохнула, снова отвернулась. Вытерла губы, глаза, поудобнее уперлась локтями о подоконник, приняла прежнее положение и снова стала смотреть куда-то вдаль. Атлы ничего не понял. Может, она обиделась на него? Но как, чем бы он мог ее обидеть, если в ее присутствии даже голоса не повышал... Он нагнулся, потрогал, высох ли лак, что он положил сегодня утром, затем потянул детский стульчик ближе к окну, сел рядом с Анастасией Борисовной и вопросительно посмотрел снизу вверх.

– Что, они снова начали, это адово семя?! – спросила женщина, не спросила, а вздохнула, как человек, который через силу терпит боль, спросила, не повернув головы.

А теперь Атлы тем более ничего не понял. Не зная, что сказать и что делать, продолжал сидеть, вопросительно глядя на нее.

– Это тот самый распроклятый Паулюс, которого под Сталинградом пленили? – спросила она еще через некоторое время. – И не нашлось же в мире никакой силы образумить его, кровососа этакого!.. Когда-то поговаривали, что он перешел на нашу сторону, что живет в хорошей Германии, и это значит неправда... Битый человек, чем бы и как бы он ни клялся, душа чистой не бывает...

– Тот Паулюс, о котором вы говорите, был гитлеровским фельдмаршалом, а этот – американский летчик-разведчик, Пауэрс, – сказал Атлы, только теперь поняв, о чем спрашивает Анастасия Борисовна. – А начинать войну ни один из них не осмелится!

Голос Атлы был таким уверенным, будто не только все вооруженные силы всех государств были в его подчинении, но и главы всех государств могли действовать только по его указанию. Он заметил, что кровь возвращается к лицу Анастасии Борисовны, но все еще казалось, что она не совсем успокоилась. Ее напряженное молчание Атлы понял как ожидание его рассказа...

– Этот американский летчик-шпион поднялся на высоту двадцать тысяч метров и долетел до Урала. До самого Свердловска! Они, наверно, подумали, что на такой высоте им ничего не грозит, а наши сбили самолет первым же запуском ракеты!

Хотя голос Атлы и требовал славы ракетчикам, кажется, Анастасия Борисовна не очень обрадовалась тому, что сбили самолет.

– Значит, людям и теперь не хватает ума жить, не сбивая друг друга, – вздохнула она после недолгого молчания.

Атлы растерялся. Рот его открылся так, будто не хватало воздуха, но ничего не сказал. Оба они сидели молча, не глядя друг на друга. Потом Атлы рассказал о полете Пауэрса, с какой целью летел, как его взяли, – словом, все, что сегодня передавали по радио. Но, почувствовав, что Анастасия Борисовна не слышит его голоса, перестал говорить. Потом поднял голову, увидел ее взгляд и удивился: ему показалось, что эта пожилая женщина отважилась на что-то такое, на что долго не решалась.

Анастасия Борисовна ладонями по-мужски ударила по коленам, быстро встала с места, похлопала по плечу Атлы и пошла в кухню. Там она довольно долго возилась с посудой. Вернулась, вытирая руки цветным вышитым полотенцем. Стол покрыла чистой белоснежной скатертью. Из серванта достала два блюдца и чашечки, в тарелочке принесла кусковой сахар и щипцы. Атлы собрался было подняться, чтобы помочь ей, но она не разрешила, пошла в кухню и вернулась с дымящимся самоваром в руках.

– Сейчас мы с тобой будем пить чай! – сообщила Анастасия Борисовна, будто Атлы был не в силах сам понять, о чем она все хлопочет и для чего поставила самовар. – Я обычно, как побеседую со своими, возвращаюсь домой, ставлю на середину самовар, будто все они сидят со мной и пьют чай... В такие дни редко бывает, чтобы кто-то приходил ко мне... Что от тебя-то таить, люблю сидеть одна... А ты хорошо сделал, что пришел! Садись-ка сюда поближе, сынок, не стесняйся... – Фаруху ты очень понравился, – сказала потом Анастасия Борисовна, наливая в чашки чай. – Он, наверно, рассказал тебе о нашей семье... Как не поведать – ведь вы столько ходили по городу!.. Тогда ты знаешь, что я раз в неделю бываю у своих близких, покоящихся в пяти местах... Мне нечего добавить к тому, что ты услышал от него, сынок Атлы... Я и сейчас вернулась от них... А своими опасениями, что опять грозят людям адовым побоищем, поделилась только с Василием Семеновичем, главой семьи...

Анастасия Борисовна сходила на кухню, вылила остывший чай и налила в чашечки свежую заварку. Потом села на свое место и удивленно посмотрела на куски сахара, словно спрашивала, кто их сюда положил и зачем они вообще нужны. Кажется, не смогла понять – чашечки подвинула в одну сторону, сахар и щипчики – в другую, снова пошла в кухню и вернулась все с тем же цветным полотенцем в руках, подержала, поняла и тоже отбросила куда-то в сторону.

– Обычно после долгой беседы с сыновьями дотемна, сижу с их отцом, повторяю ему все, что до этого рассказала сыновьям, посекуетничаю с ним немного (мало ли бывает у мужа и жены такого сугубо личного, что нельзя говорить при детях!), пообещаю, как всегда, прийти на следующей неделе с новостями и непременно посидеть подольше, и с тем возвращаюсь домой. Точно так же поступила и сегодня, – Анастасия Борисовна не заметила, что она это говорит уже в третий раз. А Атлы сидит и слушает, будто обо всем этом Фарух Галимзянович ему ни слова не говорил, будто и от нее он слышит это впервые. – Может быть, Василий Семенович и обиделся, не смогла сегодня долго посидеть с ним рядом, рано ушла, что-то слишком много стала говорить и побоялась надоесть своей болтовней.

А об этом, «прилетевшем» сегодня я сама ничего не знала, пока ты вот сейчас не сказал – кто он и что ему от нас нужно. И ребятам своим я не сказала, что опять появилась угроза: пусть лежат спокойно!.. Но меня почему-то начало сомнение одолевать, – может, старший наш Ванюшка что-то заподозрил. Обыкновенно, как только я пойду туда и сяду на свой камень, море пошлет одну, другую волну, поприветствует меня, а потом,

пока там сижу, вздыхает изредка. А на этот раз мне показалось, что оно насторожилось, – море было, как никогда, спокойным, море затаило дыхание... Теперь же подумываю, не поторопилась ли я, не слишком ли рано я ушла, может, Ванюшка что-то мне хотел сказать, а я взяла и ушла. Или... что-то с самим Ванюшкой случилось... И когда после ходила ко всем, беседовала с ними, и теперь вот, сидя на кухне, не могу я сбросить с себя ту тяжесть молчания моря. Не дает моей душе покоя эта тишина!..

В тот вечер Анастасия Борисовна и Атлы не попили чая. Не догадались включить свет. Атлы вернулся к своим сверстникам в спортивную гостиницу пешком: когда он вышел на улицу, мосты уже были разведены и никакой вид транспорта в городе не ходил.

...За последнюю неделю друзья Атлы ни разу не видели, чтобы хоть раз вернулась к его глазам прежняя улыбка. А о том, что услышал от Анастасии Борисовны в тот вечер, он не поведал даже своим самым близким друзьям – Нургельды и Косайдару.

– Сыновья наши все очень доверчивые люди, без хитрости, – говорила в тот вечер Анастасия Борисовна. – И в этом ничего удивительного нет. Пример, как говорится, был перед глазами: в этом отношении они все похожи на Васю, на отца своего. Тому, с кем только что познакомились на улице, готовы отдать ключи от квартиры и уйти: для них словно все население города одна мать родила. А равно по щедрости вообще трудно найти человека: если кто придет просить рубашку, они вдобавок могут отдать и все нижнее белье.

А Захар – самый младший наш – добрее и бесхитростнее всех... Не эта ли чрезмерная доверчивость осложнила его жизнь и мою старость!.. – сказала она, затем долго и тяжело молчала, будто давала чьим-то вопросам ответ, вздохнула так, что больно стало Атлы. – ...Одни женщины, ждущие мужей, слепнут от слез, глядя на дороги дальние, вечный огонь в сердцах у них горит именем мужа. А другие, мгновенно остыв, как только он скрылся с глаз, начинают думать о себе... Разлад в нашей семье, все шатания наши произошли оттого, что Захар уезжал по работе очень далеко от дома, и надолго задерживался.

Тех, кто в Ленинград возвращается издалека, как он, обычно встречают всей семьей. А на встречу с Захаром ходила я одна. А он, оставив меня на берегу моря вместе с невысказанными материнскими чувствами, всем накопленным за его долгое отсутствие, бежал в институт, к жене.

Я не обижаюсь на него за это. Я терпелива, и терпела. И как же не терпеть, – я мать! Что есть такое, что бы мать не терпела из-за ребенка своего, что есть такое, что бы мать не простила чаду своему, – господи, что там говорить... Но когда те, кто ждали дома Захара и сноху мою, услышав шаги, выбегали с возгласом: «Пришли!» и, увидев, что это я одна, разочарованно отступали, очень уж больно было моему сердцу: посторонние родителям «дают такую цену», которую определили их дети.

Если соберутся те, кто ждал его и пришел с подарками, до полуночи песни и танцы, шутки, смех. Что и говорить – такие празднества в семьях, с тех пор как прорвали блокаду Ленинграда, я даже и не видела. А я сама такие вечера в Гатчине у Рязуи проводила: если в разгар веселья увидит

меня моя сноха, мгновенно менялась в лице, будто все зубы заболели враз. И потом... что из моих рук ничего не хотела отвеждать, она не скрывала, едва переступив наш порог.

Все это было ничего, как я сказала, – терпела... Не смогла стерпеть, когда сноха отобрала Димочку и отдала своей матери. Может быть, я и не права, кто его знает, эту тяжесть я не смогла поднять, решила уйти из дома. Раз дело дошло до этого, как я могла жить вместе с ними!..

«Надо воспитывать, как того требует сегодняшний день, пусть живет там, оттуда будут водить и в детский садик», – распорядилась сноха.

Захар не сказал ничего. Наверно, они до нашей беседы уже сговорились. А меня то, что он промолчал, убило перед снохой, закопало в землю, я потеряла дар речи, не смогла ничего сообразить... Счастье моего Димочки, что он тогда ничего не понимал.

В день отъезда Захар со мной попрощался не как всегда. Он не сказал, когда теперь вернется. Не смог поднять голову, не посмотрел мне в лицо. И я впервые в жизни не пошла провожать сына. Не подошла, когда была погрузка на пароход, глотала слезы, глядя издали.

На второй или третий день после его отъезда, возвращалась я с поисков работы и какого-нибудь жилья. Вдруг у входа в нашу квартиру случайно наткнулась на парочку, которая, никого не замечая, целовалась. Я больше растерялась, чем они: моя сноха, жена Захара, и Николай, один из его близких друзей. Мне в жизни много раз приходилось видеть людей напуганных, и обрадованных, и удивленных... но настолько растерявшихся, как сноха и Николай, я не встречала. Никогда не видела таких глаз!..

Почти уже год работаю там, где вы сейчас живете. Бессонные ночи свои я проводила в каморке под лестничной клеткой, которую приспособили для хранения инвентаря. Все свободное время проводила на территории детского садика, где находился мой Димочка. Чтобы хоть разочек увидеть его издали, приходила туда и в дождь, и в жару, и в холод...

Не желаю такого и врагам своим! Димочка тянулся ко мне, я не могла жить без него, а сноха – увидев нас вместе – гром и молнии метала. Боялась встреч со снохой, еще больше боялась, чтобы Димочка меня не заметил и не переживало его сердечко, возвращалась через кусты и колючки, царапая лицо и руки.

Искали ли меня сын и сноха за все это время или вовсе и не вспоминали, – мне это не известно, никого из них я ни разу не видела. Я могла это вынести, могла нести этот крест, но... что ни разу не смогла прижать к груди Димочку!.. что в день по три, четыре раза приходила и смотрела издали, меня совсем не удовлетворяло. Вдобавок ко всему летом как никогда часто болела ничемным этим гриппом. То ли в каморке моей было слишком пыльно, то ли сама себя не могла здесь содержать в чистоте, не знаю... То грипп, то насморк, то температура, – но никакие болезни не смогли прекратить «мои посещения» детского садика. А какими словами, Атлы, передать тебе мои муки, если по какой-то причине Димочку не приводили в садик!..

Месяца два тому назад, когда я сидела, прислонившись к старому, как я сама, дереву, которому, как и мне самой, давно надоело жить, си-

дела, глубоко задумавшись, услышала очень приятный, мягкий женский голос. Я попыталась повернуться в ту сторону, но не смогла сдвинуться с места. Стройная, со вкусом одетая белолицая седоволосая женщина взяла меня под руку, помогла подняться. Я узнала, как только на нее глянула, – теща Захара.

Женщина поздоровалась со мной, чуть заметно кивнув головой, как здороваются с человеком, имя которого очень давно забыли. Затем вытащила откуда-то из рукава белый платочек, вытерла каждый палец в отдельности и сунула обратно. Раза два она порывалась что-то сказать, смерила меня с ног до головы, погладила свои белые пухлые руки, походила взад вперед, остановилась передо мной.

– Послезавтра... у Светочки... свадьба, – наконец выговорила то, на что явно не решалась. – Ну и Захар... нет у меня сомнений, хороший парень, хоть может, был и обманутым, но никогда не обманывал, да, хороший он парень... м-м, и вы тоже... – сказала она, еще раз достала платочек, приложила к глазам, промокнула края густо крашенных толстых губ, снова сунула обратно. – Вы сами должны понимать... Захар и Светочка друг другу совершенно не подходят... А вот Светочка и Сереженька, как ни говори, будут вместе, в одном институте...

Больше я не слышала, что говорила бывшая теща Захара. Я вообще ничего больше не слышала. Ни о ком и ни о чем не думала. Взяв в своей камерке шаль, сходила к Васе и сидела, пока не онемела спина, и очень поздно вернулась в свою ночлежку.

Я не хочу говорить ничего плохого о снохе: если она не считает Захара мужчиной, достойным себя, какая мне, собственно, разница – за кого из его друзей она выйдет замуж, за Николая или Сергея? Если мать так рьяно взялась за дело, уже, наверно, и свадьбу сыграли. Денег ей не занимать – она из такой семьи, где никогда не возникал вопрос вроде «где что найти-достать». Да и Захар, – не мужчина он, что ли!? – не останется без жены. А я, если дадут, буду просить Димочку к себе. Мы с Димой будем жить в этой квартире!..

...Сейчас Анастасия Борисовна с Димочкой живут на пятой Советской улице в ее квартире. Перед отъездом в Москву Атлы пришел к ним и пригласил Анастасию Борисовну с внуком погостить у него. С тех пор в Хасанью часто приезжают гости из Ленинграда и Гатчины.

– Димочка задолго до школы по твоим письмам научился читать и писать, – говорит Анастасия Борисовна.

Может быть, и так, Атлы им и из Москвы, и из Нальчика, и из Хасаньи много писем писал, очень много писем! О них, наверно, часто говорили и дома: судьба Анастасии Борисовны заставила Атлы не просто задуматься.

...Какие же они гостеприимные люди! А Сафият... что о ней скажешь, слов-то не найдешь достойных... Надо было похвалить Атлы как следует, если, конечно, смогу выразить всю глубину уважения к нему и благодарность за все. Да она и без меня знает своего сына, но... у какой матери не сгладились бы самые глубокие морщины на лице от похвалы сыну!..

Уже перевалило за полдень, а мальчики еще не вернулись. Наверно,

этот избалованный паршивец еще что-то потребовал от Атлы, иначе пора бы и вернуться. Посмотрим теперь, как ты у меня пойдешь в горы, сорванец!.. Анастасия Борисовна облокотилась на локоть, подвинула подушку к тени орешника... Вот тебе на – Сафият опять нет! Опять усыпила, как ребенка, и убежала. Ну, погоди, подружка!..

Сафият на меня смотрит как на родную сестру, сказала она себе, а остальные как на хозяйку дома. Когда ходим в Долинск, Ак-Су, когда возвращаемся назад, сколько она мне рассказывает, даже в такую жаркую пору холод по спине проходит... О, какие им трудности пришлось испытать во время войны! А силой выгнать из родных мест – не равносильно ли это умерщвлению!.. И что она там, в ссылке, испытала моя сестра Сафият!.. Раненый ее сын будто упросил судьбу дать столько времени, чтобы разок увидеть мать и покушать из ее рук, прошел через огонь и смерть. Хоть и не на родине, но на руках у матери попрощался с жизнью. По-мужски перенесший все военные тяготы, ее муж Алий тяжесть переселения, топчущее человеческое достоинство, не смог поднять...

Сафият все это рассказала, не ища никакого сочувствия к себе и без тени рисовки. А о моей жизни ничегошеньки и не спросила. У них такой обычай, наверно, – сама должна поведать, без приглашения. С Атлы приходилось беседовать, но каждому человеку, если даже так сильно любишь, как я люблю Атлы, разве душу выскажешь, да и какую пылинку составляет то, что успела рассказать из всего того, что пришлось пережить за мою в шесть накатов спрессованную жизнь!.. А с Сафият спокойно поговорю обязательно, раскрою ей душу, как она открыла мне свою.

Да, жди тебя, поговоришь, упрекнула себя Анастасия Борисовна. Каждый раз, чуть ли не за месяц до отъезда из Ленинграда начинаешь готовить рассказ, которого хватило бы на день и на долгую летнюю ночь, но ведь не говоришь!..

– Бабулька! Бабуленька! – послышался с улицы голос внука. Через секунду со скрипом раскрылась железная калитка, во двор вприпрыжку вбежал черный с пестриной на лбу ягненок, за ним показалась курчавая голова ее внука, еще через мгновение во двор зашел и Атлы. – Бабулька моя, посмотри на этого красавчика! Его мне в Кашхатау дал один друг нашего Атлы!.. Атлы сказал, кто я ему и откуда, а он тут же поймал ягнечка и отдал мне в руки! Посмотри, какой он у меня красивый! Мне в подарок дали, просили, чтобы я еще и еще приезжал...

«Дадут они мне сестре душу раскрыть!» – попыталась найти себе оправдание Анастасия Борисовна.

Неслышный ветерок слегка пошевелил густую листву ореха, и теплые лучи предзакатного солнца на миг коснулись лица Анастасии Борисовны, словно чья-то невесомая ласковая ладонь. Она погладила ягненка и невольно улыбнулась от нежности.

Борис КАГЕРМАЗОВ

Колесо

Мир в колеса влюблен.
Колесо оседлало
И мальчишки безусые, и старики.
Колесо своим вечным кумиром избрали
Все народы и все на земле уголки.

Колесо! – Лимузины проносятся мимо.
Колесо! – Самолет набирает разбег.
Колесо! Ты работаешь неумоимо –
Но когда же придумал тебя человек?

Кто же сделал впервые колеса? Пожалуй –
Был рабом он и камни таскал для дорог,
Истомлено взбираясь на склоны и скалы,
И однажды подумал:
«Пока я не сдох,

Надо выдумать что-нибудь,
Сделать хоть что-то!»
Плоский камень нашел, закруглил, обтесал –
И пошла веселее и легче работа:
Оборот колеса по векам замелькал.

И с тех пор
Все быстрее и быстрее год от года
Закружилось оно по дорогам Земли –
И следы от тяжелых колес лунохода
По серебряной лунной пыли пролегли.

Кто бы ни был он – первый творец колеса,
Он созданием своим превзошел небеса!

Перевел Андрей Голов

Тень орла

Ах ты детство – легковверная мечта! –
Ты мечтало о просторе неспроста.
Сколько чайный лелеяло в душе!
Сколько выстроило замков в шалаше!
Помню,
Вера среди мальчишек жила:

Тот из нас, кого коснулась тень орла,
Вдруг орлиной достигает высоты –
Все его осуществляют мечты.

Ну кому ж такая доля не мила!
И, завидев одинокого орла,
Мы летели за околицу, на луг,
Где свершал он свой величественный круг.

– Тень волшебная высокого орла,
Хоть бы раз ты нас коснулась, тень орла! –
Так просили, причитая на бегу,
Так мечтая, мы носились на лугу.

Улетал орел, скрываясь за горой,
Возвращались мы вечернею порой,
Чуть не падали –
Не держит пустота!
Знать, не просто достигается мечта.

Но, чуть свет завидя старого орла,
Вновь бежали мы под тень его крыла...
Было детство.
Все, что было позади.
Только свет его колотится в груди.

Только хочется, бредя по мостовой,
В небе чувствовать орла над головой,
Верить весело в высокого орла –
Что приносит счастье тень его крыла.

Перевел Николай Панченко

ОДИНОКИЙ КОНЬ

На широком лугу,
За деревней,
Как рыжий огонь,
Днем и ночью мелькает
Никем не объезженный конь.
С кровяными белками,
А грива черна-пречерна.
Я, охотясь за ним,
Своего запалю скакуна.
Ежечасно мечтая
О том одиноком коне,
Потерял я покой,

И аркан постоянно при мне.
Так и кажется мне,
Что другого такого коня,
Если только не этот, –
Не будет уже у меня.
Вот бы стал он Тхожеем моим
И, как друга любя,
Мне б сказал:
«Будь мужчиной –
Я буду достоин тебя!»
Я б ему показал –
С перевала испытанных лет –

Ускакал бы за сердцем
 своим необузданным
Вслед.
А пока только дни,
Только чайня тщетных погонь:
Отстает мой скакун –
И уходит непойманным конь.
И, охваченный страхом,
Тревожно время гоню
Вслед за взглядом моим,
Что навечно привязан к коню.
Ежечасно мечтая
О том одиноком коне,
Потерял я покой.
И аркан постоянно при мне.
Горяча скакуна,
Торопя своего скакуна,
Я предчувствую гриву,

Что черна-пречерна.
Я уже научился
Его нагонять иногда.
Я бываю так близок к нему,
Как никто никогда!
Только огненный конь,
Не желая сдаваться в полон,
Улетает, как вихрь, –
И пустой впереди небосклон.
Только я ли привык
Так легко от мечты отступить?!
Я, пока не поймаю,
В погоню – опять и опять!
Эта черная грива!
Пока я не вспеню ее,
Не узнает покоя
Ревнивое сердце мое!

Перевел Николай Панченко

Рожок

Его отрывистые звуки,
Щемящей простотой смутив,
Переплетутся вдруг в мотив
И приласкают нас, – так руки

Любимой могут приласкать,
Даря покой душе смятенной...
Резвушка кажется степенной,
Старушка обретаем стать.

Весь мир притих, и зверь, и птица,
И говорливая река,
Внимая пению рожка.
И как же мне не удивиться:

Светла мелодия, легка,
А инструмент – в подходе строгом –
Когда-то был тяжелым рогом
Угрюмого, как ночь, быка.

Должно быть, долгая дорога,
Пески без края и конца
Раскрыли в путнике творца,
А тот нашел в изгибах рога

Не только топот пыльных стад,
Не треск жестокой брачной битвы,
Но звук, достойный и молитвы –
Чистейший музыкальный лад.

И рог запел, – в нем изначала
Жил теплый, задушевный звук.
В душе, уставшей от разлук,
Вдруг радость встречи зазвучала.

Кем был он, из какой страны,
Тот, в зыбкой тьме времен идущий?..
Кто знает, – но светлеют души,
Его мелодией полны.

Перевел Ладомир Местич

20.10.1903, сел. 1-е Подчерненово Орловской обл. – 10.10. 1971, Нальчик, – русский писатель.

Киреев – взыскательный художник, его творчество отмечено высокой литературной культурой. Он признанный мастер лирической, романтической прозы с ее поэтической символикой, условностью, образностью. «Он писал прозу, но в душе был поэтом», – эти слова К. Кулиева точно отражают сочетание романтического и аналитического начал в его творчестве.

Им написано немало очерков, в которых, обращаясь к труду горняков, землепашцев, животноводов, он отображает не только их трудовую деятельность, но и становление характеров, нравственные устои общества. Герои очерков Киреева – люди честные, волевые, мыслящие. Хорошее знание жизни и труда своих героев, углубленное внимание к их внутреннему миру помогли писателю создать живые яркие характеры.

Родился Михаил Киреев в крестьянской семье. Детство и юность прошли на Орловщине. В 1924 г. он заканчивает сельскохозяйственный техникум. Но увлекается журналистикой и начинает сотрудничать с редакциями газет «Правда молодежи» и «Орловская правда». К этому времени относится начало его творческой деятельности. Он пробует свои силы в прозе. Первый рассказ начинающего автора был опубликован в 1928 г. в сборнике «Ярь», изданном в Орле. Затем выходит в свет первый сборник рассказов Киреева «На линии».

В 1934 г. – принят в Союз писателей СССР.

В 1935–1938 гг. Киреев жил и работал в Курской и Тамбовской областях. В 1939-м приехал в Нальчик и остался здесь навсегда. Редактор издаваемой в те годы газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» Б. А. Тарасов пригласил его на работу в газету.

В годы Великой Отечественной войны Михаил Киреев был сотрудником дивизионной газеты. За боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды и медалями. Демобилизовавшись в 1946 году, вернулся в Нальчик и работал заведующим отделом культуры газеты «Кабардино-Балкарская правда», литературным консультантом правления Союза писателей КБАССР. Киреев внес немалый вклад в развитие литературы и культуры республики. В Нальчике были изданы его сборники: «Рассказы» (1941), «Родное сердце» (Рассказы. Сказы. Очерки. 1952), «Любовь» (1957), «Пес-

ня любви» (1961), книга избранных переводов «Круг дружбы» (1963), и после смерти писателя – «Избранное» (Рассказы, очерки. 1977).

Один из ранних очерков, написанный Киреевым в начале Великой Отечественной войны, посвящен морскому летчику Баширу Хамдохову, уроженцу Старого Черека, который за мужество и героизм был награжден орденом Красного Знамени.

Героем очерка Киреева «Воздушный джигит» является прославленный летчик Кубати Карданов. Эпиграфом к этому очерку стали слова народного поэта Кабардино-Балкарии Амирхана Хавпачева.

Героями очерков выступали простые труженики и представители интеллигенции. Исключительный интерес представляют изданные Киреевым литературные портреты классиков кабардинской и балкарской литературы.

Тонкое чутье художника позволило ему создать достоверные образы и в прозаических произведениях, вошедших в книги «Родное сердце», «Любовь», «Песня любви». Хорошо зная быт, нравы, жизнь края, в котором жил, он создал достоверные и незабываемые образы горцев, описал природу этой земли.

Киреев известен не только как прозаик, автор повестей, рассказов, очерков, но и как замечательный переводчик. Им переведены на русский язык многие произведения кабардинских и балкарских писателей. Среди них рассказы Али Шогенцукова; Амирхана Хавпачева, Хачима Теунова, Аскерби Шортанова, Хажбекира Хавпачева, Адама Шогенцукова, Абдулаха Охтова, Омара Этезова, Х. Кациева.

М. М. Киреев часто выступал составителем литературных сборников произведений писателей Кабардино-Балкарии, долгое время был внештатным редактором альманаха «Кабарда», открывал молодые таланты, оказывал помощь начинающим писателям.

Он глубоко знал и любил русскую литературу, особенно творчество своих великих земляков Бунина и Тургенева. Создал свой собственный, неповторимый литературный мир. В его прозе сильны мотивы жизнелюбия, что служит добру, пробуждая светлое начало в человеке. Михаил Киреев всегда поднимал в своих произведениях волнующие людей проблемы. Его книги нашли в Кабардино-Балкарии массового и благодарного читателя.

НЕПОВТОРИМЫЙ ОБРАЗ СВЕТЛОЙ ДУШИ

Шепелев
Александр
Михайлович

Саше Шепелеву 80 лет? Мне трудно представить этого человека, бывшего коллегу по совместной работе в редакции газеты «Кабардино-Балкарская правда», в столь почтенном возрасте. В одной редакции с ним мне довелось трудиться на журналистской ниве довольно продолжительное время. Много лет прошло с тех пор, когда он ушел из редакции, пополнив ряды советских пенсионеров. И, как говорят, связь времен, к сожалению, оборвалась. Но в памяти моей Александр Шепелев, корреспондент отдела культуры «КБП», навсегда остался светлым, добрым, красивым человеком.

Как сейчас вижу Сашу, степенно идущего в машбюро по редакционному коридору с исписанными листами бумаги. В нем меня всегда поражала его загадочно-ласковая, проникновенная улыбка со слегка прищуренными глазами, от которой почему-то становилось спокойнее, будто некая теплая волна проникала в душу. Казалось, он видел человека насквозь: со всеми его достоинствами и недостатками, и прощал ему слабости. Весь его облик – и особая стать, и, я бы сказал, мягкая и в то же время уверенная прямая походка, ровно посаженная и несколько приподнятая вверх голова на широких плечах, крупноватые черты красивого лица, светящаяся в глазах доброта, все в Саше с первых минут знакомства вызывало доверие и уважение. Сразу становилось понятным, что имеешь дело с порядочным человеком, готовым откликнуться на любую просьбу, обращенную к нему. В моем понятии Александр Шепелев человек из плеяды истинных российских интеллигентов. Общение с ним лично мне доставляло духовное удовольствие и как бы возвышало над повседневной обыденностью.

Не берусь судить о творчестве А. Шепелева как писателя, но в журналистике, в газетном деле он был профессионалом в полном смысле этого слова. Его очерки о людях, статьи о культурной жизни республики вызывали живой интерес у многочисленных читателей «КБП». Саша умел бережно работать и с авторскими материалами, за что многие из них благодарили его. Добрыми советами Александра пользовался и я, недавно тогда пришедший в республиканскую газету из районки. Узнав, что он не только опытный журналист, но и писатель, я обратился к нему с просьбой помочь написать очерковый материал о человеке – сельском механизаторе. Саша внимательно посмотрел на меня, улыбнулся, мол, в

районной газете работал, людей лучше должен знать. Я понял его без слов, смутился. Он привычным жестом откинул волосы со лба, пригладил их ладонью, сказал: «Пойдем». В кабинете он долго растолковывал мне, как лучше написать очерк, чтобы он получился интересным и читабельным. Особенно памятно его трепетное отношение к слову, к живому языку. Безжалостно убирал он из материала всякого рода трафаретные фразы и так называемые канцеляризмы. При этом хмурился, выпячивал трубочкой губы, словно испытывал к ним физическое отвращение.

Помню, Саша был одержим любовью к творчеству Джека Лондона, его земному многосложному пути. Порой, бывало, ребята наши подшучивали над этой Сашиной страстью. В ответ он лишь добродушно улыбался. По-настоящему я понял его увлечение, лишь прочитав роман Ирвинга Стоуна «Моряк в седле». Одно из своих литературных произведений Александр Шепелев и посвятил великому американскому писателю. Это сборник из рассказов о Джеке Лондоне «Сын лунной долины». В краеведческом отделе Национальной библиотеки КБР читатель и сегодня найдет книги Александра Шепелева – «Счастье большой семьи», «Комиссар Видяйкин», «Триптих о ледовом аде», «Суровый горизонт», «Браслет Марии», вышедшие в свет в издательстве «Эльбрус» в разное время. В 1997 году в Волгоградском книжном издательстве вышла первая часть дилогии «Алмазы маршала», в живой, увлекательной форме повествующая о событиях нашей новейшей истории, о характерах, действующих в условиях жесткого императива времени перемен. Автор успел подготовить к печати второй том романа... Осталось и много других рукописных материалов, которые, хочется надеяться, найдут своего издателя.

...Вспоминая те далекие годы, я сам себе говорю: «Тебе повезло. Ты не один год жил и работал рядом со многими славными людьми и журналистами, в том числе и с этим светлой души человеком. Признайся, и у тебя тогда возникало желание быть хоть чем-то похожим на Сашу Шепелева – человека, журналиста, писателя. И его образ оставил неизгладимый след в твоей жизни».

МЕНЯ ПЕРЕПОЛНЯЮТ ЧУВСТВА

Мокаев
Магомед Хасуевич

Как нелегко писать о человеке, которого ты знал, близко общался, но которого нынче нет. Трудно потому, что он особенный, ни на кого не похожий. Он личность творческая, уникальная. Он выдает совершенно новое, найденная им интонация не просто хороша, а являет собой само совершенство. А как это делается – попробуй узнать! Если золотоискатель копает, ситечком промывает, чистит и находит самородок, у творца духа другое «ситечко» – творческое напряжение достигает апогея, и неожиданный поворот мысли вырабатывает удивительный аромат – подлинную поэзию.

В издательстве «Эльбрус», в серии «Наши знаменитости», выпущена книга «Биение сердца», туда вошли знаменитые «Сонеты Родины моей» Магомета Мокаева, его статьи, интервью, размышления литературоведов о творческих поисках поэта, воспоминания.

3 июня состоялась презентация книги в Национальной библиотеке. Поделились своими размышлениями о встречах с поэтом, его творческом пути известные ученые филологи, писатели, поэты, друзья, родственники.

Хочется сердечно поблагодарить работников библиотеки (отдел краеведения) за грамотно организованную книжную выставку, посвященную творчеству Магомета Мокаева.

Высокую оценку творческого пути М. Мокаева выступавшие подтверждали конкретными примерами, совершенствуя их мокаевскими интонациями, реалистическими рисунками, их разнообразием, отмечали певучую силу мокаевского поэтического слога.

Вновь и вновь обращаясь к творчеству Магомета Мокаева «Сонеты Родины моей», задаешь один, требующий ответа вопрос: «А кто из творцов духа прошлого и настоящего в жанре сонета восславил возвышенно свой народ и его пределы так искренно, преданно и пронзительно, обнажив свое сердце, биение которого отзывается в каждом?»

Ответ пока один: только Магомед Мокаев! Нам другие не известны.

Балкарцев Господь расположил у гор. У гор, ущелий обустроиваются; камень, скалистые горы, шумные, быстрые, чистые реки (Баксан, Чегем, Черек Хуламский, Черек Балкарский) – дар природы. Эта красота природы, и красивые, сильные, добрые, трудолюбивые балкарцы – стержень, остов «Сонетов Родины моей».

Это 101 сонет. Читая медленно, стараясь проникнуть в тайну мокаев-

ского творческого процесса, можно уловить музыкальную ткань каждой строфы, ее убедительную интонацию, предельную точность, глубину силы авторской души.

Обладая абсолютным тактом художника, будучи глубоко правдивым в изображении внутреннего, внешнего мира, Магомет Мокаев использует изобразительные средства без «гиперболизации». Но пусть героев балкарских ущелий не забывают – это история народа. Ведь не случайно первый сонет начинается с всемирно известных Камюэнса, португальского поэта, прославлявшего свой народ; Шекспира; Петрарки, итальянского поэта, оказавшего немалое влияние на европейскую литературу. Народ не имеет права забывать лучших своих представителей!

Баксанское ущелье дало народу Гапалау (герой народной песни), Ахию Соттаева (один из первых восходителей на Эльбрус), Исмаила Урусбиева (князь, знаток народной музыки), Хабу Кадиева (писатель), Керима Отарова, Хамида Теммоева, Азрета Будаева (балкарские поэты), Чокку Залиханова (прославленный проводник, не раз восходивший на вершину Эльбруса), Бийнегера (герой народной песни), Сафарали Урусбиева (князь, собиратель фольклора, работал над первым балкарским алфавитом).

Двигаясь дальше с востока на запад, автор знакомит нас с героями другого ущелья («Чегемские сонеты»): Солтан-Хамид Калабеков (участник гражданской войны), Сайд Шахмурзаев (народный поэт КБР), Исмаил Эттеев (знаменитый исполнитель народных песен), Кайсын Кулиев, Алим Байсултанов (летчик, Герой Советского Союза), Магомет Энеев (партийный деятель) – эти имена знакомы каждому балкарцу уходящего поколения. А современная молодежь и будущие поколения должны их носить в себе, не забывать, что они, новые поколения, славны героическими именами своего народа.

«Хуламские сонеты» полнятся не только красотой этого сказочного мира – верный своему не только поэтическому, но и гражданскому долгу, Мокаев предлагает не забывать заслуженного летчика-испытателя Ибрагима Чабдарова, генерала бронетанковых войск Хакима Деппуева, известного поэта Берта Гуртуева, сельского учителя Абдуллаха Кучмезова, погибшего в 1944 г.

На поверхности и в самой глубине «Безенгийских сонетов» – строгая мотивированность целевой установкой – появится имя великое и святое – Кязим Мечиев. Редкие вкрапления слов высокого стиля в параллель разговорному синтаксису: «Салам алейкум, о учитель мой! // Кто равен был тебе в теснинах этих? // Где песни мне найти и как пропеть их, // Чтоб, не стыдясь, предстать пред тобой?». Далее каждый сонет – это молитва во славу и честь великого балкарца Кязима Мечиева. Здесь не случаен в определенной степени восточный мотив: пребывание Мечиева на арабском Востоке, знание имен Фирдоуси, Низами, Навои и других, вера в святость веры. Не забывает напомнить имя Салиха Аттоева, удостоенного звания Героя Социалистического Труда.

У «Черекских сонетов» своя особенная поступь, своя статья – самое балкарское, самое значительное, идем к раскрытию секрета, он в назва-

нии – «Верхняя Балкария». Мисост Абаев – особая страница в истории Балкарии: он автор исторического очерка «Балкарция», «кто путь балкарцев взялся воскресить». Мокаев погружает читателя в волшебный мир чарующей музыки Султанбека Абаева (скрипач, ученик польского музыканта Генрика Винявского), Балкарция не забывает имена Хаджи-Мурата Асанова (герой гражданской войны), Азрета Мокаева (первый Председатель Президиума Верховного Совета КБАССР), Биляла Казиева (знаменитый гармонист), Артуая Айдаболова (князь), Магомета Османова (участник гражданской войны).

Итак, 101 сонет. Представлена вся Балкарция. Самая заметная черта – наполненность мыслью, носителем которой является балкарский народ. Высокие интеллектуальные способности, поэтический дар Магомета Мокаева, его способность видеть невидимое, умение объять необъятное (всю Балкарцию без остатка), оценить каждого и каждую ситуацию верно, обнажая истинное положение вещей, – это путь, восходящий к драматургическому. Главный сюжетный мотив «Сонетов Родины моей» – преданность родной земле, народу своему, желание счастья и Любви с большой буквы: «Сто первый мой сонет – тебе, любовь!»

Уважаемый читатель! Вы держите в руках «Биение сердца»? Не раскрывая книгу, внимательно взгляните в портрет. Не кажется вам, что ангел спустился с небес? Разве это седина? Да нет! Господь его благословил цветом божественным. Это действительно явление, ниспосланное свыше. Он не умер. Завершив круг земного существования, он ушел в созвездие великих поэтов Земли.

Говорят, есть и там некий мир. Да будет так! Магомет в вечности, по ту сторону жизни, но пусть он услышит, что видели и слышали мы: у него достойный сын, в ком предвидятся душевная и нравственная высота, интеллектуальное обаяние, отцовская открытость.

«Сонеты Родины моей» – это широчайшая панорама, охватившая пределы всей Балкарии: от камушка у дороги и цветка на поляне до скалистых гор, а олицетворенная природа дала народу известных и великих балкарцев, имена которых должны знать потомки. И на вершине поэтического памятника не только Кязим Мечиев, Кайсын Кулиев, но и автор знаменитых сонетов Магомет Мокаев – создатель величественной симфонии «Балкарция».

Необходим сценарист-профессионал, чтобы с помощью кинематографии воссоздать живую действительность, – все цвета радуги будут светиться в огромном бриллианте, окаймленном золотым ожерельем самой высокой пробы. Если все это запечатлеть на полотне кинопродукции, это не будет забыто. А ведь создание такой панорамы высокого чувства, сопряженного сокровенными законами с любовью к Родине и народу своему, способствовало бы росту нашей духовности.

Светлана МОТТАЕВА

ЖИЗНЬ, УШЕДШАЯ КАК ВДОХ

Необычной была его жизнь, неожиданной смерть, и тоже необычной, нелепой, по сути. Руслан был красив и крепко сколочен. Высокий, с походкой матроса, всегда с иголочки одетый, нередко с галстуком на белоснежной сорочке. Все в нем обещало долгую и наполненную событиями жизнь. Хотя, при внимательном рассмотрении, было в Руслане что-то детское. Подростковый максимализм, какая-то романтическая отстраненность, какое-то автономное парение над всем и одиночество человека, с момента своего появления на свет ощутившего чужеродность, неуютность этого мира. Не случайно писал он в лирических раздумьях о себе: «Я прошел большой и одинокий по дорогам собственной судьбы...». Странно, что эта мысль была высказана совсем еще юношей, только-только опушенном редкой растительностью на лице. Подумать только, еще в начале земного пути, а уже говорит о себе с горечью – «большой и одинокий» на дорогах судьбы, как будто дорог этих было неисчислимое количество. Насколько я помню, возможно, побывал он в нашей столице, которая была по-настоящему общей, и в страшных снах нам тогда бы не приснились бритоголовые уроды с кастетами и ножами, подобные шакальей стае, способные растерзать, по их понятиям, чужака.

Семенов
Руслан
Борисович

Руслан Семенов не дожил до всего того, что ныне делается у нас дома, и, может быть, в этом его счастье. Потому как его чрезвычайно доброе, человеколюбивое сердце никогда бы с этим не смирилось. И остается только представить, в каких гневных строках он заклеил бы этих нелюдей.

Для меня Семенов нечто большее, чем коллега по книжному издательству. Меня никогда не покидало ощущение, что в нас родство по духу. Но интересно то, как по-разному, что называется в обыденности, вели мы себя. Руслан всегда открыто высказывал свою позицию по любому вопросу, он не миндальничал с бездарями-графоманами, хотя, скрепя сердце, порой подписывал в набор их мнимые романы, повести, исследования. Встретившись с очередным таким опусом, он, сопровождая громким смехом, зачитывал мне обнаруженные у очередного претендента на лавры писателя, цитаты. Безжалостно, уничижительно их комментировал, но когда я предлагала ему «зарубить эту рукопись», он поднимал предупредительно указательный палец и говорил: «Нет уж, я подпишу, и пусть все знают, какой он (она) дурак», и, решительно расписавшись на титуле, тут же относил рукопись главному редактору.

Правда, такое случалось редко, и он, бывало, не один час мог втолковать понравившемуся автору премудрости творчества.

У него был большой, но неформальный авторитет среди местной богемы, поэтов и поэтесс, которые и не мечтали опубликоваться, того пуще, стать членами Союза писателей СССР. Туда дорога была тогда заказана, увы, немалою числу по-настоящему одаренных литераторов. Чем-то сейчас та возня вокруг издания книг или обретения статуса члена СП напоминает теперь, по прошествии лет, нынешний шоу-бизнес, где процветает протекционизм, делячество и где из любого безголосого (безголосой) «барин»-продюсер может вылепить «поп-звезду».

В ту пору Руслан и сам выпустил лишь одну-две небольшие книжечки, и много времени уделял переводу кабардинских пословиц и поговорок, нередко громко проговаривая на русском языке свои версии народной мудрости. Помнится, он делал многое как бы напоказ. На мой взгляд, в нем был избыток артистизма. Случались дни, когда Руслан своим красивым баритоном, иногда поражающим басовыми нотами, читал одно за другим, не называя авторов, чуть ли не десятки стихотворений, начиная от Иннокентия Анненского до Евгения Евтушенко и Беллы Ахмадуллиной. Любил цитировать Адама Шогенцукова, умиляясь детской непосредственности народного поэта. Радостным смехом он заливался, когда, предварительно прокомментировав одно из хрестоматийных стихотворений поэта, как бы провозглашал полюбившуюся строку: «За все добро я медом заплачу...». И тут же добавлял: «Ну и добряк Адам Огурлиевич... добряк. Надо же, медом хочет всех угостить. А это в нем говорит душа народа...»

Вообще, далекий политики, свободный в своих мыслях и поступках, порой резкий в суждениях и даже ерничающий по поводу кое-кого из старых знакомых, запавших на карьеру, – Руслан становился защитником своего народа, любил, перемешивая быль и небыль, возвышенно рассказывать о его величии. Почему-то слово «маджары» не сходило с его уст. Честно говоря, я так и не удосужилась узнать, что он имел в виду, повторяя его. Может быть, оно привлекало его звучностью или еще чем-то, не знаю.

А еще, бывало, он сочинял свои стихи тут же, в редакции, громко проговаривая строки и целые строфы. И поначалу трудно было определить, то ли он читал чужие, то ли свои стихотворения. Нередко только из «Молодежки» я узнавала их, уже озвученных в часы авторских чтот.

Руслан родился поэтом. Но он родился и замечательным художником. И эти священные качества были дарованы ему природой. Случалось, что он рисовал под аккомпанемент чтения своего только-только нарождающегося стихотворения. И на его рабочем столе можно было увидеть лежавшие вперемешку рисунки и листочки со стихами.

Мы частенько и по очереди читали друг другу написанное. Если ему не нравилось мое творение, он говорил: «Выбрось в корзину», или предлагал из готового опуса выбросить все и оставить всего-то четыре строчки. На мой недоуменный вопрос «почему?» примирительно предлагал: «Вот от этих четырех строк и танцуй дальше. Получится здорово, посмотришь...».

В иные дни он был молчалив. Что-то чертил или писал. Он любил рисовать наши с Тamarой Шекихачевой портреты. Когда был в настроении, изображал нас красивыми, в плохом расположении духа мы выходили у него хуже некуда. Покончив с рисунками, он отдавал их нам, говоря – «вручаю безвозмездно».

Я мало знаю людей такого высокого интеллекта, как Руслан. Он в какой-то степени был книжным человеком, не похожим ни на кого, неким продуктом чтения, читателя-фаната. Это составляло его сущность, делало его не вполне реальным, не вполне схожим с общей массой. В нем присутствовали аристократизм духа и качества белой вороны, эдакого раздражителя обывательского вкуса.

Руслан был человеком-праздником, человеком в высшей степени не от мира сего, в хорошем смысле маргиналом. Создавалось ощущение, что он попал не в свою среду, что ему нужно было родиться веком раньше или в эпоху космогонов, людей высшего порядка, чуждых пороку.

Это раздражало тех, кто не был способен вытравить из себя раба. Он мог прийти позже на работу, уйти с приятелями раньше графика, запоздать со сдачей рукописи. Нагоняй начальства воспринять с присущим ему юмором и едкой иронией. Объяснительные записки, которые у него иногда требовала администрация, он писал стихами. Писал и хохотал. Хохолат, увидев реакцию на свой опус. На грозный окрик «Что это?!» – отвечал: «Я в прозе не умею». Сейчас об этом вспоминается и весело, и с грустью. Потому как такое неформальное поведение Руслана нередко становилось предметом оргвыводов. И, в конечном итоге, привело к его уходу из издательства.

По нынешним временам обвинение Семенова в том, что он издал «Непридуманные рассказы» Хасана Хажкасинова, где в одном из них автор нарисовал полный трагизма день депортации балкарцев, и две повести Тенгиза Адыгова, в которых в антипартийном, якобы, свете была изображена советская действительность, сегодня кажутся просто нелепостью. Но тогда обком был непреклонен, и Семенову предложили написать заявление об уходе «по собственному желанию».

Между прочим, вспоминается эта подлая акция в связи с тем, как бывший директор издательства, призывая коллектив «беречь Семенова», ничем сам не мог помочь Руслану. Негласный указ идеологов был равен военному приказу.

Сегодня думаю об этом, ощущая пронзительную боль. Да и как смириться с несправедливостью, когда дело касается (касалось) хорошего, красивого человека, который мог бы сделать еще очень и очень много для нашей культуры, для литературы. Ведь поэтическая звезда Руслана начала в те годы восходить на небосклон, и он был полон сил, в его душе зажигались такие маяющие огни, такое «сияние тайны», что думалось, «вот кто лучший из наших поэтов».

Он и был им, настоящим, могучим и лиричным одновременно, разящим и умиротворяющим, оставшимся в памяти похожим на «лобастых мальчиков», «не любивших с детства овал», умевших совестливо идти по жизни, никого не рая, не унижая, не принуждая думать и делать, как он.

Его жизнь оборвалась, как вздох, почти в пушкинские годы, напомнив нам расхожую мысль о трагизме судьбы поэта в России, а это значит, и у нас. Ведь нет никакой разницы, к какому роду-племени принадлежит каждый из нас. Каждый из поэтов, попавших в роковой круг бытия, не сумевших выйти за его роковую черту.

Когда Руслан ушел из жизни, ему не было и сорока. Прошло двадцать лет, как его не стало. Обидно до слез, что мы оказались глухи к просьбе «берегите Руслана». Те, кто особенно и намеренно был глух к этой почти мольбе, и сегодня живут, коптя небо и, наверное, не преминут присоединиться к печальной тризне по замечательному русскоязычному кабардинскому поэту, которого они так бездумно предали, и даже произнесут живыми устами славословие в его честь. Бог им судья.

И как же он своим характером похож на одно из моих стихотворений:

*Случалось, порою, в запале,
Какой-то ершистый поэт,
Забыв, что он вечно в опале,
Черкнет снова дерзкий куплет.
И вот понеслось! – от наветов,
От окриков грозных и слов
Нет спас. Мишенью клеветов
Он был. Да и стать вновь готов.
Глаголы поэта – случайны?
Запретному плоду сродни?
Ах, если б предвидеть заранее,
Чем к нам возвратятся они.*

Я намеренно не анализирую здесь произведений Семенова, ибо он сам, как некогда М. Горький говорил о С. Есенине, соткан из стихов. Руслан и его творчество – гармонический сплав, единая мелодия, единая песня. И в этом он составляет счастливое исключение из ряда тех стихотворцев, личность и произведения которых пребывают в досадном антагонизме. В Семенове поэзия и личность неразделимы. Он не из тех, о ком говорят, лучше бы знал его стихи, а не знал бы его самого.

Знать Руслана, дружить с ним хотели многие. Запомнился Мухамед Кипов, преданно любивший и высоко ценивший Семенова. Не было дня, чтобы художник не забегал в редакцию. Два бунтаря, два, как выясняется с годами, одиночества, не попадая в набившие оскомину ноты, создавали свою музыку, ваяли свое дело. Независимые в поступках и суждениях, они шли своим неторным путем, нелегко и непросто приходя к цели, но достигая ее все равно.

Именно независимость характера и талант сделали Руслана Семенова тем, кем мы его знаем сегодня. Гордый духом, исполненный необыкновенной доброты и детской непосредственности, прибавлявшей ему шишек и ссадин, таким в моей памяти остался он. Возможно, именно общению с ним обязана я тем, что удалось кое-чего достичь в попытках создать свой поэтический мир.

Мне приятно сегодня вспоминать, что ему нравились некоторые мои

стихи. А конец одного из них, который восхищенный Руслан переписал на листочек, случайно оказался в его сборнике «Уроки совести». Ведь сестры поэта, Светлана и Жанна, обнаружив мое четверостишие после смерти брата в его бумагах, подумали, что строки принадлежат Руслану. Это мое стихотворение заканчивалось довольно-таки мистически, Руслан сам был мистиком и фаталистом, да и любил частенько огоршить нас фразой: «А знаете, я скоро умру...». И вот тронувшие его сердце мои строки:

*И в вышине, в бездонном небосводе
Звезду мою задует, как свечу,
И будет сдвиг неведомый в природе,
Постичь который нам не по плечу.*

Может быть, не надо было Руслану так часто повторять фатальное «я скоро умру», ведь не случайно говорят, слово имеет материальную силу. И оно трагически воплотилось-таки в его судьбе.

Жаль, что мои короткие и неполные воспоминания о нем невольно оказались с оттенком грусти и сожаления. Хотя, при всем налете мистического настроения, Руслан по натуре был заразительно веселым и озорным человеком. Энергия в нем была через край, работа духа была непрестанной. В часы вдохновения он любил повторять: «Представляете, сегодня Анна-Мария прилетела...» Кого при этом он имел в виду и имел ли кого конкретно, для меня осталось тайной, равно как и образ таинственной незнакомки, которую он воспел в цикле своих стихов под романтическим названием «Сияние тайны». Вырезку из «Молодежки», которую мне со своим автографом тогда подарил Руслан, я не без душевного трепета вернула его сестрам.

Перед моими глазами стоит картина, где Руслан, долго и весело разглядывая лист бумаги с обведенной карандашом пятерней моего сына Ибраши, как он его называл, приписал внизу: «Ибраше ставлю 5+». И это тоже небольшой штрих к его портрету, завершение которого мы находим в его возвышенно-лирической поэзии, в которой бьется трепетное сердце человека, который часто, обращаясь к нам, своим коллегам, любил повторять: «Люди, я люблю вас!». И это не было позой.

ЖЕНИТЬБА ГИТЧЕ

Рассказ

Гитче из Кадыровых, парень из селения Шканты, вернулся домой со схода в недобром духе. Он был зол не столько на Крыма, сколько на Токлу из Карабашевых, что крикнул: «Даже и Гитче из Кадыровых?» – «Скотина, у самого ума на большее, чем только жрать, ни на что не хватает, а все туда же – хочет кого-то поддеть! Жаль, что тогда в Ирци-Баши во время заварухи не дал тебе как следует по морде и не рассыпал твои поганые кривые зубы», – думал всю дорогу до дому Гитче.

Это правда – Гитче и рослый, и сильный джигит, но если б Токлу хоть разок его стукнул как следует, он завертелся бы как юла. Но об этом Гитче сейчас и не думал. И утром он уходил на сход не позавтракав, и сейчас, придя со схода, не заметил никакой суеты, что бы говорило о том, что кто-то собирается его кормить. Вот это-то и вывело его из себя.

– Ты почему до сих пор не развела огонь? – накинулся он на пятнадцатилетнюю сестренку.

– Мать сказала, что еду приготовим, когда ты вернешься со схода. Вот тебя и ждем, – нашлась Таслима.

– Да чтоб сгорел ваш дом! Чего теперь-то ждешь? Готовь!

– Чего кричать-то? Сейчас быстро приготовлю.

– С утра во рту ни крошки – разве не знаете?

Таслима, не пускаясь в дальнейшие пререкания, занялась своим делом: разгребла золу в очаге, сдвинула в серединку угольки, положила на них растопку, и пока разгоралось, ополоснув чугунок, налила в него немного воды и повесила на цепь.

– А где мать? – спросил Гитче, когда немного поостыл.

– К Мариям пошла, отнесла ткань.

Мать Гитче, Лаулан, пряла шерсть, ткала тем, у кого много скота и сами не успевали перерабатывать шерсть. Не так давно она взяла у Мариама, жены Османа Сабырова из Курнаята, два пуда шерсти и в последние дни занималась ее переработкой – чесала, пряла, ткала. Наверное, наткала уже приличное количество чепкена¹ и решила отнести. Несмотря на то что Гитче – уже взрослый мужчина, ему уже под тридцать, дом-то все равно держится заботами Лаулан и Таслима. Это они денно и ночью моют шерсть, прядут, ткнут и зарабатывают и на еду, и на одежду, и на все, что нужно для дома, а то какая польза с Гитче. Да никакой особой пользы и нет. Правда, когда в селе забот невпроворот – во время сенокоса, стрижки, хасафа², – и Гитче, бывает, подрядится к кому-нибудь на день-другой, и кое-что принесет в дом, но большую-то часть времени он проводит в праз-

¹ Чепкен – домотканая материя; род верхней мужской одежды.

² Хасаф – осенние заготовки мяса на зиму.

дной суете – на ныгыше¹ в бесполезных спорах, на вечеринках, где он не всегда-то желанный гость, да на изеуах², куда его и не приглашали. «Для своего дома и копну сена не заготовит, а для других и скирду не прочь поставить» – так говорят о таких, как Гитче, никак не желающих всерьез впрягаться в ярмо собственных домашних забот, а вечно оказывающихся там, где есть с кем посидеть, побалагурить, поесть-попить. Не беда, коль придется даже и поработать, если угодишь, к примеру, на изеу. Или ты пошел к дружку, а он в это время навес перекраивает – как не помочь?

Не выдержит Лаулан, скажет иногда: «Сынок, ты бы хоть баз немного починил, а то ведь протекает, будто и крыши нет», или: «Может, навес какой-нибудь соорудишь, чтоб сено под дождем не гнило», а он всегда в ответ: «Подумаешь, скот – малое дитя, что ли, и капля на него не должна упасть!» Или: «Ладно, ладно, сделаю, не приставай!» – а сам ничего и не делает. Когда жив был отец, он его еще немного слушался, а с тех пор, как в доме сам стал хозяином и единственным мужчиной, все делает по своему уму-разумению. В первое время после смерти мужа Лаулан еще старалась повлиять на сына, уговаривала его, не будем, мол, лениться, подтянемся, постараемся жить как и все, вырвемся из нищеты, но потом, поняв, что от сына толку не будет, махнула рукой, и взвалила всю тяжесть домашних забот на свои плечи. А в позапрошлом году Гитче не захотел обрабатывать даже и жалкий клочок своей пахотной земли, сдал в аренду. В тот год и пополнился золотой запас балкарского фольклора поговоркой «Как Гитче свою землю в аренду сдавал». Загнанный в угол издевками да насмешками, в этом году Гитче сам вспахал свой участок, посадил картошку, собрал около сорока мер и засыпал в погреб. И с тех пор хвастался этим, не давал ни матери, ни сестренке и рта раскрыть. Лишь только в доме разговор касался бедственного положения семьи, Гитче непременно говорил: «У меня во дворе картошки полон погреб, дойная корова, бараны – чем я хуже других?» А бараны его – дюжина паршивых овец, и половина из них хромые ягнята. Было бы любопытно посмотреть, как далеко он уехал бы на своих овцах, если бы Лаулан и Таслимат день и ночь не пряли, чесали и ткали! Но Гитче об этом и не думает – он вполне уверен, что дом держится на нем, его усердием.

Вскоре вернулась и Лаулан. Хотя она и вплотную приблизилась к шестидесяти годам, Лаулан была необычно энергичной, неустанной женщиной. Ежедневно от зари до зари работает, не зная отдыха, но никогда не скажет, что устала, что больше нет сил. Вот уже несколько лет, в большой тайне и от сына, и от дочери, добавляя копейку к копейке, копит деньги Лаулан для калыма. И в этом году вместе с чабанами из Загорья, как всегда, пришел и Харламбий с товарами, вот сегодня и сдала ему Лаулан двадцать аршинов чепкена высшего качества и сорок аршинов из грубой шерсти. Купила сыну на штаны и рубашку добротного коричневого вельвета, атласа для свадебного платья дочери и даже себе на платье отрез байки, да еще остались у нее на руках тридцать рублей с полтиной.

¹ Ныгыш – место собраний сельских стариков.

² Изеу – помощь родственников и односельчан в выполнении трудоемких работ.

Она была довольна и редкую гостью в этом доме – радость – привела сегодня с собой. И все забылось – и долгие дни, когда с утра до ночи сидишь за ткацким станком, и тяжесть корзин, наполненных мытой шерстью, и боль, когда, задремав или же забывшись от нелегких дум, бьешь по иголкам чесалки рукой.

И даже Гитче просиял, увидев вельвет, из которого скоро сошьют ему хорошую одежду. А Таслимаат так и танцует от радости, целует мать, то и дело примеривает на себе ярко-лиловый атлас. «Черт бы побрал эту красоту – все ее любят!» – говорят. Так и добро, богатство. Только минуту назад от злости Гитче и света белого не видел, а теперь и он смягчился, по-человечески обратился к сестре:

– Девушка, может, подашь, если еда готова – тейри, с голоду умираем.

Таслимаат сняла чугунок с очага, переложила как¹ на большую деревянную чашку, положила на стол перед матерью и братом, подала им айран в небольших деревянных же чашках, потом налила айран в чугунок, где оставила для себя немного кака, и пристроилась у очага, присев на маленький стульчик.

– Сколько раз тебе говорить – не скреби дно чугунка! – даже пошутит Гитче.

Если в день свадьбы пойдет дождь, говорят это оттого, что невеста в девичестве часто скребла чугунок во время еды, как сейчас Таслимаат, что, само собой разумеется, не назовешь благовоспитанным поступком.

– Да пусть хоть потоп! – бойко ответила Таслимаат и, тоже в шутку, уплетая как, стала нарочно чаще скрести по дну чугунка.

После обеда, зная, что сын все равно каким-нибудь делом дома не займется, и не желая портить хорошее настроение, Лаулан сказала:

– Сходил бы к кому-нибудь из товарищей, что ж дома-то один будешь скучать, слоняясь из угла в угол.

– Говорят, Махмут из коша пришел – схожу к ним.

– Иди, сынок, иди. И потом, клянусь Аллахом, скоро станешь посмешищем для всех – до каких это пор ты будешь ходить в женихах? У твоих сверстников уже по трое-четверо ребят растут. Женись, заживи, как все, полной семьей, нормальным домом.

– Оставь, мам. Что-то на калым накопить – надо идти к кому-то батрачить, этого еще не хватало!

– Калым – это не твоя забота. Об этом пусть болит голова у твоих родственников, у рода твоего, племени. Твое дело – дай нам знать, коль есть у тебя девушка на примете.

– Держи рот пошире – позаботятся о тебе твои родственники! Им бы о себе позаботиться.

– Ну, как хочешь, – махнула рукой Лаулан.

И до этого мать не раз напоминала Гитче о том же – что ему пора бы уж и жениться, да он на это внимания не обращал. А чаще всего

¹ Как – мамалыга.

начинал злиться, отвечал какой-нибудь грубостью, после чего мать не заговаривала на эту тему недели две-три. Еще бы не злиться – о какой женитьбе горца может идти речь, коли у него нет ни коня, ни волов, ни приличного количества овец, денег, наконец, чтобы уплатить калым? Если даже и выгрести со двора всю живность – и корову, и овец – не справить ему свадьбу, как полагается. Хорошо, допустим, хоть и так, приведи он жену домой, а жить-то дальше как? И что удивительно, прекрасно все это понимая, мать все же постоянно пристает – женись да женись!

Так размышлял Гитче, направляясь к дому Хаджи из Токлуевых, к своему товарищу, сыну Хаджи Махмуту. И то правда – если бы в свое время Гитче тоже, как и многие другие джигиты из бедных домов, нанялся бы чабановать, конечно, к сегодняшнему-то дню на калым накопил бы, но тогда гордость не позволила ему. Как это, мол, так – я, уздень¹, пойду в батраки, как кул². А теперь уже поздно. Если еще лет пять провести в батраках и состариться недолго! Да и провести аж целых пять лет на коше – на столько лет обычно нанимаются чабановать – в дождь и в стужу, не зная покоя ни днем, ни ночью, ходить за овцами, недоедать, недосыпать – тоже нешуточное дело! Да пропади она пропадом, эта самая жена, ради которой надо пройти через этот ад!

Так, размышляя, шел Гитче, и как только мелькнуло в голове слово «жена», он вспомнил младшую дочь Хаджи – Шахарзан. Так посмотришь – и не скажешь, что красавица, но в ней было что-то притягательное, таинственно-женское, что при взгляде на нее чувствовалось сразу. Может быть, эта таинственная сила была в ее больших желто-кошачьих глазах, а, может быть, в густых каштановых косах? Но огорчало Гитче то, что она унаследовала от отца неуловимое, но что-то странное: никогда ни по какому случаю не поторопится, не возмутится, не испугается, словно ни к чему не чувствительна. Словно все, что ни делала она, делала по чьему-то приказу издалека; выслушает приказ – шагнет, выслушает приказ – ответит... И Хаджи сам, и его домочадцы были людьми здоровыми, работы не чурались, но об одном только Хаджи сколько рассказней, шуток ходят по ущелью! Если кто-то грузит вязанки дров на ишака и напарник заезвается, тому наверняка прикрикнут: «Да что ты стоишь, как Хаджи, разинув рот – подай сюда конец веревки!» Или весной мать, оберегая нерадивого сына от упреков отца или братьев, скажет: «Вот подождите – возьмется он тоже за дело всерьез, как и Хаджи, тогда посмотрим!»

Но все это, конечно, ерунда – в Большой Балкарии трудно найти не только род или дом, о котором по тому или иному поводу не ходили шутки-прибаутки, не зубоскалили, но даже и человека, считающегося уже взрослым. Старшая сестра Шахарзан, Санянт, была еще не замужем – вот что было препятствием. Что мало толку свататься к девушке, когда ее старшая сестра еще не замужем – это в Балкарии знает и ишак! А ждать, пока Санянт выйдет замуж – так и до Судного дня можно прождать! Кто

¹ Уздень – человек независимого сословия.

² Кул – подневольный; зависимый; раб.

Гитче злился на Саният, словно он и Шахарзан уже давным-давно сгорают от любви друг к другу, а Саният стала на их пути помехой. А на самом-то деле до сегодняшнего дня Гитче так о Шахарзан и не думал. Да и Саният ему раньше не казалась такой уродиной. Да она вовсе и не была уродиной, разве что чуть выше ростом и немного изящней телом, чем Шахарзан – вот и все. Ведь для кое-каких мужчин если девушка не пышет телесами, словно поднявшееся тесто, то уже и некрасива. Правда, когда Творец создавал фигуру Саният, видимо, его чем-то отвлекли и он забыл снять чуточку материала с переносицы, отчего она немного напоминала сову, а так – девушка как девушка. А мастерица-то какая: и шить, и вязать, и ткать. И нравом кроткая. Что и говорить: Токлуевы всем известны своим покладистым характером. Не без того, конечно, появляются, хоть и изредка, и в их роду не в ту стезьку-дорожку ступающие, но, как говорится, село не село и род не род, коль в нем нет дурака.

Махмут, чинивший у очага свои чабыры², услышав лай собаки, вышел во двор. Увидев за перекладинами ворот Гитче, сказал приветливо:

– Что ты стоишь, алан, на улице – заходи, будь гостем! – Потом, обернувшись к собаке, которая лаяла не переставая, прикрикнул: – Вон отсюда! Ишь ты – разошлась! – Собака, все еще продолжая рычать и косо глядя на Гитче, пошла в свою конуру, волоча цепь.

– Прослышал, что ты спустился с коша, вот и пришел поболтать с тобой, – сказал Гитче, заходя во двор и здороваясь с Махмутом.

– Заходи, заходи! Оллахий, я тоже умираю со скуки, и от нечего делать чабыры принялся подлатать.

– Как дела, много у тебя, наверное, теперь овец?

– Тейри, и не скажешь, что их становится много.

– Когда заканчивается твой срок?

– Будущей весной.

– Приличное количество овец, наверное, пригонишь домой от Сабировых?

– Откуда там! Заходи, заходи домой.

Самого Хаджи дома не было, он на коше, с отарой. Шахарзан сидела за ткацким станком, Жулдуз пряла, а жена Махмута, Жумарук, схватив за плечо своего старшого – восьмилетнего озорника Аскера – лупила по попке. Отчаянные вопли братца поддерживали дружным плачем две его сестренки, и от всего этого шума и гама, казалось, вот-вот приподнимется крыша дома.

– Аланы, что это с вами случилось за эту минуту? – с удивлением спросил Махмут.

¹ Княжна-Лопата – в Балкарии существует такое поверье: во время засухи детям и подросткам следует нарядить лопату разным тряпьем, сделать чучело, похожее на женщину, и ходить по улицам и дворам, взывая: «Княжне-Лопате нужен дождь! Княжне-Лопате нужен дождь!» Люди должны одаривать детей (слуг Княжны-Лопаты) и поливать чучело и детей водой. Тогда пойдет дождь. Лопата здесь, видимо, символизирует богиню земледелия, которая просит дождя у высшего божества.

² Чабыры – вид мягкой обуви из бычьей кожи.

– А то случилось, что ему захотелось трепки! – все еще не остывая, ответила Жумарук. – Пристал к девочкам: где, мол, моя юла – откуда им это знать? – а потом, разозлившись, бросил их куклы в огонь и сжег!

– Да чтобы семя ваше не проросло, негодные! А ну, сейчас же замолчите! – прикрикнула на детей жена Хаджи Жулдуз, заметив Гитче и, конечно, чувствуя неловкость.

– Сгинь с глаз моих долой! – прикрикнула Жумарук, вышвыривая Аскера за дверь. Видимо, это несколько удовлетворило девочек – те тотчас же притихли.

Женщины встали, чтобы поприветствовать гостя, и вновь занялись каждая своим делом. Вскоре вошла в дом и Саният с полными ведрами воды.

– Здравствуй, Гитче! – поздоровалась она, пристраивая ведра у входа.

Здороваясь с Саният, Гитче глянул на нее, и ему показалось, что та слегка покраснела. Неужели это из-за меня, подумалось ему, но вспомнив, что она только что несла полные ведра, не придавал этому значения и вернулся к беседе с Махмутом.

А Саният зарделась и в самом деле от того, что так неожиданно столкнулась с Гитче, а вовсе не от тяжести ведер, – она уже довольно давненько тайно любила его, хотя об этом никто и не догадывался. Еще бы – она и от себя-то скрывала свое чувство в глубине души, не только от других. И у нее на это, как ей казалось, были веские причины. Еще в позапрошлом году к ней сватался один вдовец из селения Зылгы, у которого после смерти жены дома остались двое детей без присмотра. От морального удара, нанесенного этим сватовством, она до сих пор никак не может оправиться – она уже старая дева, никто из неженатых джигитов теперь на нее и смотреть не станет. Все говорят, что Гитче – никчемный бездельник и повеса, но сердце Саният знает: попадись ему хорошая, работающая жена, и он, как все, займется домом, хозяйством, семьей; чем он хуже других – и строен, и красив, и телом не хил. А она кто? Старая дева, к которой теперь сватаются только вдовцы в зрелых годах. И что толку с того, что она любит Гитче – ему-то что с этого? За что он может ее полюбить? Не за что. Уверенность в этом придушила ее любовь, загнала в самый темный уголок ее души, где она чахла, словно головня, выхваченная из костра, который уже никому не нужен, и выброшенная прочь...

– Как поживает Лаулан, чем занимается, – спросила Жулдуз. Конечно, не потому, что она так уж интересовалась, как там живет-поживает Лаулан да чем она занимается, а просто потому, что гостю, если даже это и бездельник Гитче, следует уделить хоть какое-то внимание, обменяться несколькими фразами, положенными в таких случаях, а иначе недолго прослыть и нелюдимыми, и нетактичными.

– Слава Аллаху, жива-здорова, работает – моет шерсть, расчесывает, прядет, ткет.

– Что же делать – надо работать. Если бездельничать, да только просить: «Аллах, дай! Аллах дай!» – тоже толку мало, он тоже просто так ничего не дает.

Жулдуз все это сказала просто к слову, не имея в виду кого бы то ни было. Но Гитче понял так, что эти слова были сказаны именно в его адрес, а потому и ответил с нотками обиды в голосе:

– Тейри, Жулдуз, сколько б мы ни старались, он почему-то на нас особо внимания не обращает. Все, что он дает – дает богатым, а нам только крохи перепадает. Как говорится – дождь и то любит литься в озеро.

– Великий Аллах всех людей одинаковыми создал – с двумя руками, с двумя ногами, с одним станом, с одной головой. А все остальное – как вы там жить будете да поживать – это, сказал, в ваших руках.

– Я не видел, чтобы очень уж обливался потом Зулфугар из Залимхановых, а поди ж ты – у них полным-полно добра и скота. И у Карабиевых тоже.

– На то воля великого Аллаха, нельзя из-за этого роптать.

– Раз нельзя – оставим, Жулдуз. И по поводу нашей судьбы, он, наверное, уже давным-давно определил свою волю, так что сколько б мы ни старались – от судьбы не уйдем. Тогда зачем же так отчаянно барахтаться? Живи как живется – потихоньку-полегоньку.

– Может и так – кто уйдет от судьбы, предопределенной Аллахом, – не стала спорить Жулдуз, видимо решив, что с этим повесой бестолку о чем-либо всерьез разговаривать.

– Тейри, не знаю – далеко ли уедешь, полагаясь на судьбу, ничего не делая, ничего не предпринимая, – сказал Махмут, усмехнувшись.

– Скажите коротко, как нарты¹: «Не работающий – не поест, не повиный – не возрадуется» – вот и все, – вмешалась в разговор Саният.

«Вот вы работаете, работаете, а далеко ли уехали?» – хотелось спросить Гитче, да только нельзя было этого делать.

Видно, хозяева дома поняли, что их слова, сказанные вовсе без всякого умысла, в какой-то степени воспринимаются гостем как камушки, брошенные в его сторону, а потому в дальнейшей беседе этой темы не касались – говорили о том о сем: о парнях и девушках, о происшестввиях в том или ином селении, и в особенности о том, кого сегодня выбрали старшиной Большой Балкарии.

Так и сидели до вечера, беседовали, в то же время каждый занимался своим делом, пока Саният не начала хлопотать об ужине. Гитче, поняв, что слишком уж засиделся, поднялся, собираясь уходить, но Жулдуз и Махмут так усердно его уговаривали остаться отужинать, что ему пришлось вновь сесть на свое место. Да и поступить по иному он уже не мог – в горах считается признаком невоспитанности, если гость уходит в тот момент, когда начинаются приготовления к трапезе. Если хотел уйти, надо было это сделать пораньше, когда об ужине и намека не было, а теперь Саният уже хлопочет у очага, уйдешь – ясное дело, скажут: «А что от него ждать, невоспитанного, небось и обычаев-то наших не знает!» – «До чего же у нас глупые обычаи!» – подумал Гитче, вспомнив, что и после трапезы гостю не следует тотчас же удалиться, так как это тоже неприлично. Такого посчитают вовсе тупым животным – набил, мол, брюхо и уходит.

¹ «Как нарты...» – у балкарцев пословицы и поговорки называются «нартскими словами», т.е. словами предков – нартов.

Есть даже присловье: «Саутулинец наелся – и домой». Видимо, жители селения Сауту, будучи в гостях в других селениях, не всегда строго соблюдали это правило горского этикета, и вот на тебе – угодили в фольклор! И это несмотря на то, что Сауту – одно из больших и авторитетных сел Большой Балкарии.

Картофельный суп с мясом, что Махмут привез из коша, оказался таким вкусным, что Гитче не удержался, хотя еще и не проголодался, и съел целую чашку, наравне с Махмутом.

– Оллахий, с головой в казан полезет человек – настолько вкусным оказался твой суп! Спасибо, да будешь ты богатой и уважаемой! – поблагодарил, как и принято, Гитче Саният.

– На здоровье! Давайте, еще понемногу добавлю, а то под руку попались маленькие чашки, вы, мужчины, не наелись, наверное, – сказала Саният.

– Оллахий не смог бы отказаться, но ведь говорят, что нельзя лишнее есть после того, как наелся – это будет харам¹.

– Сейчас налью.

– Нет, нет! Спасибо, Саният!

– Два-три половника супа – это разве много для взрослого мужчины?

В горских домах детей всегда стараются укладывать спать там, где теплее – где очаг, где огонь, где готовят пищу. Вот и Жумарук начала укладывать мальчишек, которых после сытного ужина разморило и потянуло ко сну. Гитче встал.

– Да, я совсем допоздна засиделся – извините, пожалуйста. Пойду. Спокойной ночи!

– Да еще совсем не поздно, куры – и те только что забрались в курятник, – сказал Махмут, как и следует хозяину, всячески стараясь успокоить гостя, убедить его в том, что тот ничего предосудительного не совершил.

Он провел Гитче до калитки, прощаясь, и там поболтал с ним две-три минуты и лишь потом вернулся домой.

Жулдуз весь вечер терпеливо пряла, но вот и она начала сдаваться: прикорнет – и срывается веретено. Незлобно обругав веретено за непослушание, она вновь берется за свое. И опять на миг сомкнет глаза – и вновь обрывается нить и веретено с глухим стуком падает на земляной пол. Наконец она не выдерживает и «обрушивает свой гнев» на Махмута:

– Ну, чего сидишь – видишь, я спать хочу. Иди в свою комнату!

На самом-то деле это вовсе и не гнев, а замаскированное разрешение сыну удалиться к себе...

– Мужчина, не кажется ли тебе, что Гитче имеет какие-то виды на Саният? – спросила Жумарук у мужа, когда они, наконец, оказались одни.

А через два-три дня – бог весть кто это распространил? – по Мухолу-селу пошли слухи о том, что Гитче из Кадыровых добывается руки старшей дочери Хаджи из Токлуевых – Саният.

¹ Харам – пища, не дозволенная мусульманину в употребление.

Гитче из Кадыровых и Махмут, сын Хаджи из Токлуевых, были хорошими товарищами, а потому никто раньше не обращал внимания на то, когда, часто ли заходит Гитче в дом Хаджи. Но после того, как пошли разговоры, что Гитче приударяет за Саният, ни один его визит к Токлуевым не оставался без внимания окрестных кумушек, которые, завидев его, начинали таинственно перешептываться между собой. Вскоре уже все село с нетерпением ожидало того дня, когда объявят о помолвке Гитче и Саният.

Но когда прошла осень, настала уже и зима, а из Шканты в Мухол сваты так и не приходили, а сам Гитче, как и прежде, частенько навещался в дом Хаджи, пошли разные пересуды: одни говорили, что Саният дала Гитче от ворот поворот, а другие наоборот – это Гитче разонравилась Саният, а ходит он просто так, по старой привычке, к своему дружку Махмуту. Видимо, все эти слухи никак не могли пробраться ни в дом Хаджи в Мухоле, ни в дом Гитче в Шканты, так как отношения между их обитателями ничуть не изменились – Гитче, как и раньше, раза два в месяц заходил в дом Хаджи, сидел, подолгу беседовал. И с каждым его приходом женщины в доме Хаджи все больше и больше утверждались во мнении, что Гитче ходит к ним именно из-за Саният. В соответствии с этим несколько начало меняться и их поведение по отношению к частому гостю. Теперь, к примеру, когда приходил Гитче, Саният, как обычно, не торчала весь вечер, как это было раньше, у него перед глазами, а уходила в другую комнату, найдя какой-то подходящий предлог или же потихоньку – незаметно. Так положено поступать девушке, если в ее отчий дом приходит молодой человек, намеревающийся добиваться ее руки. Суровые горские обычаи не дают особой возможности джигитам и девушкам подолгу и часто беседовать друг с другом, ходить на уединенные любовные свидания, чтобы полнее узнать свои сердечные чувства. Не так уж часто случающиеся свадьбы, курманлыки¹, вечеринки – вот обычные места, где впервые загораются искорки любви между ними. Удивительно, но если всем стало ясно, что джигит действительно всерьез намерен добиваться руки девушки, то слишком уж строгие горские обычаи сразу смягчаются, как бы говоря: «Ну, раз у вас это серьезно – то особых препятствий чинить вам не станем, но смотрите – и вы не вздумайте переходить границы благопристойности!» Так, к примеру, джигит раз-другой в месяц, и даже чаще, может свободно посещать дом своей избранницы, если, конечно, в этом доме к нему относятся благосклонно. Просто так, как гость. А если в доме есть джигит, ему ровесник – так и вовсе все отлично! К товарищу, к дружку своему ходит – что тут такого? Хотя в доме девушки все прекрасно могут и знать из-за чего зачастил к ним в гости этот джигит. К тому же, если у девушки есть еще и младшая сестра – то и она становится помощницей, доверенным лицом, через которую джигит может узнать почти все, что ему нужно: и что думает о нем сестра, и как к нему относятся

¹ Курманлык – жертвоприношение во время каких-либо торжеств.

отец, мать, брат, другие родственники. А при крайней надобности – даже устроить свидание у какой-нибудь подружки, где в это время дома из взрослых может никого не оказаться. Но к этой возможности обычно джигиты не прибегают, так как такое уединенное свидание, прознай об этом болтушки, может навредить репутации девушки. И джигит должен из кожи лезть вон, чтобы всячески угодить будущей своей свояченице – будучи в гостях, обращает на нее особое внимание, в случае какого-либо спора непременно должен держать ее сторону, делать ей мелкие подарки. И, будучи в гостях, чем больше джигит обращает внимания ей, а не своей избраннице, тем более воспитанным он считается.

На то, что Гитче и не пытается наедине поговорить с Саняят, никто и внимания не обращал – а о чем им наедине-то говорить, впервые видят или не знают друг друга? И он не мальчишка, и Саняят не шестнадцать лет – к лицу ли им разыгрывать пылкую юношескую любовь, искать встреч наедине? Так примерно думали в доме Хаджи и ничего необычного не усматривали в поведении Гитче. И, в конце концов, Саняят, если б не хотела выходить замуж за Гитче, уж давно бы могла заявить об этом, точно так же и Гитче – если б он не имел виды на Саняят, не ходил бы. А на то, что он часто беседует с Шахарзан, случается, остается с ней и наедине, никто и внимания не обратил – это же обычное дело, джигит обхаживает младшую сестру своей избранницы, дает ей какие-то поручения, о чем-то просит. Обычное дело.

Все так. Но вот поближе к весне однажды утром по Мухолу, а потом и по всей Большой Балкарии поползли слухи: младшая дочь Хаджи из Токлуевых Шахарзан убежала к Гитче из Кадыровых, который сватался к ее старшей сестре Саняят. Убежала – это значит, она сама способствовала тому, чтоб ее «выкрали». Такой поступок в горах считался неприличным, что даже самые отъявленные сплетницы не осмеливались распускать свои язычки до тех пор, пока эту новость не услышат из нескольких уст и окончательно не убедятся в правдивости случившегося. А когда стало ясно, что так и случилось, никто не стал сдерживаться – все были возмущены. И в особенности женщины. Они проклинали Шахарзан на все лады:

– Да, чтоб ты в землю вошла, а не в дом мужа!

– Да проживи ты всю жизнь в беде и в позоре, раз нас всех так опозорила!

– Да проклянет Аллах тебя и растопчет в пыль, раз ты прокляла и растоптала все наши прекрасные обычаи!

А мужчины высказывались, в основном, по адресу Гитче:

– Ишак – он и есть ишак!

– Оллахий, надо собрать сход и выгнать его из ущелья!

– Давайте, ради Аллаха, пойдем сегодня ночью и до смерти отдубасим его!

– Оллахий, это было бы совершенно правильно!

Все – мужчины и женщины, старики и старухи, и даже дети проклинали Гитче и Шахарзан. Как можно так, говорили все в один голос, запросто растоптать обычаи своего народа, ходить в дом, просить руки старшей дочери этого дома, а потом поступить по-скотски – обмануть и

соблазнить младшую дочь, толкнуть ее на такой нехороший поступок? Конечно, в жизни случается всякое. Бывает, сватаются к младшей дочери, когда старшая еще не замужем. Но ведь это делается открыто и лишь в крайних случаях – когда, скажем, у сестер большая разница в возрасте. Да и в этом случае сама старшая сестра, как правило, категорически требует, чтобы из-за нее не ломали судьбу ее сестры. И все это делается с самого начала открыто, исходя из сложившихся обстоятельств. А тут – по-воровски, бессовестно: подав надежду старшей, соблазнили младшую.

Вот почему с поздравлениями к Кадыровым, кроме очень близких родственников, никто и не думал пойти. Да и те приходили не как на радость и веселье, а словно потревоженные неприятной вестью, дабы узнать, правда ли то, что говорят. Да в сущности так и было: радость не светилась в их глазах, как обычно в таких случаях, не слышно ни смеха, ни шуток, да и особо никто не засиживался. К тому же все село в тревоге ожидало приезда Махмута из коша – как бы он что-нибудь не натворил. Для этого, чтобы на первых порах, пока он не поостынет, удержать его от опрометчивого шага и дежурили постоянно в доме Хаджи двое крепких джигитов из рода Токлуевых. А Махмут, словно знал об этом, вернувшись, не заходя домой, направился прямо к Кадыровым. Увидев неожиданно появившегося Махмута во дворе, двое-трое джигитов бросились ему навстречу:

– Заходи, заходи, Махмут, будь гостем!

– Салам алейкум, Махмут!

Но Махмут, не отвечая на их приветствия, ринулся в дом, не обращая никакого внимания на исполошившуюся жалкую кучку стариков и старух в большой передней комнате, напрямик прошел во внутреннюю, где и должна быть невестка, одним рывком сорвал и выбросил в сторону занавеску в углу.

– Кто этот дурак?! – вскричала девушка-дигиза¹, вскакивая, но, увидев Махмута, осеклась и, с ужасом закрыв лицо руками, отчаянно закричала: – О, боже мой, что ты делаешь, Махмут?!

А Шахарзан, которая, видимо, предчувствовала, что брат рано или поздно все равно натворит что-то ужасное, и давно смирилась с этим, теперь стояла в своем углу, белая как полотно, давнув голову, покорно ожидая своей участи.

– Ты сама пришла или тебя насильно украли? – звенящим от напряжения голосом спросил он, изо всех сил стараясь не повышать голоса.

Вбежавшие вслед за ним парни в это время застыли у порога, не зная, что делать.

– Подойдите к нему, как бы он чего-нибудь не натворил! – отчаянно зашептал джигитам один из стариков из-за их спин.

Джигиты примирительно попросили:

– Ради Аллаха, Махмут, не делай так!

– Эх ты, Махмут, зачем же ты так опрометчиво поступаешь? Подожди, ради Аллаха! – стали подходить к нему, но Махмут, даже не глянув в их сторону, строго сказал:

¹ Дигиза – девушка, обслуживающая невесту в первые дни в доме мужа.

– Не ваше это дело! Стойте на месте!

Джигиты остановились – они тоже боялись осложнения дела, коль начнут действовать решительно, сгоряча.

– Ты слышишь меня? Я у тебя спрашиваю – крикнул Махмут, резко дернув Шахарзан за рукав.

– Я виновата во всем – убей меня, если хочешь! – дрожащим голосом еле проговорила Шахарзан.

– Ты не в супружеской постели, а в земле должна лежать! Сейчас я распорю твое подлое сердце! – вскрикнул Махмут, рывком выхватывая кинжал. Шахарзан бросилась к брату, стремясь перехватить его руку с кинжалом, но получилось так, что она схватилась за клинок. И в тот же миг, когда Махмут поднял руку, раздался крик Шахарзан:

– Ой, мама!

Джигиты, одним прыжком оказавшиеся около Махмута, набросились на него, отняли кинжал. А у бесчувственной Шахарзан, кровью своей окрасившей и занавеску у ног, и нарядную одежду свою, столпились женщины.

И, мягко попрекая за легкомысленную выходку, и всячески уговаривая, джигиты вывели Махмута во двор. Вскоре появились и джигиты из дома Токлуевых, которые каким-то чудом прослышали о том, что Махмут спустился с коша и направился в дом Гитче. Они тоже набросились на Махмута со своими упреками:

– Что случилось?

– Что ты натворил, чтоб покойник вошел в твой дом!

– Хоть бы сперва домой зашел – что тебе здесь надо было?!

– Не шумите особо, джигиты, – сказал подошедший старик. – Ничего страшного не случилось. Правда, Махмут поступил немного легкомысленно, но что теперь-то поделать? Он лишь поранил пальцы Шахарзан – ничего больше не случилось. Отведите его домой – да сохранил нас Аллах от большей беды.

Один из джигитов из рода Токлуевых зашел в дом и тут же, задержавшись ненадолго, вернулся и сообщил товарищам:

– Перевязывают руку. Пусть молится Аллаху, что только этим и отделалась. Держите, отведем его домой!

– Дружно подхватив Махмута со всех сторон, джигиты повели его со двора Кадыровых. А он все умолял своих родичей:

– Пустите, ради Аллаха, – дайте мне пролить ее поганую кровь!

Жулдуз увидела, как джигиты, обхватив с обеих сторон, вводят во двор Махмута, заметила на его поясе пустые ножны от кинжала и тут же принялась голосить и рвать на себе волосы.

– О, померкло солнце мое, потух мой очаг! Что же ты натворил, мурдар¹!

Махмут ничего не сказал, лишь глянул на нее недовольно.

– Успокойся, Жулдуз, не поднимай хай на все село! Ничего не случилось! – раздраженно прикрикнул на нее один из джигитов.

¹ Мурдар – убийца, подлец, негодяй.

– Где же тогда его кинжал? – вскричала, чуть-чуть успокоившись, Жулдуз.

– У меня. Не шуми попусту, ради Аллаха! – ответил один из джигитов.

А двор уже был полон народу. Мужчины и джигиты ввели Махмута в дом, расселись, разговорились. Узнав о том, что случилось, собравшиеся взяли Махмута в оборот, то упрекая его, то уговаривая.

– Эх ты, хотя бы село-жамауат уважил – зачем же так легкомысленно поступать? Ты ведь не мальчишка, а мужчина!

– Аллах, видимо, так предписал – что же тут поделаешь?

– Жениться, выйти замуж – разве с них началось это? Конечно, немного не так, виноваты они, но что теперь-то делать, душа моя, свет очей моих? Мужчина многое должен терпеть – стерпи и это.

– Раз дело свершилось – что толку теперь за ним с кинжалом гоняться, что найдешь? Вот было бы здорово, если ты, с пылу-жару, убил бы там кого-нибудь и поплелся бы в Сибирь, оставив дома старых родителей и детей, – так, что ли?

– Они свершили поступок, достойный их самих – а ты стерпи! Другого выхода нет, оллахий так.

– Ну, хорошо, ты не можешь стерпеть – а что делать-то будешь?

Так, беседуя, уговаривая, мужчины посидели до вечера, пока не настала пора позаботиться о скоте.

Когда люди разошлись, Махмут зашел в комнату Саният. В этот день, когда Шахарзан «убежала», у нее закололо в сердце, и с тех пор она с постели не вставала. Видимо, когда Махмут сидел с мужчинами, Жулдуз рассказала все, что произошло, так как Саният, как только вошел Махмут, горячо стала его заклинать:

– Да умру я прямо перед тобой, Махмут, если еще раз попытаешься на что-то такое. Почему это она должна отказываться от своего счастья? Если любят друг друга – пусть живут, да будет радость спутником их жизни!

– Да – можно подумать, что они сгорали от любви друг к другу, собаки!

– Оставь, ради Аллаха! Не порть себе кровь!

– Пусть бы за кого угодно пошла – за ишака, за кобеля, за смерть, – лишь бы не поганя наши обычаи, не причиняя тебе боль.

– Оставь, Махмут! С чего это вы все всполошились, я даже не понимаю. Что здесь необычного – что, разве до Шахарзан ни одна девушка не убежала?

– Смотри как убежать! Но а ты все равно зря не расстраивайся. Мало ли таких бездельников, как Гитче? Может случиться так, что встретишься и с таким, что через голову твоего Гитче перепрыгнет. Оллахий-билляхий, он никогда не станет человеком, не будет порядочным семьянином, не поставит дом на ноги – он же бездельник и повеса, привык к праздной, бродячей жизни. Как будто сама не знаешь. Чем выйти за такого замуж, уж лучше остаться дома в старых девах.

Саният незаметно горько улыбнулась. «Уж теперь-то, брат мой, можешь особо не сомневаться, что я осталась дома старой девой!» – по-

думала она. Кроме какой-то непонятной тупой боли, сжавшей сердце и парализовавшей ее волю, она в эти дни ничего не чувствовала. С чего это ее родня подняла такой шум-гам оттого, что Шахарзан, девушка, которой исполнилось уже двадцать пять лет, вышла замуж – она не понимала. Все эти разговоры-пересуды, тревоги и волнения доходили до ее сознания смутно, издалека, словно во сне. А временами казалось, что все это и в действительности происходит во сне. Вот проснусь, мелькала в голове мысль, и все исчезнет – шум и крики, озабоченное лицо матери и проклятья, – и жизнь опять пойдет своей дорогой. Но сон этот длился слишком уж долго, и она начинала верить, что все это происходит на самом деле, и никогда уже не вернется в этот дом прежняя спокойная безмятежная жизнь. И чем больше Саняет убеждалась в этом, тем больше неведомая сила сжимала ее сердце, сковывала ее всю, как железными обручами – ни пошевелиться, ни встать. Вот и сейчас – пришел Махмут, ласково поговорил с ней, пытаясь успокоить, утешить, и не успел он прикрыть за собой двери, а сердце Саняет сжало еще больше. Да, да – во всем виновата она, Саняет: это из-за нее брат возненавидел сестру, в дом пришел позор, нанесен удар по чести села. Если б не она, сейчас бы в обоих домах царили не тревоги и волнения, а радость и веселье, никто бы не проклинал Шахарзан, не говорил обидных слов по адресу ее отца, воспитавшего такую непутевую дочь, а наоборот – в ее честь, в честь ее отца провозглашали бы здравицы! И мудрые лица белобородых стариков не омрачились бы от мысли, что это позорное явление случилось именно в их селе. Конечно – все эти напасти только из-за нее, ее одной, спору нет. И по какой бы стежке-дорожке ни ходили-блуждали мысли Саняет, они непременно заканчивались тем, что она, Саняет, каждый раз почти вслух говорила: «Если б не было меня!»

Через два-три дня Саняет оправилась, поднялась на ноги. Махмут вновь отправился на кош.

– Отец, наверное, тревожится – с чего это я столько времени пропадаю, – сказал он, как бы оправдываясь перед Саняет за то, что оставляет ее одну, слабую, без его братской заботы.

Стояли последние дни марта. Приближалась пора, о которой шутливо говорят: «Вот опять – черкесы всю зиму доили, доили туманы, а теперь на лето прогнали их к нам!» Туманам удавалось иногда пробираться аж до самой Большой Балкарии. Но стоило засветиться солнышку, как туман, словно ватага озорников в чужом саду, завидевшая хозяина, рвась на клочья, панически разбегался во все стороны – часть стремглав поднималась в небо и бесследно таяла в синеве, часть неспешно отступала по ущелью вниз, часть пряталась в ложбинах и расселинах среди перелесков и кустов. В селе снега почти не видно, его жалкие остатки прячутся в тени каменных заборов или же в глубоких ложбинах, укрывшись грязью и разной шелухой. Но в горах таяние снега только началось, и воды в Большом Черее с каждым днем прибывало. Весна набиралась сил, становилась полновластной хозяйкой в ущелье, в селах, в каждом доме, заставляя забыть или отодвинуть в закуток на потом все хлопоты-тревоги людей, не связанные с ее, Царицы, делами и заботами. Начали забываться и вол-

нения и пересуды в связи с замужеством Шахарзан. Еще бы – до того ли сейчас людям, обремененным куда более важными делами и тревогами! Вон какая теплынь настала – пора и о пахоте, и севе позаботиться, на кошах идет окот – дел невпроворот, а тут, как назло, сено дома кончается, а корову-то еще не пустишь пастись – трава только-только прорастает, овцам и то лишь чуть-чуть полакомиться удастся. Одна только надежда на солнце и туман – чтоб солнце поярче светило, да туман чтоб в ущелье не часто пробирался. Тогда весна будет дружной и скорой.

А с тех пор как прояснилось, стоят такие ночи – коль выйдешь во двор и домой заходить не хочется: в бархате неба, таинственно перемигиваясь, беседуют звезды меж собой; луна, еще полностью не оправившаяся после очередной трапезы эмегенов¹, с опаской выглядывает из-за Гюльчи-горы. Наверное, обидно Матушке-Природе, что она на протяжении стольких веков оберегала, ласкала, кормила и поила этих людей – вспомнить хотя бы ураганные нашествия гуннов и монголов! – а они не могут хоть одну ночь все вместе выйти на Зына-долину и устроить праздник в ее честь! Хоть бы один из них крикнул среди ночи: «Эй-гей, аланы! Встаньте – посмотрите, какая кругом краса! Это же наша родная Матушка-Земля! У кого еще есть такое сокровище!» Ан нет – не находится сегодня среди аланов такой человек. Рассердиться бы Матушке-Природе на неблагодарных людей, перемешать бы все эти хрустальные горы и изумрудные долины, да не решается она на это – видно, чует ее материнское сердце, что аланам и сегодня не легче, чем в те далекие страшные годы, когда она укрывала их на своей груди от кровожадных ворогов. Чуткое материнское сердце знает – хотя и нет войны и огня, но и сегодня у горцев забот и тревог не поубавилось... И горы, и звезды, и луна, и небо, кажется, понимают ее, Мать-Природу, они, как и всегда, собрались вокруг аланских жилищ и молча, любовно охраняют их покой. Только одна Черек-река не может с этим примириться – возмущенная, шумит, гремит на все ущелье, стараясь разбудить, поднять этих людей и сказать им прямо в лицо: «Да очнитесь же, вы, аланы, оглянитесь вокруг, посмотрите хоть разок на красоту, что вас окружает, и возблагодарите Мать-Природу!» Но не может река разбудить уставших людей, не в ее, видимо, силах...

В одну из таких ночей, когда в доме давно уже все уснули, Саният, накинув на плечи каптал², вышла во двор. Долго стояла, прислушиваясь к шуму Черек-реки, и тихонько пошла за калитку. Бесшумно пробралась по знакомому тесному переулку к берегу реки и стала у обрыва. Оттуда, снизу, доносился мощный эжиу³ реки, словно там, на берегу, у самой воды, собрался хор и, начав эжиу, ждет громкоголосого певца, что должен начать какую-то трагическую песню-плач. Этот эжиу увлекал, манил к себе...

И в этот момент Саният с ужасом почувствовала, что какое-то существо касается ее ног – она отскочила в сторону, даже не вскрикнув:

¹ В балкарской мифологии и сказках часто упоминается о том, что чудовища-эмегены пожирают Луну.

² Каптал – вид верхней одежды, легкое пальто.

³ Эжиу – хоровое сопровождение во время исполнения песни.

от страха у нее отнялся дар речи. Это был Каракёз, их же, Токлуевых, собака. Каракёз сидел там, откуда отскочила Саният, и жалобно скулил, он как бы просил прощения – прости, мол, ради Аллаха, откуда было мне знать, что ты так перепугаешься?

– Каракёз, мой хан, откуда ты взялся? – сказала Саният, придя в себя.

Собака, по голосу догадавшись, что не получит взбучку, подошла к Саният. Девушка присела, обняла, приласкала собаку. А Каракёз, не зная, что и делать от радости, то старается лизнуть ее в лицо, то, вскочив, делает два-три шага в сторону села, как бы говоря: «Чего стоишь? Пойдем домой, здесь с холоду и околеть можно!» – и призывно скулит. Доброта Каракёза, его забота о ней растрогали Саният – она, еле сдерживаясь, чтобы не разреветься, обняла и поцеловала собаку. Потом еще постояла, прислушиваясь к шуму реки, любуясь призрачными видами гор, звездами, луной и, словно что-то твердо решив, сказала собаке:

– Идем, мой хан, идем. Пойдем домой!

Что-что, но значение слова «домой» Каракёз знал прекрасно, а потому, наострив уши назад, – смотри, мол, не обмани! – не спеша пустился по тропинке в сторону села. А если, задумавшись о чем-то своем, собачьем, Каракёз уходил слишком уж далеко вперед, он садился и ждал Саният. Так они вскоре и дошли до дому. С тех пор как Саният вышла из дому, прошло-то, наверное, не больше часу, но этот час показался ей вечностью. Вот почему она так удивилась, когда увидела, что все в доме – и келин¹, и мать, и дети – спокойно спят, как ни в чем не бывало.

¹ К е л и н – невестка.

АРАБЕСКИ И ИСТОРИИ

Сибирский водопроводчик

Тем, что я не стал нелегалом и не выкрал для сограждан секреты экономического чуда, родная страна обязана простому водопроводчику из города Ангарска Иркутской области. Имя его осталось неизвестным даже для богини Клио. Но об одном подвиге простого рабочего человека известно доподлинно.

В том сибирском городе я ходил в школу. В четвертом классе, как, впрочем, и каждый год, мы собирали металлолом. Устраивались такие акции обычно ранней осенью и поздней весной. В иную пору школьного года потребовалось бы несметное количество металлоискателей, чтобы отыскать железо под толстым слоем снега.

После уроков пионеры и старшеклассники разбредались по всем окрестностям в поисках металлолома – бесхозных кусков промышленного железа, поржавевших труб, прохудившихся отопительных батарей, выброшенных деталей автомобилей, чайников без носика, сломанных швейных машинок и прочей ненужной металлической утвари. Все это сносилось во двор школы, где старшая пионервожатая на глаз оценивала вклад каждого отряда или одинокого старателя и заносила его в специальную тетрадку. И только после этого давала «добро» на пополнение общей кучи. Были даже установлены какие-то нормы. Насколько сейчас помню, каждому полагалось сдать двадцать килограммов металлолома. Перевыполнившие норму премировались походом вне очереди на городской утренник во Дворец культуры или чем-нибудь подобным. И хоть я не был страстным поклонником детского художественного творчества, и походам в ДК уже в те акварельные годы предпочитал чтение Мопассана или карточные игры, тем не менее всегда с удовольствием собирал металлолом. Это была такая коллективная игра на свежем воздухе.

В тот памятный день я предложил своей команде собирать металлолом в 58-ом квартале. Мы прежде в нем жили. Там находилось Техническое училище, и поблизости от него всегда можно было отыскать приличное количество различных железяк. Но в тот день мы ничего не нашли во дворе училища. Сейчас-то мне понятно, что учащиеся техучилища, как и школьники, тоже привлекались для сбора металлолома, и такие акции проводились одновременно во всех образовательных заведениях города. Но тогда был очень расстроен неудачным поиском. И можете представить мою радость, когда увидел несколько длинных труб, лежавших возле углового дома.

Мы дружно подхватили эти трубы и потащили их вдоль по улице в сторону 75-го квартала, где находилась наша 10-я средняя школа имени главного пролетарского писателя Максима Горького. По пути мы

прикидывали, хватит ли этих труб, чтобы покрыть норму, или придется снова идти в разведку, и куда в таком случае стоит отправиться. Тут-то неожиданно перед нами и возник упомянутый водопроводчик. Как я теперь понимаю, именно его трубы, приготовленные для некоего важного ремонта или приобретенные по случаю впрок, и переносимые им по одной в подвал, где обычно обитают все водопроводчики, мы захватили в качестве трофея в битве за металлолом. Тогда же я увидел перед собой только маленького, не очень чистого и не очень трезвого, но очень злого человечка. И совсем не мог понять, каким образом он участвует в сборе металлолома. Этот человечек пытался выхватить у меня из рук трубу, обзывая гаденышем и засранцем, а я изо всех сил пытался удержать ее в руках. Мои же товарищи уже побросали свои трубы и с любопытством наблюдали за нашим противоборством. Силы, конечно, были не равны. И вскоре незнакомец выхватил мою добычу из рук с таким усердием, что край трубы по инерции задел меня по голове. Можете себе представить десятилетнего мальчика в светлом плаще, в шарфе, один конец которого переброшен через плечо, и в кепке-«лондонке», которого бьют по голове пятиметровой железной трубой? Так вот, это буду я весной того года.

Синяк под глазом у меня рос с такой скоростью, что водопроводчик дальнейшему выяснению отношений предпочел молча ретироваться с отбитыми трубами восвояси. Настроившиеся на длительную переноску тяжестей, мои одноклассники, у которых теперь оказались свободными руки, вместо труб подхватили меня и потащили в наш родной 106-й квартал. Я же, слегка оглушенный быстрой сменой впечатлений, не мог в полной мере оценить, как изменяется привычная дорога из 58-го в 106-й квартал, если смотреть на все происходящее вполсилы, то есть одним глазом.

Дома, после всех обычных в таких случаях причитаний и всяческих выражений сомнения в умственных способностях пострадавшего, было решено срочно командировать меня с дедом в госпиталь. Мои дед и мать работали в военно-строительных организациях, и потому все семейство было приписано к военному госпиталю. Военврач третьего ранга, промыв рану и положив мазь, сказал, что после того, как спадет опухоль, необходимо будет пройти курс лечения и только после этого станет ясно, насколько серьезно удар трубой по голове отразится на зрении. Домой я возвращался, как космонавт, в шлемофоне из бинтов и ваты.

Видимо, это был хороший военный госпиталь и хороший военврач, потому что после лечения в нем все следующее десятилетие мне больше не представлялось случая задуматься о собственном зрении. Вопрос о диоптриях правого глаза снова возник опять-таки в военном госпитале, но уже совершенно другого города. В том южном городе я служил в ведомстве генерал-полковника А., и мне открывался прямой путь в рыцари щита и меча. Контора рекомендовала меня для зачисления в закрытый институт без экзаменов, но для этого надо было пройти специальную медицинскую комиссию. Однако при обследовании выяснилось, что мое зрение не удовлетворяет предъявляемым требованиям. «Не было ли у вас в детстве травмы глаза?» – спросил майор-окулист. «Нет, ничего не

было!» – механически ответил я, и только через несколько дней вспомнил про сибирского водопроводчика.

«Не расстраивайся ты, – говорил мой командир полковник Зубилин, – в конце концов, не всем же в первом главке служить. Надо кому-то и нашу работу выполнять!»

«Может, это и к лучшему, – вторил ему мой друг майор Навалишин. – У меня, знаешь, сколько однокурсников в тюремных ямах по Азии сидит?»

Мне было хорошо все эти годы в компании грозы бандеровского подполья полковника Зубилина и будущего начальника нашего главка Навалишина, но я уже тогда начинал понимать, что все-таки мое призвание не распутывать чужие кружева, а самому плести их. Хотя бы только на бумаге. И после окончания положенного срока службы не стал подписывать новый контракт.

Младенец Павел

Паше всего-то лет пять, но он уже настоящая гроза пляжа. Разгуливает между лежащими на гальке отдыхающими и высматривает очередную жертву. На нем синие плавки и кепка из того разряда, в которых обычно щеголяют мужики, обитающие возле пивных ларьков.

Несмотря на свой юный возраст и обворожительную улыбку второстепенного персонажа киносборника «Ералаш», Паша представляет опасность для людей любого возраста. В силу своего воспитания, вернее, благодаря полному отсутствию оного, Паша не делит людей по возрасту и социальному положению. Для него они все равны, с каждым он готов вступить в контакт и что-нибудь с него срубить.

Подходит к сидящей с сигаретой в руке Флоре. «Куришь? Дай мне тоже». – «Что?» – «Ну, сигарету!» – «Тебе еще рано курить». – «Что, жалко?» – «Жалко». – «Ну, тогда дай очки». Пытается снять с нее солнцезащитные очки. Флора откупается от него конфеткой.

После Флоры Паша останавливает свой взгляд на мне. Паша не знает, в каком элитном подразделении я служил. Для него я – интеллигент с книжкой. А таких он презирает с грудного возраста. «Подражаться хочешь?» – «С кем?» – «Ну, со мной!» – «На чем?» – «Ну, на палках», – он протягивает мне выброшенную морем и высохшую на солнце кривую корягу. Себе берет другую. Мы начинаем фехтование на корягах, вернее, фехтовать, сидя на камне, пытаюсь я, а Паша старается меня побольше ударить по руке. После нескольких блестящих, на мой взгляд, обманных выпадов и нанесенных ему легких уколов, Паша норовит ударить меня уже не по руке, а по голове. Я уклоняюсь. Паша снова бросается на меня. Тут во мне просыпается бывший боец, и я останавливаю его молниеносным хлопком коряги по руке. Паше больно, но он не подает вида. «Ну, хватит, – говорит он и бросает свою «саблю» на песок. – Ничья!» – «Как это, ничья? – я показываю пальцем на Флору. – Она – моя! Понял?» – «Да, все нормально!» – «Не, ты, в натуре, понял меня?» – «Заметано», – гово-

рит он и направляется к воде. Паша уважает только силу. И впредь нас с Флорой будет обходить стороной.

Паша может спокойно подойти к оставленным на лежаке чужим вещам и покопаться в них. Особый интерес у него вызывают мобильники и CD-плееры. Паша любит современную песню и хочет, чтобы все остальные тоже поклонялись Диме Билану и Кате Лель. Еще он может, нисколько не смущаясь, вытащить из плавок свой крантик и начать поливать камни возле вас. Ему и в голову не приходит отойти на двадцать шагов к кустикам или посетить каменное сооружение на краю пляжа.

Родители смотрят на Пашины проделки сквозь пальцы. Они постоянно пьют пиво, закусывают его орешками или чипсами, и занимаются легким петтингом. Складывается такое впечатление, что Паша пьет пиво вместе с ними. А может быть, просто допивает оставленные ими банки. Но этого я не видел, врать не буду.

Паша подходит к бабушке мальчика Максима, из-за которого наш автобус простоял несколько часов на границе, и начинает тискать ее грудь. Приглашает присоединиться к этому увлекательному занятию и Максима – сисек, мол, у бабушки две, на всех хватит. Ошарашенная бабушка сидит с широко раскрытыми глазами. Дедушка Максима говорит Паше, что так поступать некрасиво. Паша его просто пинает: «Молчи, фидор».

Глядя на Пашины кунштюки, мне почему-то приходит на ум старый садистский анекдот. Рассказываю его своим друзьям, с которыми мы по очереди обороняемся от набегов малолетнего варвара. Бабушка тянет по лестнице за ногу маленького мальчика, его голова стучит по ступенькам. На стук открывается соседская дверь. «У вашего мальчика панамка может упасть с головы!» – «Не волнуйтесь, я ее прибила гвоздиком!» – отвечает бабушка.

Не успели мы отсмеяться над анекдотом и сопутствующей ему серии, как ситуация повторяется один к одному в реальности. Пашин папа решает все-таки оторвать свое чадо от бабушки Максима. Но Паша не собирается прекращать амурные шалости, упирается, дерется. Тогда отец берет его за ногу и тянет к своей подстилке. Голова Паши постукивает по камням. При этом кепка сидит на голове фундаментально, и вроде бы без гвоздей.

«Ты, что, действительно, видишь будущее?» – с тревогой смотрит на меня Флора. «Просто анекдоты всегда рождаются из жизни. Их потом литературно приглаживают!»

«Интересно, что из этого Паши выйдет?» – говорит Флора. «Станет депутатом Госдумы и будет нас, дураков, жизни учить!» – говорю я. «Таких деток надо убивать в детстве, все равно потом пацаны завалят», – говорит самый рассудительный из нас – доктор Фандор.

В поселке на горе расположен знаменитый монастырь. Обычно мы с Флорой ходим туда на вечернюю службу. В монастырском храме есть чудотворная икона Св. Пантелеймона, врачавателя душевных травм и физических недугов. К ней всегда очередь паломников. Я молюсь перед ней и ставлю свечу во здравие младенца Павла.

Ночная SMS-ка

Сидел на диване и читал на ночь Герцена, когда запиликал мобильный телефон, сообщая, что пришла новая SMS-ка. Не поленился, встал, подошел к столу и прочитал на экране мобильного: «Сладких тебе снов, сладкий мой».

Номер абонента был совершенно неизвестен. Сразу почему-то вспомнилась карменсита былых времен, имевшая обыкновение после амурного катарсиса вопрошать: «Тебе сладенько было?». В памяти завихрился рой чудесных воспоминаний. Однако через минуту пришла еще одна SMS-ка: «Извените, я ошиблась номером».

Вот, так всегда – помянат неожиданной радостью, покажут краешек чего-нибудь кружевного, а потом скажут, что это не тебе, ошиблись адресом, в смысле, эмейлом и пин-кодом. Сиди, мол, себе на диване, читай Герцена и болеей душой за судьбу России.

Связки грибов

На окне кухни висят связки белых грибов, сушатся на зиму. Белыми они назывались когда их собирали в горно-лесистой местности, а сейчас они выглядят темно-коричневыми с вкраплениями черного. Большое кухонное окно напоминает старинный китайский свиток с четкими колоннами спускающихся вниз иероглифов.

Если посмотреть сквозь эти иероглифы, то можно увидеть, как с ивы порывами ветра срываются желтые листья, как они хороводом летят на землю, как блестят темные от влаги голые ветви других деревьев, а вдали проступает драконова спина гор. Если смотреть в окно, не отрываясь, несколько минут, возникает ощущение, что находишься в Поднебесной времен династии Тан или Цинь. И пора ставить на огонь чайник с вином и готовить угощение. Скоро на нашу заставу приедут Ли Бо или Бо-Цзюйи с Юанем Девятым. И вы будете с ними долго бражничать и распевать песни, сверяя переводы по антологии академика В. Алексеева.

Проделки господина А.

Часто приходится наблюдать, как дьявол искушает молодые души.

Возвращаюсь вечером домой в «маршрутке». На очередной остановке набилось много народа, все сразу передают деньги за проезд. Водитель, в свою очередь, передает сдачу. Вот он передал сдачу с нескольких десятков, но в одном случае вместо положенных четырех рублей ошибся и дал пять рублей.

Мужики, оказавшиеся на регулировании денежных потоков, говорят между собой: «А здесь – пять рублей. Давай их симпатичной девушке передадим!» И протягивают той монетки. При этом по-доброму улы-

баются, совсем как Коровьев с Бегемотом. А той нет, чтобы взять свою сдачу, а рубль вернуть водителю, вместо этого она спокойно прячет монетки в карман. И еще улыбается: «Спасибо», то ли за то, что назвали симпатичной, то ли за то, что целковым наградили.

Вот так Господин А.¹ за 1 рубль совершил покупку юной души в городе Нальчике в один из осенних вечеров прошлого года. Если кто-то считает, что душу продают за миллионы или тысячи долларов, он ошибается. Просто миллионы появляются в результате многократной продажи души.

Для иллюстрации того, что будет с той девушкой через несколько лет, предлагаю другую картинку с нашей постоянно действующей выставки характеров и актеров.

Сажусь на остановке в полупустую «маршрутку». Пропускаю вперед даму средних лет с претензиями на интеллигентность. Она садится на пустующее сиденье в глубине салона, а я – на одно из передних мест, чтобы спокойно передать деньги водителю. Дама протягивает мне две свои монетки достоинством в один и пять рублей, я их тоже передаю водителю, а потом уже пересаживаюсь на свободное место возле двери, чтобы спокойно созерцать заоконные пейзажи и происшествия.

Через какое-то время водитель «маршрутки» протягивает в салон рубль: «Кому я сдачу должен?» Дама бросает на меня быстрый взгляд – я делаю вид, что в самом деле поглощен неземной красотой ландшафтов района Богданки. Тогда дама спокойно забирает рубль себе. Причем если в первом случае – когда передавала мне монетки, – она не вставала с места, заставив меня вытянуться буквой «Ш», то теперь не поленилась встать и сделать несколько шагов за добычей дня.

Суть проделок Господина А. в том, что, однажды поддавшись его искушению, ты на всю оставшуюся жизнь становишься адептом алчности и зависти.

Впрочем, не все так мрачно даже в наши тусклые осенние дни. Вот садятся в «маршрутку» двое еще сравнительно молодых мужчин в одинаковых кожаных куртках и шерстяных шапочках, натянутых чуть ли не по самые брови. Про таких в милицейских протоколах пишут – лица ярко выраженной неславянской национальности. С ними мальчишка – школьник, сын одного из мужчин. Он садится на первое сиденье, а мужчины устраиваются напротив меня, в конце салона. Один из них вынимает из кармана сто рублей и протягивает мальчишке: «Передай за троих!»

Когда мальчишка передает ему сдачу, мужчина сперва машинально хочет положить кучу бумажек и монеток в карман, а потом пересчитывает их и видит, что водитель ошибся. «Здесь больше, чем нужно. Скажи шоферу, что он ошибся», – мужчина протягивает мальчишке лишние деньги.

– Это Бог вам дал. Не стоит от них так легко отказываться, – вроде бы шутя, говорит кто-то из пассажиров.

– Бог дает нам пищу и работу! А деньги мы зарабатываем, – говорит мужчина.

¹ В лексиконе автора Господин А. – дьявол (Антихрист), Господин Б. – Создатель.

Когда в «маршрутку» входит женщина, которой уже некуда присесть, а мальчишка явно не намерен уступать ей место, тот же мужчина говорит ему:

– Что ты смотришь – уступи женщине место! А сам иди к нам, все поместимся.

На следующей остановке я выхожу из «маршрутки» в твердой уверенности, что Господин А. проник не во все двери и души обитателей нашего города. Но в то же время я знаю, что это весьма упорный господин – его гонят в дверь, а он лезет в окно. И поле битвы Господина А. и Господина Б. вечно. «А и Б сидели на трубе», – было первой фразой нашей детской считалки. Теперь-то я понимаю, что речь и тогда, и сейчас шла о нефтяной трубе. Просто тогда Господин А. поосторожнее себя вел.

Фиолетовая бабочка

Фиолетовая ночная бабочка прячется в вазе со сливами. Со сложенными крыльями она напоминает самолет-невидимку «Стеллс». Пока они летают только над Югославией. Но скоро начнут залетать и в наше воздушное пространство. Собака охотится на залетающих в распахнутое окно насекомых. Бабочку не замечает. Маленькая такса беспощадно преследует эскадрильи ночных жуков и мотыльков. Не собака, а мобильный комплекс ПВО. Милует она только очаровательных зеленокрылых существ, чьи повадки напоминают эльфов. Рядом на диване безмятежно раскинулась Флора. Так спят только памятники старой Европы. Чтобы такса не нарушала ее покой, приходится выключать ночник. В темноте можно читать про себя стихи. *Из дочерей Ликамба только старшую.* Директор классической гимназии переводил древних на язык родных осин. На манер Архилоха сказал, что предпочел бы младшую сестру. Будущая королева была польщена. Мемуаристы отмечают, что в поздние годы она часто говорила камеристкам об учителе. Благодаря ей он покоится в литературном пантеоне. Хотя умер на вокзале, что было не совсем комильфо. Смерть приемлема только в городе дождей. В Библиотеке есть целый стеллаж с книгами о встречах с Хароном в водах его лагуны. Рыжий камер-юнкер грозился отдать концы где-нибудь на Галерной или Среднем проспекте. Но угораздило в другом полушарии. Завещал похоронить себя по пути на острова Бурано и Мурано. Все-таки был любимцем королевы. Теперь покоится в евангелистской части тамошнего кладбища. В чашу, стоящую на его могиле, посетители складывают авторучки, деньги, камешки и записки. Просят выступить посредником при общении с Господином Б. Верят, что в другой жизни он столь же беспристрастен, как был в этой в своих произведениях. Но нам-то известно, что он замолвит словечко только за тех, которые хорошо писали. Не зря же при жизни часто повторял, что главное для литературы стилистика и эстетика, а вовсе не нравственность. Это была его вера. Но она не стала нашей, несмотря на все прилагавшиеся усилия, литературные изыски и аллюзии. Все-таки мы слишком долго прожили в России. И родила нас русская мать. Русская бабушка клала в школьный ранец вместе с пирожком антоновское яблоко.

А папа нашего друга придумал лучшую в мире систему ПВО. И мы до сих пор не боимся самолетов Альянса над своей головой. Электричество в комнатах выключаем не для светомаскировки. А для спокойного сна любимых. И чтобы не залетали ночные насекомые.

Улыбка Кору

Проезжая мимо музея, он случайно увидел на его ступеньках Кору на пару с каким-то лысоватым мужиком в джинсах и майке. Она при этом улыбалась своей фирменной улыбкой. Той самой улыбкой Джоконды, которую он всегда считал предназначенной только для себя.

Он не стал кричать водителю такси, чтобы немедленно остановил машину, не выскочил на площадь, не бросился к ее кавалеру и не стал хватать его за грудки, даже если бы тот стал кричать, что он всего лишь двоюродный брат Кору.

Он внезапно вспомнил, что прошло ровно десять лет, как они с ней расстались.

Кора была в светлой юбке и белой кофточке, ярко покрашенная, оживленная – ожившая гравюра Хокуся. Он любовался ею.

Ответ матери

Вечером, как обычно, он позвонил матери, спросил, чем занимается. «Читаю твою книжку», – ответила она.

И в этот момент его жизнь показалась ему не такой уж ничемной, как обычно.

ЧЕЛОВЕК И СОБАКА

Ужин

Случилось мне как-то ужинать дома в одиночестве. Поскольку это было непривычно, я чувствовал себя неуютно и позвал с собой собаку на кухню, польстив ей, что она лучший в мире ассистент трапезника.

Но Брунгильда не поддавалась на лесть, только махнула дружелюбно хвостом. А сама продолжала лежать на подиуме в прихожей в ожидании Флоры и других обитателей нашей большой квартиры.

Когда я уже завершал ужин – в тарелке оставалось только два кусочка мяса, правда, был еще не тронут десерт, – собака все же пришла на кухню. Я нарезал один из кусочков мяса на маленькие дольки и положил в ее миску.

Брунгильда с укоризной посмотрела на меня, и даже не подошла к своей миске.

«Прости, Брунечка, я долго находился среди людей и уже забыл, что бывает бескорыстная дружба», – сказал я.

Бруня подошла к столу, лизнула меня в ногу, потом вздохнула и легла рядом, положив голову на мои тапочки.

Малыш

Мы с Брунгильдой проходили через сквер, где на скамейках восседали молодые мамы с детьми. Собака шла на коротком поводке во избежание ненужных эксцессов при встрече с недобрыми людьми.

Неожиданно к Брунгильде бросился курчавый малыш с блестящими черными глазами. Собака остановилась и с интересом стала ожидать его приближения. Ей всегда любопытны живые существа и предметы сопоставимого с ней размера.

Мать малыша всполошилась:

– Ой! А она его не покусает?

– Не волнуйтесь: собака никогда не обидит ребенка, – сказал я.

– Ну, тогда подойди – погладь собачку, – сказала мать ребенка.

Но он не пошел к собаке, а повернул совершенно в другую сторону – к цветочной клумбе. Там малыш сорвал маленькую розовую астру. Не говоря ни слова, он подошел к собаке и протянул ей цветок.

Брунгильда осторожно приняла дар и с астрой в зубах изобразила нечто вроде книксена.

– Этот мальчик покорит не одно женское сердце, – сказал я его маме.

– Я это уже чувствую каждый день, – почему-то вздохнула она.

А мальчик сказал: «Всем салам!», и побежал играть с другими детьми.

Клуб поклонников

С годами образовался клуб поклонников Брунгильды. Его костяк составляют дети из окрестных домов. Стоит им увидеть вышедшую на прогулку собаку, как они бросаются к ней, играют, обнимаются, всячески тетешкают ее. А Брунгильда от восторга бегаёт вокруг них кругами так, что ее длинные уши мелькают в воздухе как пропеллер. В такие минуты трудно бывает удержать ее на поводке.

Дети спорят, кого из них больше любит Брунгильда. У них есть даже количественный критерий собачьей любви – кого большее число раз опутал поводок Бруни, того, по их мнению, она любит больше. Один мальчик утверждает, что однажды Брунин поводок обвил его целых пять раз. На него смотрят с уважением.

Люди легко и непринужденно вступают в клуб поклонников Брунгильды. Едет по улице, к примеру, мальчик на велосипеде и видит милую черную таксу, скачущую по зеленому газону.

– Дяденька, какая красивая у вас собачка! – кричит мальчик, чуть ли не выворачиваясь назад всем телом.

– Мерси, мальчик! Но смотри внимательнее на дорогу: здесь весьма оживленное движение, – говорим мы и мысленно заносим его в списки поклонников Брунгильды.

А вот идут интеллигентного вида дедушка с внуком. Внук лижет мороженое на палочке. Остановившись возле нас с собакой, дедушка спрашивает:

- Можно подойти поближе к вашей собаке?
- Сделайте одолжение. Она будет только рада!
- А если угостить ее мороженым?
- Я думаю, она не откажется.

И вот уже дедушка с внуком внесены в виртуальные списки нашего клуба.

Старая горянка долго следит за режвющейся на траве собакой. Мне уже начинает казаться, что сейчас последует обычная в таких случаях тирада насчет того, что здесь, мол, дети гуляют и люди отдыхают, а некоторые собак выгуливают. Но бабушка говорит совсем иное:

– Какая это все-таки красота! Знаете, она мне почему-то напомнила пианино, которое к нам в клуб привезли сразу после войны. Наверное, потому что такая же черная и блестящая!

И бабушка тоже попадает в наш клуб.

Однако наиболее преданными поклонниками Брунгильды являются братья Диоскуры. Когда Бруня была еще совсем юной и они только познакомились, старшему Диоскуру было лет семь, а младшему – пять. Братья всегда вместе спешат куда-нибудь через наш двор – или в магазин за продуктами, или в школу, или в Интернет-салон.

Но куда бы ни шли Диоскуры, они всегда найдут минутку, чтобы оказать Бруне знаки внимания, поиграть с ней, погладить ее по голове или почесать ей животик. Собака обожает Диоскуров, и когда слышит их обычное: «Бруня, привет!», теряет от восторга голову.

Когда мы с Бруней, возвращаясь с вечерней прогулки, проходим через их двор, братьям Диоскурам ничего не стоит покинуть импровизированное футбольное поле, чтобы поприветствовать собачку. А когда соперники в отсутствие вратаря и нападающего забивают их команде гол, братья Диоскуры на один голос кричат, что его нельзя засчитывать, потому что они отходили только на минутку «посаламкаться с Бруней».

Когда мы с Бруней выходим на прогулку, а во дворе и в переулке не оказывается никого из знакомых, собака начинает громко лаять. Ей кажется несправедливым такое устройство мира, когда никто не обращает на нее внимания и не говорит вслух, какая это красивая и смышленная такса. И мне стоит немалых трудов успокоить ее.

Кот Чудаковых

С утра приходил кот Чудаковых. Скребся в дверь, требовал пустить его жить к Брунгильде. Я собственно был не против, но другие обитатели квартиры не желали видеть в ней кота. Когда-то живший у них кот

заразил стригущим лишаем их любимую собаку, и она сдохла. Теперь они опасаются всех котов. Особенно кота Чудаковых.

Это существо абрикосового цвета, в годах, с плотоядным взглядом и манерами районного бонвивана. С некоторых пор он стал проявлять повышенный интерес к Брунечке. При встречах на лестнице они обнюхиваются и чуть ли не лижутя. «Ей не хватает компании», – комментирует ситуацию Флора.

Она рассказывает, что кот увязался за ними на утреннюю прогулку, прошел вместе с собакой весь обычный маршрут и даже гонял кошек, чтобы они не мешали гулять нашей таксе. А когда Брунгильда зашла в квартиру, остался под дверью и нахальными криками требовал впустить и его.

У Чудаковых – в квартире на первом этаже, где постоянно пьют и дерутся, – кот жить не хочет. Но из подъезда уходить не желает, привык здесь жить, подлец. И сейчас подыскивает себе подходящее жильё.

Поскольку его не пускали к Брунгильде, он наладился было посещать соседей со второго этажа. Их огромного роста – с теленка! – старая боксерша Лика хотя и выглядит устрашающе, характер имеет мягкий и покладистый.

Кот Чудаковых некоторое время квартировал у соседей со второго этажа. Он согнал Лику с ее подстилки, питался из ее миски и даже гонял ее за сигаретами и пивом в ближайший ларек. Но что-то у них не заладилось на семейном фронте. И теперь он обхаживает Брунечку.

Он даже делает вид, злодей, что готов жениться на нашей таксе. А Брунгильда, как всякая девушка, желает личного счастья и, видать, верит подлецу. Она даже закрывает глаза на его инородность и готова пойти на мезальянс.

Кот, судя по всему, характер имеет неуживчивый и склочный, раз в двух квартирах не прижился, может быть, даже пьет по-черному. И я понемногу начинаю солидаризироваться с большинством, что ему нечего делать в нашей квартире. А что касается Бруни, то, конечно же, она со временем найдет себе более достойную партию.

Поэтому когда следующим утром кот опять стал стучаться в дверь, я вышел и сказал ему, что Брунгильда сегодня гулять не выйдет. Лгал с верой, что делаю благое дело. Хотя и знал, что врать – не хорошо.

Волна любви

Я уже подходил к дому, когда увидел, что по другой стороне улицы в палисаднике между деревьев Флора прогуливает Брунгильду.

Бруня скакала по траве, как маленькая морская волна – блестящая, ускользающая, игривая. Издали могло даже показаться, что на поводке бегают не собачка, а какое-то небольшое животное – горностаи или ласка.

Но вот волна вздыбилась и замерла – такса учуяла меня.

Теперь уже невозможно было незаметно пройти к подъезду, чтобы

не помешать собачьей выгулке. Пришлось переходить улицу и приветствовать дорогое хвостатое существо.

И тут морская волна окатила меня с ног до головы. Сперва она поднялась по ноге, потом, подхваченная руками, пробежала по телу, прижалась к груди и обдала шею и лицо горячим дыханием неизбежной собачьей любви и преданности.

Вороны

Никак не складываются у нашей таксы добрососедские отношения с воронами. Когда Брунгильда была маленькая, часто на прогулке к нам слетались вороны. Они кружились над ней и орали своими картавыми голосами. Видимо, принимали таксу за выпавшего из гнезда вороненка. Брунечке очень не нравились птичьи хороводы над ней. Она просилась на руки и прятала голову мне подмышку.

Вообще ко всем пернатым Бруня относится так, как и подобает нормальной псине: увидит перед собой на траве или на тропинке, непременно погонится, поднимет в воздух – чтобы знали, что здесь охотничьи собачки гуляют и не очень-то себе позволяли. Но стоит ей заметить ворону, останавливается, приглядывается, словно ожидает какой-нибудь каверзы. Или начинает без остановки лаять. А та, знай себе, сидит на ветке и косит глазом на нашу заливайку.

«Брунечка, не надо бояться ворон. Это, ведь, древние, мудрые птицы. Некоторые из них, возможно, видели Пушкина, Лермонтова или Грибоедова», – говорю я ей.

Брунгильда прекращает лаять. Но смотрит на меня подозрительно: мол, эти каркающие существа и Пушкин? – ты, брат, говорить-то говори, да не заговаривайся.

«А вот и нет! Представь, что вороны живут триста лет. А Пушкин, будет тебе известно, проезжал по Военно-Грузинской дороге, ночевал в Екатериноградской – это каких-нибудь сто верст от нашего дома. Лермонтов в Чечню отправлялся из Прохладного, могу прочесть отрывок из записок его современника. А Грибоедов так вообще приезжал к нам в город, тогда еще крепость, и останавливался в доме коменданта. Это напротив, через дорогу, за детским парком. Так что, видишь, я тебя не обманываю», – говорю я собаке.

Не знаю, что из моей тирады понимает Брунгильда, но больше она не лаяла на ворон в протяжении всей нашей прогулки.

Мы часто рассуждаем с Флорой на тему, сколько и чего понимают собаки. Флора говорит, что Брунечка понимает все слова, так или иначе связанные с известными ей предметами. Разговоры о Пушкине и других русских писателях постоянно ведутся в нашем доме, их имена означают не только великие тени, но и вполне определенные книги на полках. Поэтому Бруня могла составить вполне конкретное представление о связи ворон с высшими представителями русской литературы. Впрочем, мне

иногда кажется, что она понимает гораздо больше, чем мы ей позволяем в наших предположениях.

А что же касается ворон, то не только собаки, но и многие люди не любят этих величественных птиц. Называют их вестниками смерти, стервятниками, кладбищенскими соловьями. А на самом деле, как мне кажется, где-то на интуитивном уровне просто не могут простить им, что те живут в несколько раз дольше человека. Что же требовать от собаки, чей век в семь раз короче человеческого и в двадцать раз меньше вороньего?

Крекер

Заболела мать, и мне пришлось больше недели жить у нее, ухаживать за больной, бегать за лекарствами, привозить докторов, заниматься непривычной домашней работой. По вечерам, разговаривая по телефону с Флорой, я постоянно интересовался, как там Брунгильда.

«Скучает. По вечерам ждет тебя в прихожей. Все время лежит на коврик у двери, мне приходится уговаривать ее идти спать в комнату», – говорила Флора.

А однажды поведала, что Бруня стащила с кухонного стола упаковку с шоколадными крекерами. Что-то съела сама, но большинство печений распихала по своим тайничкам. Убирая квартиру, Флора нашла несколько ее заначек.

Это печенье мы начинали кушать еще до моего отъезда к матери. Бруне оно очень понравилось. И она мне даже лизнула руку, когда я давал ей дольку крекера после еды в качестве десерта.

Когда матери стало легче и надобность во мне, как в медицинской сиделке, отпала, я вернулся домой. Еще на лестнице услышал радостный собачий скулеж. Когда открыл дверь, Брунечка сперва исполнила нечто вроде чечетки, потом встала на задние лапы и бросилась ко мне целоваться. Натетешкавшись, собака принесла мне тряпку, которой обычно вытираем ей лапы после прогулки. Я сделал вид, что протираю тряпкой свои туфли. После настала очередь домашних тапочек. Когда я поблагодарил ее за принесенные тапочки, Брунгильда как-то странно посмотрела на меня и, виляя хвостом, направилась в сторону ванной комнаты. «Перенервничала, бедная. Не стоит сегодня ругать ее за лужу», – подумал было я.

Но Бруня и не собиралась делать лужу. Из ванной она вышла, зажав что-то в зубах. Подошла ко мне и положила свою ношу на пол передо мною. Это был шоколадный крекер! Из той самой упаковки, что она украла со стола. Совершенно нетронутый, но весь в паутине и грязных крошках, поскольку хранился в каком-то, видимо, очень уж замаскированном тайничке.

Собака смотрела на меня с любовью и ритмично стучала по полу хвостом. Я присел на корточки, прижал ее к своей груди и поцеловал в лоб. По-видимому, в этот момент я прослезился, потому что очень трудно сдерживать эмоции, когда получаешь такой дорогой подарок.

Бродяжка

С Бродяжкой мы познакомились, когда проходили коммунальные дворы на дальних подступах к нашему дому. Она копалась в помойке возле гаражей.

Брунгильде близко приближаться к помойкам запрещено. Она это хорошо знает, но на всякий случай каждый раз вблизи мусорки натягивает поводок и показывает мне мордой: может, мол, зайдем, пороемся. Как и всякой собаке, помойка представляется ей чем-то вроде потерянного рая, если переводить на наши понятия. И когда она увидела, что в ней копаются некое существо, когда-то бывшее человеком женского пола, Бруня не смогла сдержать свои чувства. Она залаяла от восторга: живут же люди!

Бродяжка отшатнулась от железного бака.

– Ой, я испугалась: смотрю, что-то зелененькое пробегает! А это – ваша собачка! Дай ей, Бог, здоровичка! – сказала Бродяжка.

– И вам того же! – совершенно искренно ответил я, потому что здоровье – первое, что необходимо человеку, которому при виде черной таксы мерещится то ли зеленый крокодил, то ли зеленый чертик.

После этого встречая Бродяжку, мы с ней всегда раскланивались, если, конечно, она была еще не сильно подшофе и могла различать предметы и лица.

Однажды мы повстречали ее возле все той же известной помойки. На этот раз она набивала свою котомку внешне вполне приличными продуктами. За день до этого в одном из дворов праздновали пышную свадьбу, и все не съеденные гостями закуски и горячие блюда перекочевали в мусорные баки к пущей радости окрестных котов и бродячих собак.

– Ой, здарсьте! – сказала нам с Бруней Бродяжка. – Я вас сейчас угощу!

Она порылась в своей котомке, и протянула мне нераспечатанную пластиковую упаковку красной рыбы.

– Это исключительно вкусная рыба. Деликатес! Угощайтесь!

– Большое спасибо. Но мы предпочитаем гречневую кашу и тушенку.

– А тушенки не было!

– Ну, вот, видите...

– Так ты рыбу бери. Я же бесплатно предлагаю!

– Спасибо вам. Мы, пожалуй, пойдём.

– Ну и дурак! Рыба для мозгов полезная, – крикнула нам вслед Бродяжка.

Мы ничего ей не ответили. А подумали вот о чем – почему-то дворники, бродяжки, носильщики на вокзале, почтальоны, грузчики на базаре или рубщики мяса относятся к людям и животным совершенно по-другому, чем, скажем, милиционеры, чиновники или водители автобусов. Если первые никогда не ударят собаку, а с человеком могут поделиться последним куском хлеба, то вторым важно всегда продемонстрировать иерархию власти и свое место в ней. А виляющая хвостом и лающаяся к

человеку собака всегда нарушает эту незримую иерархию, поэтому они ее гонят от себя подальше. А человека вообще могут сослать в Сибирь, если он недостаточно низко поклонится.

Благодарность собаке

Тебе иногда говорят, что ты слишком очеловечиваешь свою собаку. Приписываешь ей свои мысли и чувства. Слишком возносишь ее ум и благородство манер, беззаветную преданность тебе.

А ты вспоминаешь, как часто эта маленькая черная такса оказывалась единственным достойным собеседником за день. Сколько веселья, ласки и доброты подарила она тебе за время вашего знакомства. Как часто по утрам, придя с улицы, холодная и промокшая, она ныряла к тебе под одеяло, и вместо того, чтобы быстрее свернуться клубком и согреться, вылизывала тебе ноги, снимая боль с суставов и коленей.

Ты рассказываешь про своего любимого писателя-анималиста, бывшего советского военнопленного, а в последствие нобелевского лауреата Кондрада Лоренца. Великого гуманиста, сказавшего, что в отношениях с людьми ему иногда удавалось любить кого-то больше, чем любили его, но в отношениях с преданной собакой – никогда. «Я всегда оказывался вторым», – говорил Лоренц.

Ты говоришь вслух, что можешь подписаться под этими словами. А про себя думаешь, что все твои устные рассказы и писания о Брунгильде – всего лишь жалкие попытки вернуть ей хотя бы часть той любви, которую она дарит тебе ежедневно.

Залина ШОМАХОВА

Ясноглазая

Рассказ

Я слепая, мои глаза совсем ничего не видят. С детства мечтаю увидеть дневной свет, но тьма сопровождает меня повсюду. Не моя вина, что я слепа, такой родилась. Говорят, что это из-за того, что мою беременную маму избил отец. Если он разозлился на нее, то в чем моя вина, за что расплачиваюсь я? Говорят, после того случая отца сковала страшная болезнь, и он долго не протянул.

– Так ему и надо, это из-за того, что он со своей женой, ребенком сделал, – говорили те, кого это даже и не касалось. Но они не знали, что я давно простила своего отца, и только за то, что он мне жизнь подарил.

Вы знаете, я вижу не глазами, а душой, и вижу, по-моему, иногда даже больше, чем иной зрячий человек. Их, зрячих, обманывает стоящая перед глазами оболочка, они могут не увидеть, пропустить самое главное, что лежит в душе у человека. Я справляюсь с любой домашней работой, я убираюсь в доме и во дворе, я даже побелила наш навес, ориентируясь, нюхая и трогая руками. Мама не любит когда я работаю, не хочет, чтобы мне было тяжело. Была бы ее воля, я сидела бы, сложив руки. Но как только она уходит на работу, я свободна. Помню, когда впервые что-то по дому сделала, мама, придя с работы, расплакалась, думала, что я этого не заметила, но я почувствовала.

– Мама, если бы я только могла и глаза мои видели, то я носила бы тебя на руках, как хрустальную вазу, как цветок.

Ни одну ночь я не ложусь, не надеясь, что рано утром проснусь со зрячими глазами, но мою надежду, мечту разрушает бесконечная тьма, которая не дает мне понять смысл дня и ночи. Бывает, время от времени, что мне надоедает жить и хочется просто умереть, но от этого меня спасает моя семья. Моя семья – это мама и брат. Все лучшее, что может быть в человеке, Аллах дал им. Мою маму зовут Диса, имя ее такое же мягкое, нежное, как и она сама, никто на земле не видел, чтобы она кого-либо обидела. О своем брате Анзоре я могу говорить до утра, он старше меня. В детстве, думая, что взлечу, я часто становилась над обрывком, а он ловил меня. Учил меня всему. Он вырезал из деревянной доски буквы и научил меня читать пальцами. Как же мне было нелегко, когда он, закончив школу, поехал в город учиться. Но потом я поняла, что ему нельзя быть вечно со мной и что у него есть своя личная жизнь. Но по ночам я считала дни до субботы. Сам Анзор обо мне никогда не забывал, в свободное от учебы время он подрабатывал и на эти деньги не раз покупал мне специальные книги. Меня раздражает, когда звонят девушки и спрашивают о нем, а я говорю, что они ошиблись номером и бросаю трубку. Не для таких вертихвосток предназначен мой брат. Он такой замечательный, и не такой разговорчивый, как я, он думает над каждым своим словом.

Если бы я только могла смотреть и видеть себя в зеркале, я сидела бы около него с утра до ночи, причесываясь, вертясь. Мое зеркало – это мои пальцы. Волосы, которые я отрачиваю с детства, длинные, мои тонкие брови с двумя острыми вершинками делают красивый изгиб, ресницы длиннющие и густые. Была бы художником, нарисовала бы свой портрет. Нос маленький, губы чувственные, люблю облегающую одежду.

Мои мысли перебил зазвонивший телефон.

– Слушаю.

– Ты меня всегда слушаешь, моя дорогая сестренка.

– Анзор, это ты?

– Да, как дела, у вас все хорошо?

– Да, но без тебя скучно.

– Не беспокойся, я еду.

– Когда?

– Сегодня, но точного времени не знаю.

– Мы ждем тебя, приготовим твои любимые лакомства.

– Хорошо, тогда давай.

– Давай.

Я быстро кладу трубку и выбегаю из дому, торопясь обрадовать мать – ведь она не видела своего сыночка вот уже два месяца.

– Мама, мама! – кричу я.

Она оставила соседку, с которой беседовала, и прибежала.

– Мама, Анзор приезжает, уже едет, он только что звонил.

– Как хорошо, как хорошо!

– Мама, давай быстро что-нибудь приготовим, я хочу встретить его на остановке.

Мама напевая песенку и не давая мне ничего делать, с удовольствием готовила. Когда еда была готова, я пошла к нашей соседке, моей подруге Марьяне. Она с детства была влюблена в брата, но Анзор относился к ней как к сестре, и не более.

Когда я предложила ей пойти встречать Анзора, она сразу согласилась.

– Но, – говорит, – как же я пойду в таком виде? – и целый час чем-то мазала себе лицо, потом и мне распустила волосы, сказав, что так красивее.

До автобусной остановки было далековато, и мы с Марьяной идем, держась за руки, спешим, а солнышко печет невыносимо. Подруга все время что-то говорит, но из двух слов я слышу только третье. Думаю: Анзор по телефону ничего не сказал, как у него дела, освоился ли он на новой работе?

Подожли к остановке, но оказалось, что слишком рано, теперь стоим и ждем.

– Добрый день! – слышу я.

– Добрый! – отвечает подруга.

– Что, красивые девушки, скучаете? Если нужно куда – я вас отвезу.

– Нет, спасибо, мы ждем, – опять отвечает Марьяна.

– Как у вас дела? – парень выходит из машины. – Давайте подождем его вместе, а я не дам вам скучать, меня зовут Алим.

Какой же он наглый! Марьяна уже успела наши имена сказать.

– А что – твоя подруга разговаривать не умеет?

– Без причины не разговариваю, – говорю я, немножко разозленная.

– Какая же ты дерзкая.

– В наше время по-другому нельзя.

– Что со временем?

– Люди думают только о своей выгоде, и тихони могут где-то погибнуть.

– И вправду тебе нельзя быть тихоней, иначе могут сразу украсть, каждый захочет сорвать такой цветок.

Я сразу покраснела и отошла, а тот парень еще немножко поговорил с Марьяной.

– Хорошо, не буду смущать красивых девушек, – сказал он и ушел.

Через день-два после этого случая, когда я пряталась от полуденного солнца в своей комнате, зазвенел телефон. Снимаю трубку.

– Добрый день! – слышу нежный и незнакомый голос.

– Добрый!

– Дана, это ты?

– Да, а ты кто?

– Наверное, ты меня давно позабыла, я Алим. Мы познакомились на автобусной остановке, ты была со своей подругой, помнишь?

– Да, я тебя не забыла, но откуда у тебя номер нашего телефона?

– Мне он нужен был, и я нашел – кто ищет, тот всегда найдет. Дана, я тебя не забыл. И больше всего я помню твои красивые волосы, лежавшие у тебя на плечах.

– Тогда я их отрежу и пришлю тебе.

– Не надо, волосы украшают тех, кому они принадлежат.

– Тогда тебе не видать ни моих волос, ни меня самой.

– Ты слишком уверенно говоришь. Нельзя быть такой категоричной.

– А мне можно, – говорю я и бросаю трубку.

Кто ты, парень, и чего тебе надо? Ты просто играешь или я действительно тебе понравилась? Ты, наверное, не знаешь, что я слепая. В моей голове теснятся разные мысли, но уловить хотя бы одну из них я не в состоянии. И еще – рано утром, уходя на работу, мама нашла у ворот большой букет роз.

– На, возьми и поставь их в воду, может, кто-то забыл, вернется – отдашь, – сказала она и ушла на работу.

Пытаясь поставить в воду букет, я его развернула и оттуда выпала какая-то бумажка. Надеюсь узнать, кому адресована записка и чьи это цветы, я позвала подругу.

В записке были такие слова: «Дана, как тебе эти цветы? Тебе понравился их запах? Я буду ухаживать за тобой, пока не стану для тебя таким же приятным и нежным, как и они, потом ты станешь моей женой. Я полюбил тебя с первого взгляда, и буду любить до самой смерти. Алим». Я вся покраснела, не зная, что и сказать, еще раз понюхала цветы и удивилась:

– Марьяна, они пахнут совсем иначе, чем другие цветы. Мне кажется, что таких красивых цветов на свете больше нет.

– А ты знаешь, что это за розы, Дана? – смеется подруга.

– И что же?

– «Запах любви!» Возможно, запах любви, которую ты питаешь к Алим.

– Какая там любовь? Неправда это!

Сделав вид, что я обиделась на нее, я прогнала подругу, а сама принялась жадно вдыхать запах любви. Какой же он сладкий и нежный! Если бы я только могла, я бы питалась одним этим цветочным запахом всю свою жизнь! Но, все мои мечты и надежды пусты – я не такая, как все девушки. Целый день я не поднимала трубку звеневшего телефона, я боялась услышать в трубке голос Алима и привязаться к нему еще больше. Мое сердце кричало, что надо довериться чувствам, но ум мой размышлял трезво и пытался как можно скорее оградить меня от Алима. Когда ум и сердце не в ладу, бывает, что человек между ними погибает. Просыпаясь утром, я думаю, что освободилась от всех дурных и нелепых мыслей, но не тут-то было. Мама опять занесла новый букет и спросила, от кого они, а я просто притворилась, что ничего не знаю. Позвала подругу, и она снова читает записку:

«Дана, ты забыла меня, если да, то подойди к цветам и вдохни глубоко. И когда их запах перемешаются с твоей кровью и жизнь твоя станет невыносимой без них, тогда ты полюбишь меня. А для меня ты всегда и прекрасней, и милее этих роз. Дана, я умоляю – не отвергай меня! Я понимаю – таких, как я, у тебя много, но дай мне шанс – прошу тебя, ответь на мой звонок!»

Теперь этот запах роз любви вошел в мое сердце, в мою кровь. Никогда не думала, что так скоро влюблюсь. Через некоторое время позвонил Алим, и я рассказала ему все о себе, в конце разговора он долго молчал, а потом положил трубку.

Я все поняла и даже не стала его ни в чем винить – кому же нужна слепая девушка?! Наверное, все бы так поступили, но мне-то от этого не легче... Аромат, который я вдыхала с удовольствием, теперь обжигает меня, сердце горит, не знаю, куда и бежать. Я неделю горела в этом страшном огне, а однажды вечером позвонил телефон, но, как только я подняла трубку, связь оборвалась. Мама задерживалась на работе, и я пошла ее встречать. Стоя у наших ворот, я вдруг почувствовала запах роз, но не обратила на это внимания, подумала, что показалось.

– Как дела, Дана, – сказал вдруг кто-то и взял меня за руку, затем вложил в нее букет – розы с запахом любви, самым замечательным запахом на свете.

Я не понимаю всего происходящего, стою, не шевелюсь и не дышу.

– Дана, – начинает Алим, – прости меня, я дурак. Я не знал всей правды, думал, что ты меня просто обманываешь, чтобы отвязаться. Теперь я все знаю. Я люблю тебя, и принимаю тебя такой, какая ты есть. Аллах человеку дает только одну жизнь, и эту жизнь он должен прожить так, как ему хочется. Я это понял, и теперь кто бы что ни говорил, пока я жив, буду тебя любить, и мы всегда будем вместе.

После мы встречались не раз, со временем мы привыкали друг к другу, и наша любовь крепла. Алим на каждое свидание приносил мне букет роз, теперь они всегда стояли в моей комнате. Если по какому-то поводу я огорчалась, подбегала к цветам – и мой мир расцветал и светился. Со своей любовью я забыла обо всем на свете, и даже о том, что я слепа. Алим стал для меня всем – и моими глазами, и моим светом, и

моим счастьем, и моей любовью. Со временем мама с братом обо всем узнали, но промолчали. Иногда мне казалось, что им меня жалко, и от этого становилось не по себе. Так шло время. И когда родные Алима стали спрашивать о его личной жизни, он рассказал им обо мне. Мать твердо заявила, что не впустит в дом такую невестку.

– Слепой невестки нам только не хватало! Чтобы соседи показывали на нас пальцами? Нет и нет! Пока я жива, не бывать этому!

Но мы продолжали встречаться, мы «видели» и «слышали» только нашу любовь. Однажды я шла к подруге, и – даже переходя через дорогу – была погружена в мысли о своей жизни, о любви... И вдруг слышу грохот машины, чей-то крик, и какая-то страшная сила сбивает меня с ног. Не понимая, где нахожусь, я долго бегала по какому-то бескрайнему полю, и вот вижу, ко мне спиной стоит мужчина. Он обернулся, это был мой отец! Я узнала своего отца, отца, которого я в жизни ни разу не видела.

– Папа, папочка, забери меня с собой, мне трудно с другими. Не могу больше, умоляю!

– Нет, нет! Тебе еще рано, не торопись. Так долго не продолжится, тебе будет легче и ты сможешь помочь еще очень многим людям, потерпи немножко, – говорит отец и сразу же исчезает, а я, испугавшись, просыпаюсь.

– Она дышит, дышит! – слышу я чей-то крик, и он выбегает, хлопая дверью.

Тотчас же кто-то подбегает ко мне, трогает мою руку.

– Ты нас слышишь?! – кричат они и бьют меня по лицу.

– Слышу, слышу, – два этих слова обрадовали всех в этой комнате...

Потом мама рассказала, что меня сбивала машина, и вот уже целый месяц я лежу здесь, в больнице, без сознания.

– Как месяц? По-моему, прошла всего лишь одна ночь. Потом вспоминаю слова отца и лежу в недоумении – чем же это может быть полезна людям слепая девушка. Утром пришла Марьяна, даже если я и не могла посмотреть ей в глаза, я поняла – что-то произошло. Когда я стала ее расспрашивать, она сказала:

– Неделию назад, тогда ты еще лежала в больнице, Алима женили. Он сам не хотел, его мать заставила, он говорил, что любит тебя и не хочет другую, а мать сказала, что тогда она покончит с собой... Что ему оставалось делать?

– На ком он женился?

– На соседской девушке.

Я держалась, пока Марьяна была в палате, потом долго плакала, пока не промокла вся постель, пока не кончились все слезы. Даже если бы я была зрячей, глаза мои ослепли бы от этих горьких слез...

Я похоронила свою первую любовь, но она осталась в сердце на всю жизнь. Я не думала, что смогу пережить этот страшный период в своей жизни. Часто, думая о своей жизни и судьбе, я просила у Аллаха за все, что я выстрадала, дать мне в награду смерть. Но потом, вспоминая слова своего отца, я старалась жить, и выжила.

Прошел год. Однажды ко мне пришла Марьяна, чем-то очень взволнованная, немножко постояла, но потом начала:

– Дана, у Алима сын родился.

– Так это же хорошо, в таких случаях радоваться надо, а ты, я слышу...

– Дана, он родился слепым, у него оба глаза не видят!

Я молчу, не в силах сказать ни слова.

– Дана, – говорит подруга и, плача, обнимает меня. Я поняла, что случилось еще что-то страшное. Марьяна, всхлипывая, продолжает: – Алим не выдержал такого удара судьбы – он повесился.

– Алим?

– Да!

Я теряю сознание... Наверное, лишь я одна на свете, которая хоронит одну и ту же любовь дважды. Многие могут сказать, какая, мол, разница – жив ли любимый, или нет, если он с другой женщиной, но если любимый человек живет и дышит, то и ты живешь, дыша, пусть и иллюзорными, но какими-то надеждами. А так – сплошь пустота...

Боясь, что меня неправильно поймут, я не была на похоронах, но спустя неделю пошла на кладбище и рассказала ему все о своей горькой жизни. После я еще не один раз приходила сюда, к единственному свету в моей темной жизни.

Прошло время, не зная и не подозревая, что со мной, я стала падать в обморок, меня возили к разным докторам, но со здоровьем было все в порядке. Потом взволнованные родственники отвели меня к гадалке, она сказала, что у меня божий дар и что теперь время его проявления. Она дала мне целебную воду и отпустила нас. Сначала я не поверила ее словам, но однажды утром меня разбудил яркий свет в глазах. Я ничего не поняла, но... я могла видеть, как любой здоровый человек. Две недели я наслаждалась красотой земного света. Какой же он замечательный.

Вскоре мне открылся смысл слов, сказанных моим отцом в том странном видении. Я умело находила и лечила болезни людей! Это был дар Аллаха, наверное, за те ранее прожитые черные дни и ночи. Многих больных из нашего и из других сел я вылечила, и за это люди прозвали меня Ясноглазой.

В один прекрасный день ко мне пришла женщина. Это была мать Алима, та женщина, которая разрушила свою жизнь, мою жизнь и жизнь своего сына. Было сразу ясно, что она пришла от безысходности. Когда встал вопрос о ее здоровье, она забыла обо всем на свете и пришла. Наверное, она сожалела, что пришла – кажется, она почувствовала, что мне неприятно ее общество. Да, я ненавидела ее. Но я выслушала ее и дала мою собственную целебную воду. Она ушла, не совсем, видимо, доверяя мне. Но и она поверила, когда вылечилась.

Почему я не должна была ей помочь? За свои грехи она сама должна расплачиваться, а не я. И уже расплачивается. Ничего на свете не проходит бесследно...

А их маленький мальчик! Как же я о нем до сих пор не вспомнила? Может быть, он вместо меня таким появился на этот свет. Он родился, и моя слепота исчезла, может, я смогу его вылечить? Да, я смогу, и приложу к этому все свои усилия. Может быть, даже ради этого Аллах одарил меня...

Перевел Б. Аланский

Али БАЙЗУЛЛА

ЧЕРНЫЕ РОЗЫ

Поэма

Пролог

О, да! Я забыт, забыт я за стеною
прекрасных синих гор;
так рыцарь древний, павший на турнире,
бывал забыт красавицей надменной.
Хранят молчанье древние хребты,
они древнее древнего преданья;
а дальше там, за их грядою,
вершины гордые сверкают белизной,
как зимнею порою облако-мираж
на яркой синеве небес –
над вечными и чистыми снегами.

Здесь, на склонах злачных,
небрежно щиплют травку
стада пушистые овечек
на склонах Эльбруса двуглавого,
что высится, искрясь снегами,
и пристально глядит
в мой печальный взор,
как будто знает он
картину грустную мятежных,
беспокойных чувств моей души.
Но древнее и белей вершин Эльбруса
вершина человеческих чувств:
ни злоба алчной личности,
ни ревность женщины
не очерняют вершину эту –
вершину мужества,
правды и любви...

О, светлый и прекрасный мир!
Порою жизнь жестока,
но мрачный день надежда украшает:
сегодня нет, но завтра
удача бойкая нас ждет,
и дни за днями чередой проходят;
но с оптимизмом я смотрю
на белые снега хребтов
и на валуны
вдоль голых, диких берегов
бурливых рек, рычащих леопардом.

Как прежде, ходят горцы на рассвете
в лес за дровами, когда Эльбрус еще не озарен,
держа за повод мохнатого осла,
но прежней гордости в помине даже нет.
Влачатся годы через хребты и через трупы
и сами, словно трупы, в прошлое уходят,
так и – привычки прежние людей.
Но нет покоя, пока бурлит или влачится век,
пока в могилу не сойдет всеядный человек.
Покоя нет – как нет и вечного добра,
покоя нет – как нет и счастья у меня.
Тревоги вечные, как гюрхожанский ветер,
волнуют мозг мой, бушуя и звеня.

Кому нужны печальные глаза?
Отдам я их без сожаленья.
Меня взрастило переселенье,
как злаки на полях гроза,
а закаляют дух опала и лишения.
На все причина есть.
Изменой девушка жестоко укорит,
придуманной изменой;
с ослепительной улыбкой
словечки сладкие губами шевелит,
но карий глаз под черной бровью
зоила в юбке выдает –
если б был пистолет на глазу вот этом,
застрелила б меня она тем пистолетом.

О, ветры горные!
Не вы ли по стране раздули
вражду пиитов – стихотворцев от ума?
Не вы ль, разбойничьи сыны,
по ущельям свист носили,
вдувая в мозг стихи, сводя с ума?
О, ветры гор! С пиитами вы схожи
характером настырным и дурным!
Вы, ветры, врываясь в мир людской,
клубите пыль и шелестите листьями дерев;
порою крыши срываете с домов,
мешая отдыху усталых матерей,
иль не даете печь топить,
вгоняя дым обратно в печные трубы;
и лишь зимой отрадою гудите в них –
мечтающим девицам и флегматикам иным –
за двойными окнами натопленных квартир;
и на рассвете сером лишь,
когда калитки начинают хлопать,
затихают ваши холодные струи...

Не так ли вы, надменные пииты,
шуршите виршами,
как молдаванский аманат,
и выпренные речи
клубите наглой клеветой
на редкие таланты ...

Века ползут, как улитки в гору,
но каждый век умнее предыдущих
и потому потомки дальние поймут,
где – солнце, а где – холодная луна,
и бриллианты наши
умом холодным отделят
от массы лживых слов
и позолоченных стишков.

...А я ору, ору беззвучно, глухо –
как рыба на берегу;
но чудится, уж чутким слухом
Земля прислушалась к моим словам.

1

Я давно хотел посмотреть на черные розы,
на черные розы, что растут в Хасанье.
Почему-то я думал, что лепестки этих роз
блестящие и черные, как черный бархат
летнего неба в накрапах серебряных звезд.
Я хотел их потрогать, эти черные розы,
только некогда было,
да и некому было мне их подарить!

2

Я встретил тебя
светлым, солнечным днем
и вспомнил эти Черные розы.

...Мы искали их вместе,
мы думали, что эти розы,
большие, как нарциссы,
и очень черные, как черный бархат,
и, как на бархате, с черными
и блестящими ворсинками.
Мы ходили в оранжерею
по курортному солнечному Долинску.
Нам сказали девчонки-балкарки:
«Ваши розы, ваши Черные розы
расцветают там – в Хасанье...»

И тебе, и мне было грустно
оттого, что нет
этих черных, прекрасных роз.
Ты сказала не только губами,
но и грустными глазами:
«Эти розы я увижу
на «Выставке Достижений...»

3

Я хотел подарить тебе их.
Я хотел, чтоб ты видела их
и губами к лепесткам их
дотронулась ты,
и чудесным ароматом
Черных роз дышала
в нашем горном краю
под южным небом.

4

На другой день я пошел в Хасанью
за розами,
за этими розами черными
я ходил:
я выпрашивал их,
предлагал деньги,
но мне их не дали
вдруг поглупевшие женщины;
и тогда я прыгнул через плетень.
Как пацан, перемахнул я
и был удивлен непомерно:
розы, розы –
только красные розы,
чуть темнее обыкновенных
розовых роз.
Я слышал, что в Персии есть
вот такие же темно-красные,
очень крупные розы...

Я искал черных-черных,
но чернее их не нашел.
Мне не дали собрать большой букет,
но собрал я маленький,
но очень красивый букет,
по-персидски – красных,
а по-нашему –
черных,
словно черный бархат, роз...

5

Думал – где-то в парке тебя найду;
думал – розы тебе подарю...

Я ходил по аллеям
заглядывал в лица девушек –
я искал тебя,
всюду искал,
и розы были в руках у меня –
и краснели в моих руках,
как кровь на белом-белом снегу.
Только почему-то я думал,
что эти розы
черны и блестящи,
как черный бархат.

6

Есть в доме у нас ковер,
красивый ковер:
жар-птицы на нем вытканы –
на черном бархате.
Когда-то я трогал этот ковер
и мечтал о Черных розах,
которые растут под Нальчиком –
в Долинске или в Хасанье.
Тогда я еще не знал, что в Москве живет
девушка по имени Надя;
не знал, что мы найдем друг друга.
Я всего лишь мечтал о розах
и никогда не искал их,
только мечтал...

7

Я унес эти Черные розы
в студенческое общежитие
и поставил в банку с водой.
И шутили студенты,
и просили студенты,
и хотели студенты,
чтоб только хорошей,
очень хорошей девчонке
я их подарил.

...Завтра суббота –
может, встречу тебя...

8

Летний день начинается знойно.
Растопил он асфальт улиц
дочерна,
дочерна.
И в руках у меня –
букет Черных роз:
он бережно завернут
в газету «Советская молодежь».
Лепестки еще свежи,
темно-красные лепестки;
они воздух озонят,
благоухая, как и вчера.
Я хочу показать их тебе,
чтобы ты знала – они не такие,
не такие черные, как думали мы.

Я хочу подарить тебе Черные розы.
Ведь поэт – садовод,
цвето... цвето... слововод.
Мои «розы» красивее Черных роз
и долговечнее их –
«черные розы», мои стихи!

9

Я в тот вечер
в другом уже городе был.
Наблюдал, как постепенно
тускнели горы,
и губами давил
и пробовал на вкус лепестки;
а закат над горами
был чистым и розовым,
как букет моих роз;
а ночью звезды выплыли,
большие и крупные,
как мысли мои о тебе.
На губах моих осталась
кровь твоих роз,
даже спросили друзья:
«Почему твои губы красны?
Наверно, покрашенная целовала!..»

10

Надо мной шевелятся крупные звезды.
Или, быть может,

я шевелюсь под звездами?
Мерно-мерно стучит на стыках вагон...
или я в твое далекое сердце стучусь?
Или ты обо мне позабыла и думать?
Ведь не знала же ты,
как тебя я искал;
как мне было грустно,
до боли грустно.
Мы немного так были с тобой,
немного, как первый снег и земля.

11

На московских улицах засверкает асфальт,
вымытый долгими,
как древние песни, дождями.
В твои окна
(Я забыл, на каком этаже.)
будут крупные капли стучать и стучать;
а осенней порой в открытую форточку
будет ветер влетать
и мягкие шторы качать.
Донесет к тебе южный ветер
запах черных роз
и, словно весенней моросью,
надушит твои волосы,
губы, ресницы, красивые руки
и загорелую шею твою
поцелует
ласковым шепотом –
вместо губ моих.
А зимой, когда в белом-белом пуху
будут ели,
вся Москва твоя вдруг
заблагоухает розами,
станет тепло на душе,
и будет солнце
так же жарко пылать в твоём сердце,
как пылало оно на пляже Долинска –
знай,
это – в сердце твоём поселился я!

12

Как большое человеческое чувство,
созревает в природе осень.
Травы скошены, в полях
разбросаны копны сена,

как модные «копны» девушек
в аллеях парка.
Все чаще солнца нет.
Оно уходит
за тяжелые,
гороподобные тучи,
и становится Земля
недоступной звездным мирам,
как таинственная, облачная Венера.

13

Я славлю осеннюю землю!
Мне нравится хмурой осени наряд
из пожелтевших листьев
и порыжевших трав.
Я люблю осенний дождь.
Он стучит в печально-плачущие окна
притихшего аула.

Люблю осенний дождь!
Он над лесом,
как сизый дым,
и день, и ночь клубится,
смывая летний зной и пыль
с поредевших листьев чинар и тополей.
Под музыку дождя часы,
как годы, длятся,
и сны осенние бывают чутки –
сквозь сон жужжит веретено
бессонной матери моей.

14

Люблю я осени притихший сельский вид.
Пустынна улица и вязка, как болото,
скамейки под заборами желты
от мокрых листьев,
и из конца в конец,
как шаловливый мальчик,
ветер прыгает
и на стены беленьких домов
плюет дождем, смывая известь.

15

Люблю смотреть на мокрых и дрожащих
под холодным дождем собак.

Они уже не лают.
Смотрят виновато на хозяина
и гостя в резиновых сапогах.
Мы топчемся в сенцах
над старой тряпкой.
И, с богом, в дом...

Хозяин и хозяйка рады.
Пышный стол накрыт:
либжá и бастá, бастуя на столе,
радуют мой взор.
Горами мясо, и айрановый тузлук,
боза ячменная в ковше идет по кругу
и заранее бодрит
от сырости усталый дух.
Хозяйка радостно стрекочет что-то
и дочь ее, смутясь немного,
мгновенно с ног до головы
снимет мерку с тебя
черными глазами
и, потупясь скромно,
комнату покинет...

И той начнется – танцы.
Придут девчата, парни.
И хлесткий исламей
взбесит мужские ноги,
и руки, как крылья коршуна,
над девушкой взлетят!

16

Люблю я скромный сельский пир
и танцы горцев до утра,
когда осмелевших девушек из круга
гармонь «лезгинкой» вырывает...

Эти девушки взрастили розы в Хасанье,
эти темно-красные розы,
и назвали их «Кабардинкой».
Я спустился с гор заоблачной страны,
чтоб увидеть тебя
с букетом этих Черных роз,
мною собранных роз!

17

Лепестки твоих роз
раскидал гюрхожанский ветер.

Милый ветер!
Родной мой ветер!
Он так любит свистеть по ущелью.
Из губ моих он вырывал лепестки
и уносил вверх –
на молибденовый пик.
И шахты наполнились благоуханием роз;
и в штреках шахтерам вольнее дышалось;
и грохотала руда в отдаленных отвалах,
пропахнув Черными розами...

Из руды той выплавится молибден,
и запахнет он розами.
Молибден тот станет сталью,
и запах роз твоих ударит в ноздри
потному, с медным лицом,
озаренным доменной печью
в ночную смену.

И будет та сталь корпусом Звездолета,
что унесет запах Черных роз
«к дальним звездам в небесную роздымь!..»

Приласкай на груди у себя
букет моих роз – мои стихи!

18

– Не все потеряно для нас! –
Старцы гордо заявляют. –
Глазами наших сыновей,
глазами наших внуков
увидим звездный мир,
чудесный и далекий мир,
нехоженный, прекрасный мир,
таинственный, зовущий мир!..

Если хочешь увидеть Черные розы,
смотри моими зеленоватыми глазами:
представь себе
плантацию Черных роз
на предгорьях кавказских гор –
в Хасанье.
Там – забор из плетня,
а за ним – женщины,
те, что не захотели меня понимать...
Я прыгаю через плетень.

Я удивлен!
Хоть пальцы в рот –
и свисти!
Тонкие деревца с черными... листьями,
безо всяких там
красных и черных роз.
Черные листья – словно осмоленные,
я даже потрогал пальцами их.
Я крался, шелестя черными листьями,
на территории в 80 га
и нашел эти Черные розы.

Э п и л о г

Он не знает печальный ропот дождей,
хотя знает, что дождь отвесный или косой.
Он знает, что голос есть у людей,
хотя и не слышал – ни свой, ни чужой.
Каждым нервом видят глухие,
только видят вещи немые.

Видят реку, видят людей;
ветер немой залетает в ворот;
чернея меж голых ветвей,
беззвучно клюв разрезает ворон...

Порой кулаком он размазывал слезы,
в горле комом взрывался стон.
Он чувствовал запах лебеды и мимозы,
но никогда не слышал голос свой он.
Годы шли. Проносились клочья облаков.
Дети безмолвно прыгали во дворе.
Так он и умер, не зная, как сучья
потрескивают на костре...

Глухонемые не знают значенья
даже самых обыкновенных слов.
А люди тарахтят в озлобленье
жерновами зубов.
Хорошо если зубы клацают не вхолостую,
а мелют какую-то мысль-муку.
Бывает, только очень редко,
шелуху золотую
красный ворон-язык клюет на суку.

Я знал гениального человека –
не купишь за золото слово одно.

Молчит – как далекая Вега
и хмур – как в пору ночную окно.
Я с ним работал на шахте,
бывало, скажешь ему, сделай это;
он сделает и вернется на место,
и молчит, как молчал всегда.
За полгода совместной работы
он сказал мне так мало слов,
что по пальцам, без всякой заботы,
пересчитать их сейчас готов.

...Как-то раз сидели мы с ним на горе.
Внизу озеро синело, а сверху синело небо.
Синью лилася река.
Вершины, как на заре,
золотились снегами, как корки хлеба.
За горы скатывалось оранжевое солнце –
яркое, как в кузне раскаленная болванка.
Взрывы минные, как в груди моей сердце,
бухали в сердцевине горы, не очень гулкие.

В этот вечер он мне сказал:
– Пусть дела говорят за нас,
взрывы минные пусть говорят,
а слова – это есть всего лишь слова,
и не каждый владеет ими.
Как-то слышал я, что ты пишешь.
Говорят, выйдет толк из тебя,
как-нибудь и про нас напиши.
Когда силу почувствуешь,
тогда и пиши – только правду пиши.
А пока что работай, жизнь изучай.
Слава – это лишь дым.
Если можешь, пиши, но пиши от души,
а пока что давай, Али, помолчим...

Август – сентябрь, 1964 год

* * *

Учит ворон вороненка:
– Высоко ты не летай.
Этот мир тебе раз в пору –
Ты красив и не страдай...
Хвалит ворон вороненка,
Так как хвалится сорока.

* * *

Голосом Анны Ахматовой скрипят ветки дерева,
Скрипят ветки дерева, перетираясь друг о друга.
В одной из психбольниц: «Мне совсем немного хлеба бы...»
Зовет и будит ночью подругу подруга.

* * *

Колдовали, колдовали,
Чтоб петунья не цвела...
Но совсем в полон не взяли
Два цветка, как два крыла.
У растения петунии
Сила в крыльях дремлет втуне.

* * *

Люблю и смотрю на картины Брейгеля,
Кисть просит картину Ван Гога к бумаге,
Жизнь идет по прямой, иногда еле-еле,
Сначала прямо, а дальше зигзаги.
Распускаются в сини почки весенние,
Мне люб этот мир до синевы и одури...
Клен на одной ноге и березки Есенина
Разрезают неба весенние контуры.

Человечек

Человечек идет по пустыне –
Фотография эта отныне
Дорога мне и очень близка.

Когда долго идет по пустыне,
Человечек доходит до льдины,
Он живой, когда ходит пока.

Человечку снится колодец,
Родничок и большая река,
Дом родимый, наверняка.

Человечек в пустыне смеется,
Человечек на льдине смеется,
Над собою, наверно, смеется,
Значит, полный порядок пока.

* * *

То ли это фонарь луны,
То ли это луна фонаря.
Снятся мне все цветные сны,
Как в весну – в конце января...
А кругом снегири да синицы,
Да синицы, да снегири.
Под луны фонарем все снятся
Птицы эти до самой зари.
Души живших когда-то летают –
Это стаи синиц, снегирей,
Днем их вижу, во сне не тают,
И от жалости все больней
Сердцу, к жившим когда-то людям
На прекрасной и грешной земле.

* * *

Хорошо, что нет войны
И нет эпидемий,
И ничьей в том нет вины,
Что хожу я в демидеми-
Сезонном пальто весной,
Осенью с зимою.
Птицы шелкнут надо мной
И напомнят – стою
Я чего-нибудь, да здесь,
Счастьем на потребу.
Что войны нет, «деми» есть –
Благодарна небу.

Ада АЛАХВЕРДЯНЦ

Ада Алахвердянц родилась в Нальчике, училась в Москве, жила в Петербурге, и вот уже 15 лет является гражданкой Канады. Ее мать – армянка, отец – немец, росла она в русскоязычной среде, но, несмотря на это этническое многоцветье, но ее призванию, душа у нее горянки.

Она считает горцев удивительным созданием человеческого рода, особой кастой, в которой живет феноменальная жизнестойкость. Их дух не склоняется под натиском невзгод и ударов судьбы. Они не только сохранили целомудрие, понятие о чести и благородстве, но ставят их в критических ситуациях (когда речь идет о жизни и смерти) на первое место.

«Мой характер – это не только то, что было заложено в генах, в равной мере – это дар той среды обитания, где я выросла, людей, чьи нравы и обычаи впитала и чего мне так пронзительно сейчас не хватает», – признается она.

Свое первое литературное произведение, с которым мы сегодня знакомим наших читателей, она посвящает своим землякам – всем жителям Кабардино-Балкарии, а ком живет неукротимый всепобеждающий дух Кавказа.

«Восклицательный знак»

«Я пришла! Восклицательный знак!» – закричала она с порога, считая своим долгом донести до каждого домочадца нюансы пунктуации. Восклицательный знак – ее любимый знак препинания, не считая многоточия, поскольку, во-первых, она обожала надеяться, а, во-вторых, очень любила думать. В их семье она пожинала лавры общепризнанного мастера разговорного жанра или конференсье. Но не ее эстрадное обаяние, а именно оптимизм тяготил одного, но наиважнейшего человека: его. И тяготил, слава Богу, всего лишь по одной линии: пессимистической. Мог бы быть и дополнительный меланхолический канал, но, к счастью, обошлось малым неудобством. Одним словом, он буквально заболел от незначительной дисгармонии на банковском счете или от пустяковых царапин на кокетливом корпусе новой «Хонды». Она затруднялась понять такую огорчительную реакцию и поэтому не могла найти правильных слов утешения, хотя и усиленно вкрапляла восклицательные знаки после каждой наспех законченной мысли. Он страдал из-за ее черствости и, возможно, в глубине души желал себе жену, не уступающую ему в пессимизме. С другой стороны, и она силилась представить рядом с собой жизнерадостного супруга, но нарисовать в уме четкую картину было так же сложно, как перевести басню Крылова про Жужутку на какой-нибудь из языков малых народов Севера. Не исключено, что в природе существовал некий оптимистичный джентльмен, который, встречая свою типично пессимистичную женушку, украдкой вздыхал, мечтая о такой неунывайке, которая, вернувшись домой со вставными челюстями после посещения стоматолога, могла бы триумфально пропеть на весь микрорайон: «Сегодня день 32-х зубов! Отмечаем!» Но в том-то и дело,

что наши герои построили семьи так, как мы вам и передали. А сложись се иначе, получилось бы некрасиво: чете оптимистов – круглосуточный праздничный салют, букетик ландышей и торт «Наполеон», а пессимистам – удвоенное уныние с отказом от живых цветов (неразумное капиталовложение, т.к. флора имеет тенденцию увядать) и с пренебрежением даже к птифурам. Разве не жалко? Поэтому она и открывает дверь и кричит с порога звонким сопрано: «Я пришла! Восклицательный знак!», то есть дайте снять обувь и начнется новая жизнь. Ей некогда сосредотачиваться на собственной боли или переживаниях, потому что ее ждет любимый пессимист. Правда, он никогда не говорит ей: «Ты привносишь в мою жизнь бриз, аромат, вдохновение, родниковую воду...» Ее оптимизм тяготит его, мешает страдать, и, вообще-то, шумноват. А она считает восторженность самым бесценным даром. Смотрит в зеркало на свои новенькие, неуязвимые для кариеса пластмассовые жемчужинки-зубы и улыбается при воспоминании об удачно учрежденном Дне Полнозубия и приуроченных к нему пирожных из итальянской булочной. В условиях текущего пессимизма можно было бы рассчитывать только на малокалорийные финики. Впрочем, финики – полезны, и это – совокупное мнение всех членов семьи. О, она просто расцветает от счастья, понимая, что только в контрасте пессимистичного окружения ее радость способна принять настоящие исполинские формы.

Ванкувер

Не признать, что Ванкувер красив –
оказаться неблагоприятной.

Третий месяц подряд моросит
по традиции легендарной.

Вдоль обочины автострады
десять цапель сутулых грустят.

Но зачем унывать: осадки
восхищают канадских гусят!

Как природа меня утешает!
Отвлекает от праздных вопросов

и тоске развиваться мешает –
ностальгии великороссов...

Город чудный, прости за укоры.
Разве ты виноват, что пешком
я бы в Нальчик вернулась, где горы
вознеслись в полушарье другом?

Я тебя оценила, поверь мне,
не случайно вручил здесь Творец
и сугубо канадские тернии,
и союз сокрушенных сердец.

Ручей Серпантин

Каждый день над ручьем «Серпантином»
По мосту проезжает машина,
И водитель рулит артистично,
И звучит – как всегда – Петр Ильич, но
Не внимается звукам симфоний,
Па-де-де героини влюбленной
И мелодии первой Сюиты...
А причины давно мне открыты.

Анатолий БИЦУЕВ

Недавно надумало сердце
Играть непривычную роль:
То словно тисками сожмется,
То рвется на части, но боль

Не связана с недомоганием,
Здоровье, увы, ни при чем –
За сына переживания
Съедают, как будто живьем.

Готов был, коль надо, с рожденья
И жизнь за него я отдать.
Теперь же гнетут опасенья
И страх я не в силах унять:

Домой возвращается поздно,
Дознаться, где он пропал,
Бывает почти невозможно,
И слушаться нас перестал.

Конем необъезженным с места
Рванется, чуть станешь ругать,
Что в гневе отец остается,
Слезами умоется мать,

Ему безразлично, как будто,
О! Как же незнание страшит!
Покая души ни минуты, –
В сердцах мне сосед говорит, –

Что ждет его дальше, не знаю,
Не знаю, кем вырастет он,
Я сына как будто теряю! –
Слова – как отчаянья стон!

Конечно же, я разделяю
Всем сердцем товарища боль.
Сегодня никто не скрывает
Тревоги о детях, но коль

Изъяны найдут в воспитаньи,
Родителей в том обвинят,
Неважно, что без оснований,
Что ложен поверхностный взгляд.

Об этом подумаю, сразу
Кидает то в холод, то в жар,

И тщетно пытается разум
Осилить словесный удар.

У скольких родителей долей
Иметь недостойных детей?
Судить их, скажите, кто волен?
Влаченье безрадостных дней,

Нежданных седин появленье
У их матерей и отцов,
Ночные бессонные бденья
В бездельи безусых юнцов...

Виновен в их грубости, хамстве
Не жизни ли нашей уклад?
Не времени ль злого коварство,
Не века ль жестокого ад?

...Понятны соседу волненья
И к боли чужой я не глух.
Немного набраться терпенья –
Ему я советую вслух.

А сердце бушует, как буря,
Словам объявляя протест,
И повесть о юности хмуро
Оно предлагает прочесть.

Сидел я, листая страницы,
Вдруг в повести главный герой
Напомнил мне детства зарницы,
Нарушил душевный покой.

Носился там сельский мальчишка
Весь день по каким-то делам,
То воду таскал мужичишка,
То дров, предаваясь мечтам

О том, что осталось немного
Терпеть этот тягостный плен...
Бесценного рая земного
В то время был жителем он...

И денно, и ночью у Бога
Потомкам прожить без потерь
Не тот ли пацан босоногий –
В лице моем – просит теперь?

Та звезда, что мерзнет в ночном небе,
Может быть, смогла бы и согреться
(Или так хотелось просто мне бы?)
Вместе с одиноким добрым сердцем.

Почему б с людьми не поделиться
Щедры теплотой души? Но мимо
(Схоронив приветливость), мы мчимся
Тех, кому в тот час необходимы.

Что же с нами вытворяет жадность?
Словно в нас вонзает свое жало,
Показать порой боимся радость,
Ласкового слова жалко стало.

Словно тот, что посреди сокровищ
Собственных сидит, но прикоснуться
Ни к чему не может потому лишь,
Что ему от жадности не скрыться.

Вот ребенок где-то плачет горько...
Побледнел и взрослый от несчастий...
Добрых слов сейчас и нужно только,
Чутьочку вниманья и участия.

Ямой ледяной очаг домашний!
Почему б не быть друг к другу чутче?!
Пусть уносит беды день вчерашний
И сегодня всем нам станет лучше.

Немало из жизненной чаши	Жестокое, тяжкое время!
Нам горя случилось испить	Дай счастье друг другу дарить!
Не трогай потомков ты наших,	Дай, скинув отжившего бремя,
Не рви светлой веры их нить,	С надеждой на лучшее жить!

В жизни не хватает нам сегодня многого,
Что хотим – порою не на что поесть.
Вдоволь боли разве что, вдоволь горя горького
Вызванных Чернобылем несчастий не счесть!

Там, где не хватает места справедливости,
Где руководителей не было и нет,

Сколько же в Чечне одной, сколько ж крови пролито?
За бесчинства эти взять с кого ответ?!

В жизни не хватает нам сегодня многого,
Я мужчина все же, все могу стерпеть,
Но бомжей, что в мусорках ищут пищу с голоду, –
Что же ждет их бедных, что же ждет их впредь?

Если б люди были сыты и богаты –
Этого всего лишь им недостает?
У одних лачуги, у других палаты...
Что же нашу родину, братья мои, ждет?

«Своя рубашка ближе к телу» –
Сегодня модно говорить.
Нет людям до приличий дела,
Деньгами б им все заменить.

В торговлю окунулись люди,
Средь них, к стыду, и мой народ,
И с каждым днем сереют будни,
И хитрость в руки власть берет.

Богатство высшей целью стало,
Спичинки даром не дадут.
Коран – святыню – даже это (!)
Перед мечетью продают.

Народ, что не прельщался раньше
Богатством, но и не был нищ,
Весь раскололся, что же дальше?
Кому-то все, кому... молчишь?

Друзья от гнева разорваться
Готовы, рассуждая так:
«Дойти до вырожденья нации
Остался шаг, всего лишь шаг».

И, несомненно, они правы...
А я бы дал такой ответ –
Не способ каждый день лукавить,
И хоть бы говорил весь свет:

«Своя рубашка ближе к телу,
Свои проблемы бы решить»,

Считаю я последним делом
По принципу такому жить.

Сей способ жадность породила,
Спасет от голода едва ль,
И человечности лишила,
Не понимают это – жаль!

Забыв обычаи и нравы,
Теряя с каждым мигом честь,
Детей иметь не будет права
Дано им (не природы ль мечь?).

Богаче в тыщу раз, шустрее
Пусть будет он, к чему хитрить?
Я жизнь на честности построив,
Не обрывая веры нить,

Отцов наследие лелею,
Не зря их кровь во мне течет.
Что ждет, не знаю, к сожаленью
Лозоподобный гибкий род.

Но я мечту не потеряю,
Пока в нас мужество и честь,
Нас пламя времени, я знаю,
Спалить не сможет, выход есть!

«Своя рубашка ближе к телу» –
Не рода мненье – единиц.
Умру я лучше, чем уделом
Мне жить, не различая лиц.

Перевела с кабардинского Роза Агоева

Арабская кобылица

Кабарда, начало XIX века, середина лета. На берегу своенравного Терека раскинулись большие адыгские селения.

Вечереет. Все взрослые и подростки заняты привычным повседневным трудом: женщины доят вернувшихся с пастбищ коров и заносят в дом наполненные до краев ведра парного молока; мужчины загоняют коров и овец в хлев, дают сена, воды и закрывают на засов, чтоб не разбегались; подростки собирают домашнюю птицу в специальные отсеки, дабы исключить их вечное «противостояние».

На Кавказе ночь опускается на серебристые горы-исполины и плодородные долины не сразу и не вдруг: в тусклом свете долго видны силуэты величественных гор, их остроконечные пики – вечные стражники и оплот горцев.

С наступлением сумерек сверчки-затейники заводят заунывный и однотонный пересвист. На небе появляются первые звездочки, их становится все больше и больше, на вечернем небосклоне они кажутся настолько близкими и доступными – протяни руку и сорвешь одну из них.

В такие вечера время прекращает стремительный бег – село в одночасье замирает. В домах зажигаются керосиновые лампы, домочадцы собираются за столом, и начинаются непринужденные беседы за ужином о том, что сделано, а что нет, о новостях у соседей, о планах на завтра и о многом другом.

В один из таких теплых вечеров во дворе Залима собаки внезапно подняли тревожный лай, нарушив установившуюся тишину, и так же неожиданно смолкли.

«Во дворе посторонний», – подумал Залим, – и, видно, не вор: собаки быстро успокоились». Он вышел. Посреди большого двора стоял человек.

– Залим, это я, Инал, – сказал пришедший.

– А почему ты там остановился, Инал? Заходи в дом, или собак испугался? – с иронией спросил хозяин.

Когда гость и хозяин сблизались, Инал ответил: «Твои собаки знают меня не хуже тебя, сосед, но зайти в дом, к сожалению, не смогу: у меня гости издалека и нужна твоя помощь».

– Инал, ты знаешь, что можешь всегда располагать мною – мы же побратимы!

– Поэтому и пришел. Есть дело. Седлай коня, путь предстоит неблизкий, надо будет ехать всю ночь, но дело того стоит.

На этом и расстались.

За многие тысячелетия своего существования Черкесия выработала – как олицетворение единого народа адыгов – свод неписанных правил

и обычаев, обязательных к неукоснительному исполнению – адыгский этикет.

Кабардинцы по праву гордились культурой своих предков, которые сквозь века донесли до наших дней эти отшлифованные временем нормы поведения каждого члена и общества в целом. Однажды преступивший этикет становился изгоем, и проходило немало времени, дабы загладили необдуманый проступок.

Залим, будучи истинным кабардинцем, не мог позволить себе даже спросить у своего друга, куда и зачем на ночь глядя надо ехать. Он вернулся в дом, сказал жене, что отправляется в путь с Иналом, помочь в его предприятии, быстро надел черкеску, опоясался кинжалом, снял со стены ружье и патронташ. Жена успела подать ему хурджин с припасом еды на дорогу. Забрав провизию, он бегло окинул взором детей, молча провожавших его взглядами, и велел о нем не беспокоиться. Затем быстрым шагом направился к конюшне, оседлал молодого жеребца и поехал к дому Инала. Его уже ждали трое незнакомцев и Инал. Он поздоровался с каждым, и всадники, не мешкая, отправились в путь.

За селом Инал стал перекидываться скупыми фразами с одним из гостей – Индрисом, который, вероятно, был за главного. Залим, не выдавая любопытства, стал внимательно прислушиваться к разговорам и мало-помалу картина начала вырисовываться.

Оказывается, один состоятельный и уважаемый в Кабарде эфенди, будучи в гостях у своих родственников – причерноморских шапсугов, по пути домой, в портовом городе Анапе, купил великолепного арабского скакуна.

Молва о том, что у эфенди есть кобыла необычайной красоты и силы, молниеносно распространилась по всей округе и далеко за ее пределами. Многие князя и знатные люди ездили к хаджи посмотреть на невиданного доселе «араба», который, по мнению многих знатоков лошадей, выгодно отличался от местного «кабардинца».

Князь Пихров, прослышав о заморском чудо-скакуне, загорелся непреодолимым желанием во что бы то ни стало заполучить арабского скакуна и пустил слух: тому, кто привезет ему этого красавца, будет позволено выбрать из его табуна десять самых резвых коней или, по желанию, получить десять серебряных рублей – целое состояние: щедрости князя не было предела!

Залиму все стало ясно, ему по душе пришлась затея, но его настоятельно раживало другое...

Он подъехал к своему другу и незаметно для остальных коснулся его лошади: друзья поехали немного стороной – достаточно для разговора шепотом. Залим сказал: «Все это хорошо, но с нами исламейцы, я им не доверяю – подведут!» – «Не надо беспокоиться, друг мой, – уверенно сказал Инал, – тот, который у них за главного, Индрис – мой родственник, все будет хорошо».

После непродолжительного разговора друзья с подельниками продолжили путь, думая, как несравненно высоко они могут возвысить себя

и выгодно отличиться от остальных соплеменников при положительном исходе задуманного дела!

Обуреваемые этими мыслями, проделав немалый путь, несколько подуставшие, но одержимые в своих намерениях, всадники заполночь оказались на берегу Терека, полноводного в это время года.

Быстрая река, стекая с горных вершин Кавказа, достигнув пределов равнинной части, изгибаясь полукругом, разделяет водной преградой страну на две неравные половины – Малую и Большую Кабарду.

Всадники спешили, лошади, оказавшись налегке, осторожно подошли к реке и стали пить. Тусклая луна за облаками слабо освещала темную водную гладь. Инал знал и представлял себе, что переправиться на тот берег в это время года, да еще и ночью, будет далеко не просто. Здравый смысл подсказывал: не следует рисковать, надо дожидаться утренней зари. Но ночь была их союзником, так как группа хорошо вооруженных людей могла привлечь внимание посторонних, а это было нежелательно, учитывая намерения сообщников. С другой стороны – водный поток, шириной не менее ста метров, заставлял считаться с собой, и потому не каждый смельчак мог позволить себе противостоять мощному и пугающему напору реки. Надо было икать брод, иначе стремительные воды могли с легкостью поглотить и лошадь, и человека.

Инал повел своих сообщников вниз по течению, где русло расширяется и течение становится менее опасным для переправы. Он хорошо знал это место, не раз переходил здесь, но на этот раз, на правах хозяина, обязан был опекать своих гостей и поэтому вошел в реку первым, показывая пример остальным. Вот дошли до середины, потом, прикрываясь лошадьми, вплавь миновали опасный участок и, наконец, с облегчением ступили на песчано-илистый берег противоположной стороны. Спустя некоторое время наши искатели приключений незадолго до рассвета добрались до намеченной цели.

По имеющимся сведениям, усадьба хаджи находилась на самой окраине села, что вселяло дополнительную уверенность в положительном исходе дела. Окраина всегда была самым уязвимым местом аула и удивительно, что хаджи с его богатым житейским опытом пренебрег таким обстоятельством!

Всадники обошли селение на почтительном расстоянии, – их целью было зайти с южной стороны, притаиться неподалеку, выработать единственно правильную тактику для удара! К счастью, неподалеку рос густой терновник – лучшего места для засады и наблюдения не придумаешь!

Забрались в заросли и стали наблюдать.

Постепенно исчезли последние звезды, ночная тьма неохотно уступала позиции неизбежному свету, в полутьме показались очертания отдельных строений, и только оранжевая луна, затянутая летним облаком, не хотела сдаваться. Но с появлением первых солнечных лучей и она незаметно покинула багровое небо. С появлением видимости подельники стали до боли в глазах всматриваться в предмет их вождения – усадьбу хаджи, но к своему удивлению и разочарованию поняли, почему в столь беспокойное время, не боясь недругов, хаджи жил на окраине села. Его

большое родовое поместье было окружено двухметровым каменным забором, на возвышенных местах, с передней и тыльной стороны, стояли сторожевые посты – охранники его спокойствия! Наши друзья, не раз бывавшие в разных непростых переделках, были глубоко раздосадованы увиденным! Вызвавшись на дело, они не предполагали встретить такую трудноразрешимую задачу: перед ними была, можно сказать, хорошо укрепленная крепость! Да, проблема оказалась не из простых, но они были молоды, дерзки, полны сил и решимости и не помышляли отступить!

Прошло некоторое время, за каменным забором стали слышны отдельные окрики, затем начали долетать и целые слова.

Тем временем солнце, как полновластный хозяин планеты, величавым диском озарило местность.

Распахнулись тяжелые дубовые ворота, оттуда выскочил всадник на вороном коне, а за ним табун игривых лошадей. Джигиты в терновнике зорко следили за происходящим. Табун легким галопом направился к горным пастбищам, по бокам – два хорошо вооруженных всадника, в конце еще один, итого – четверо пастухов-воинов. Это серьезно осложняло намерения похитителей, и пока они все это уяснили, табун скрылся за поворотом, оставив позади облако серой пыли. Пятеро единомышленников были озадачены увиденным, но в тоже время полны желания добиться намеченной цели! Очевидным было одно: дело, за которое они взялись, было далеко не простым, именно это обстоятельство еще в большей степени побуждало их к решительным действиям!

Можно ночью проникнуть в конюшню, но как с лошадью выбираться из охраняемых ворот? Было над чем подумать. «Может, ночью поджечь сено в хлеву и в суматохе умыкнуть кобылу?» – предложил один.

Предложение неплохое, но опять эти запертые и охраняемые ворота! «Надо напасть на пастухов на пастбище, когда они вместе соберутся на обед», – сказал исламеец.

«Пастбище высоко в горах, и подобраться незаметными будет нелегко», – возразил другой. Было еще несколько вариантов, не выдерживающих никакой критики, пока, наконец, не прозвучало предложение подождать вечера, когда табун пригонят обратно: может, здесь появиться брешь. Мысль понравилась всем, и решено было дожидаться возвращения табуна. В раздумьях прошел весь день.

К вечеру послышался гул и затем отчетливый топот множества копыт – все насторожились, нервы были напряжены до предела, нельзя было упускать ни малейшей возможности для нападения. Топот нарастал, желание ринуться в бой тоже! Показался авангард. Впереди все тот же всадник на вороном коне, за ним табун, по бокам и сзади – те же вооруженные всадники. С их приближением стража распахивает ворота, передовой всадник резко поворачивает коня, уступая другим лошадям, и галопом устремляется к арьергарду, присоединяется к замыкающему колонны, усиливая его мощь вдвое. Да, схема охраны у хаджи вызвала восхищение: это была хорошо продуманная тактика! Увиденное привело наблюдавших в уныние; все хорошо понимали: дело почти обречено на неуспех. Все чаще стала появляться мысль – бросить все и вернуться

домой. Но как и с чем?! Взявшись за дело, они «засветились», пришли к князю и заверили, что приведут заморскую кобылу. Вернувшись ни с чем, могут потерять свое доброе имя, пойдут слухи о том, как они «умыкнули» лошадь, и станут джигиты посмешищем на всю округу. С другой стороны, как решить взятую на себя задачу?

Настроение было скверное, исламейцы удалились, оставив наших друзей в одиночестве и раздумьях.

Прошло еще некоторое время. Молча, сосредоточенно, снова и снова обдумывали обстановку. Но ничего путного не приходило в голову. Вдруг неожиданно послышался топот ног. Друзья прислушались, топот нарастал... Кто бы это мог быть, в такое время, да еще в таком месте? Вскинули ружья на изготовку и тут же опустили: на повороте показался одинокий юноша с тростью в руке, забежал в одну сторону, затем в другую и помчался прямо к скрывавшимся друзьям. Но как только поравнялся с ними, Инал резким движением свалил его.

– Кто ты?

Юноша был растерян неожиданным поворотом дела, довольно обескуражен, но даже лежа старался сохранять самообладание. Бегло оглядев обоих, сам задал вопрос: «А вы кто?»

Наши побратимы были явно удивлены самообладанием мальчишки: ведь хозяевами положения были они!

И пока они собирались с мыслями, юноша продолжил:

– Смотрю я на вас и не могу понять: для разбойников хорошо одеты, но почему скрываетесь в зарослях?

Мальчик оказался смышленным малым, его вопрос бил, как говорится, не в бровь, а в глаз.

Не находя ничего другого, Инал ответил вопросом на вопрос:

– А ты что здесь потерял?

– Я ищу теленка: он не вернулся домой, вот я и решил, что он забрел сюда. А вам что надо в наших местах?

Друзья переглянулись: за много лет дружбы они научились понимать друг друга с одного взгляда, мальчишка был в их руках, они ничем не рисковали и потому Инал сказал:

– Мы пришли за арабским скакуном, хотим похитить.

Мальчик окончательно пришел в себя и рассуждал не по годам трезво.

– Нет, не сможете вы этого сделать! Не похожи вы на тех, кому это под силу, – без сомнения произнес он.

Друзей это разозлило, но мальчик в чем-то был прав: они были в безвыходном положении.

Тем временем прозвучало неожиданное предложение:

– Отпустите меня, хаджи мой враг, когда я подрасту, он получит все сполна за свои деяния! Но и сейчас я могу ему здорово насолить! Если вы мне доверитесь, я помогу вам умыкнуть арабского скакуна!

Этот неожиданный поворот событий снова заставил наших друзей переглянуться.

– Хаджи не нахвалится на своего коня, бережет его как зеницу ока, но я свой, и смогу незаметно увести его со двора.

После некоторого раздумья друзья решили испытать судьбу и отпустили юношу.

Потянулись минуты надежд и тревог. Если мальчик не обманет, предмет их вожделения будет у них, но если он их предаст, люди хаджи, да и все село, быстро окружают чащу, и тогда без кровопролития не обойтись. Пятеро мужчин против целого села, – не трудно предположить, что кровавая стычка закончится не в их пользу. Да, есть над чем призадуматься. Но решение было принято и оставалось только надеяться на лучшее. Прошло с полчаса. Нервы наших друзей были напряжены до предела, они ловили каждый шорох и до боли в глазах всматривались в ночную тьму. Издали послышался топот копыт, он нарастал, и, наконец, на повороте показался мальчик на высоком скакуне. Приблизившись, он спрыгнул с лошади и сказал.

– Вот ваш «араб»! Быстро уходите, пока охрана не спохватилась.

Друзья поблагодарили юношу, и он, как призрак, растворился в ночной мгле.

Инал с Залимом разыскали своих подельников и с некоторой спесью сказали:

– Пока вы здесь прохладаетесь, мы успели умыкнуть арабского скакуна.

Это была такая весть! Исламейцы аж вскочили: как, где, что?

Инал прервал их:

– Некогда говорить, надо уходить, пока не началась погоня.

Никто не возражал, и пятеро всадников с украденной лошадью тем же путем, в обход села, понеслись в обратный путь.

С чувством исполненного долга, довольные, не чувствуя усталости, проскакав целую ночь, на рассвете опять оказались на берегу бурного Терека. Нашли известный им брод и благополучно переправились на правый берег. Но надо было спешить, и, не мешкая, легким аллюром поскакали дальше.

Оставив позади около двух верст и не чувствуя за спиной погони, всадники спешили и начали внимательно рассматривать свою добычу. Конь был на удивление великолепен! Высокий, на тонких ногах, с широкой грудью, длинной шеей, относительно небольшой легкой головой – прямо Альп из нартского эпоса! Изумлению наших героев не было предела. Но еще больше удивило их то, что за исключением крупа, лошадь была целиком покрыта мелкой, но плотно выщущей шерстью, которая поблескивала в лучах наступившего дня. Это было поразительно: конь с шерстью, как золотое руно сказочной Эллады!

Видно, это обстоятельство побудило Индриса высказать свое предположение: «Если забить лошадь и снять шкуру, получится пять необычайно красивых папах. Что может быть лучше высокой новой папахи на голове джигита! Все будут нам завидовать!»

Эта мысль понравилась его односельчанам, и они горячо поддержали Индриса. Но только не наши друзья.

– Как забить? – не удержался Инал. – Забить такую красивую кобылу нелепо! Вы когда-нибудь видели такого красавца коня? Непременно

ее надо оставить на развод, получить потомство. Нет, – твердо сказал он, – пока я жив, никто не тронет этого коня!

Назревал конфликт. Исламейцы хмурили брови, готовые к схватке. В это время Залим молча направился к своему другу и стал рядом с ним – красноречивый знак его намерений. Группа разделилась надвое. Одно неосторожное движение – и случится непоправимое. Рука каждого непроизвольно опускалась на рукоять кинжала, но тут обстановку разрядил Индрис: приподнял правую руку, успокаивая своих и наших друзей.

– О чем спор? Нельзя забить, значит не будем. Главное, мы завершили дело, достигли успеха, про нас еще долго будут говорить. По два хороших скакуна из табуна нашего князя или по два серебряных рубля – неплохой куш!

Все немного успокоились и продолжили путь.

Напряженность двух суток давала о себе знать, и наши герои прямо в седлах впали в полудрему. Так проехали некоторое время. Тишину нарушил Индрис:

– Вы только полюбуйте на это! Хотя вы и отвергли мое предложение с папайхой, но какую добычу Всевышний посылает мне прямо в руки!

Взоры всех устремились вперед. Вдали прямо на них ехал всадник. Утро было раннее, одинокий всадник, видно, задолго до рассвета пустился в путь и, полагаясь на своего верного коня, отпустив поводья, задремал. Всадники стали сближаться. Находясь на территории Малой Кабарды, Инал наверняка знал, что навстречу едет его сородич: или местный, или гость – и решил заступиться за старика.

– Знаешь, Индрис, у кабардинцев есть мудрая поговорка: не становись на пути одинокого всадника, одолевающего гору!

– Да что с тобой, Инал? – возразил Индрис. – Что сделает одинокий старик против нас, пятерых молодых джигитов? Смотри, он даже не просыпается! Подъеду к нему, камчой ударю по голове, он свалится на землю, а его бурка, вооружение, конь прибавятся к нашей добыче.

Помня недавний конфликт, который чуть не кончился кровью, они с Залимом решили уступить пожеланию исламейцев.

В это время старичок, который был совсем уже близко, приподнял голову, внимательно посмотрел на стоящих перед ним всадников, и, вероятно, поняв их намерения, не спеша, подтянул опущенные поводья. Всадники, напротив, с интересом и даже ухмылкой наблюдали за происходящим, считая, что у старика против них нет никаких шансов.

Тем временем старик рванул поводья на себя, его конь, словно озверев, стал на дыбы, передние копыта, описав дуги в воздухе, с силой вонзились в землю, придорожная пыль, словно брызги воды, разлетелась по сторонам. Старик, не дав опомниться молодым, на бешеной скорости врезался прямо в середину колонны. От сильного удара могучей лошади, стоявшие на месте всадники, толкая друг друга, рухнули прямо на землю. Инстинктивно, дабы никто не увидел их позорного падения, они быстро вскочили на коней, но, оглушенные сильным ударом, еще сполна не осознавали всего происшедшего. Все длилось только мгновение, ими овладел гнев, но старик, их обидчик, был достаточно далеко, и еще, к

своему ужасу, они обнаружили, что арабского скакуна – источник их вдохновения, выстрадавший ими за последние двое суток, – старичок вел под узды!

Не сговариваясь, они пустились в погоню. После бешеной скачки, разгоряченные, но гонимые злобой, они вновь оказались на берегу Терека и с ходу решили форсировать реку. Но тут внезапно раздался выстрел. На противоположном берегу, на расстеленной черной бурке сидел старичок, в руках держал двустволку, по бокам лежали два короткоствольных пистолета. Его лошадь и арабский скакун были привязаны под одинокой грушей.

Первой мыслью было быстрее добраться до старика и посчитаться с ним, для чего необходимо преодолеть водное пространство в очередной раз. Да тут еще и воинственный старик с явным намерением дать решительный бой!

Наши герои, оценив обстановку, заметно заколебались.

Увидев их замешательство, старик прокричал с другого берега:

– Видно по вашей одежде, среди вас два кабардинца и три исламейца. Я не хочу понапрасну проливать кабардинскую кровь, а что касается вас, исламейцев, которые больше бахвалятся своими ратными делами, – милости прошу! Я же, будьте уверены, не сойду с этого места ни на шаг!

Памятуя, что он сотворил с ними недавно, нападающие не сомневались в твердости слов старика, а перестрелка на таком почтительном расстоянии ничего не дала бы. Надо добраться хотя бы до середины реки, чтобы пули настигли противника, но, пока они станут бороться с течением, старик их без труда перестреляет. Да, судя по всему, этот старичок за свою долгую жизнь побывал не в одной переделке.

Увидев бездействие врагов, старик продолжил:

– Смотрю на вас, проходимцев, и не могу понять, как таким олухам, как вы, удалось похитить такого коня? – и, словно про себя, продолжил: – Не иначе вам кто-то помог из местных. – И добавил: – Кабарда небольшая и слухи в ней распространяются быстро: я знаю хозяина этой лошади. Хаджи – мой друг. Будьте спокойны – я верну украденного коня хозяину, а вы с миром возвращайтесь домой, – сказав это, он не спеша приподнялся, накинул бурку на плечи, отвязал свою лошадь, взял под узды арабского скакуна и медленно удалился.

Нальчик мой родной
В полукруге гор,
Он такой чудной,
Что в душе простор.

Огляди с небес
Цепь кавказских гор.
Сколько здесь чудес
Удивляют взор.

Эльбрус – мудрый царь –
Смотрит на Кавказ,
Ныне, как и встарь,
Охраняя нас.

Терская река –
Вестница добра,
Шлет под облака
Брызги серебра.

Оглашая даль,
В небесах возник,
Как в душе печаль, –
Журавлиный крик.

А народ так горд –
Кровь готов пролить.
Ты не будь с ним тверд,
Будет он любить.

Любовь – это только шарм,
Это души обман.
На сердце остался шрам
От этих ужасных ран.
Меня раздирает боль
А боль – это только соль,
Она разъедает меня,
Я даже теряю себя.
Когда потеряла тебя,
Я стала холодным льдом.
Когда-то страдала, любя,
И было то страшным сном.
Когда закрывала глаза,
Душа попадала в ад.

По сердцу катилась слеза,
Холодная, словно град.
Я встретила позже тебя,
И ты был той встрече рад.
Я встретила вновь тебя,
На сердце остался взгляд,
Твой нежный растерянный
взгляд.

Я чувствую, ты мне рад,
Но много теперь преград,
А чувства ушли, как дым,
От этого боль в душе.
Я вижу тебя другим,
Любовь не вернуть уже.

Амина ВОРОКОВА

Сегодня в рубрике «Дебют» представляем Амину Ворокову, студентку 5-го курса Северо-Кавказского государственного института искусств. Амина – будущий искусствовед, увлекается поэзией – от античных авторов до представителей современного авангарда.

* * *

Над минным полем, с пустотой во взоре,
В густом тумане безрассудной мести,
Явилось то, что порождает горе, –
Бесформенный, как дым, фантом «невесты»

Под многообещающей фатою,
Швея которой – алчность человека.
И голос ее был подобен вою,
Пришедшему из каменного века.

Рожденная рабыней бессловесной
В глубинах человеческого «эго»,
Мораль она считает слишком тесной
И ждет минуты дерзкого побега.

Раба бунтует против господина,
Как будто волей движима чужою,
Но не уходит, ибо с ним едина
И – быть над ним желает госпожою.

Где шлейф ее «трепещет» цвета хаки,
Немыслимый в любом другом наряде, –
Там сохнут на корню трава и злаки,
И волк, пресытись и забавы ради,

В овраг толкает жалкую отару.
Там ветер носит пыль, золу и слухи
От пепелища к новому пожару.
Там по дорогам нищие старухи

Сухой ладонью просят подаянья.
А шлейф уходит в вековую темень,
Без жалости, стыда и покаянья –
Попутчица времен стоит над теми,

Кто взял наизготовку автоматы,
А раньше – камни, копья или стрелы...
Как в воздухе струится запах мяты –
Перед грозой – в небесные пробелы,

В цепи событий замыкая звенья, –
Так и войне предшествуют знаменья,

И после – только даты, даты, даты...

Стансы к человеку

...Вот человек, он в мире этом –
Как солнца утреннего клон,
Как радость в воздухе согретом...
А может, хмур и скучен он?

Но лучше – в ожиданиях новых,
Обогадив свой пресный быт
Рецептами побед медовых,
Настойчивее все же быть

И протоптать к себе дорогу,
Сей зримый мир запечатлеть,
И боль, и нежность, и тревогу,
И зло, и искушений сеть...

Кто, человек, твоей судьбою
Руководит, кем ты рожден?
Пространство явлено с тобою,
Поток событий и времен?

Главнейший персонаж Вселенной,
Творение Господних рук...
Скопление в оболочке брэнной
Телесных и душевных мук?

Ты райские изведаль кущи,
Но предпочел удел иной:
Путь, острым кремнием секущий,
Ведущий к сущности земной.

Марьяна КОЧЕСОКОВА

Черный квадрат

... и так легко нам заменили Бога,
И вместо всех икон – один квадрат.
Теперь нас всех наказывают строго:
Не видишь черный – сразу виноват.

Из всех церквей поток в ночные клубы,
В честь мертвых душ устрою завтра бал.
И Сатану я поцелую в губы
За то, что нам ни разу не соврал.

*Я научилась просто мудро жить...
Анна Ахматова*

Я не умею просто мудро жить,
И даже Маркес мною не прочитан.
Одно занятие – мусор выносить.
Мой день на вечность вовсе не рассчитан.

Одной монеты множество бросаний,
И каждого бросания исход –

Непоправимость тщетных ожиданий.
И образ мой – любимый Дон Кихот.

Я улыбаюсь, к жизни возвращаясь,
И, уходя, не закрываю дверь.
Судьбы чужой подолами касаясь,
Лишаюсь права плакать от потерь.

«Разбросала дни не по неделям,
Искажая словом тени тел...» –
Это кто-то в мире от безделья
Обо мне так думать захотел.

«Кончено!» – шепнули мне на ушко,
Стерта бесконечность, в горле ком.
Я в болоте остаюсь лягушкой
И царевной, плачущей тайком.

Я Богу снюсь по вечерам,
Прогуливаясь по проспектам.
Я не молилась небесам,
Поверив городским аптекам.

Закон города просты:
Ты глупый – я не виновата.
Соседей слышно за версты.
Читаю книгу – уши с ватой.

Поэтизировать смешно
Любовь в эпоху Интернета.

Но и в плохом есть хорошо –
Интим без всякого запрета.

И рыцарь милый на коне
Давно сменился кабардинцем.
Мечты о будущей весне
Легко разрушить мне мизинцем.

Одно лишь странно: снится сон:
Бог шепчет людям что-то тихо.
Сутулится. И даже Он
Читает прозу вместо стиха.

Руки твои мои волосы...
Мир затих.
Имя твое вполголоса
Из уст моих.

Значима должность – любовница! –
Предел святых.
Жизнь – полоса, текст – бессонница
Без запятых.

В любви значительный прогресс
Мы наблюдаем в веке новом:
Передает все sms –
«ятебялюбл» – одним словом.

Принципы меняла много раз.
Истину искала в книгах века,
И крестилась, делая намаз.
Вдруг... познала в Боге человека.

Зима

1

Снежинка – раз... снежинка – два...
Опять на улице зима.
Нет ни чудес, ни колдовства.
Есть просто ты и просто я.
(Наверное, сошла с ума:
Есть только я, и нет тебя.)

2

...и проснулась утром, зная,
Нет ни завтра, ни вчера.
Я, по-зимнему больная,
Убирала со стола:
Чашка – раз, без чашки – два.
С добрым утром! Я – вдова!

3

Впрочем, солнце молодое
Снова греет города,
И садится на ладони
Голубь мира иногда.
Значит, вновь пришла весна,
Буду смелой допоздна.

Гриппозный сон.
Бред солнца ноября.
Казалось, Он –
Восторженное Я.

Вдруг все прошло,
Но было все не зря.
Мне хорошо,
Что жизнь моя – мазня!

Жанна КАНДОРОВА

Человек на своем месте

Одной из главных черт молодого руководителя в наши дни должна являться забота о людях, а наша республика в ряду других регионов страны всегда занимала передовые позиции в социально-экономическом развитии. Но это не так просто, если учесть бурные перемены, связанные с коренной реорганизацией привычной общественно-политической системы в стране и республике. На фоне общего кризиса, как в стране, так и в республике, в девяностых годах происходил развал промышленности, сельского хозяйства, что привело к безработице основную часть трудоспособного населения, распространилась коррупция, взяточничество, расхищение нажитого всем народом добра, и на этой основе – расслоение населения на богатых и бедных. Но жизнь есть жизнь, новое время стало требовать новых подходов, потребовались люди с прогрессивными взглядами, активной жизненной позицией, способные уберечь крупные предприятия от окончательного развала и расхищения. Этим требованиям отвечал молодой специалист Ратмир Султанович Кастахов.

**Кастахов
Ратмир Султанович**

Родился он в 1965 году в рабочей семье в сел. Нижний Куркужин Баксанского района. Окончил среднюю школу с отличием и в 1982 году поступил в КБГУ на учетно-экономический факультет. Его друзья по учебе говорят, что Ратмир был другом с открытым сердцем, учился, успевая вобрать в себя не только предписанное программой, но и много другой литературы, и говорил, что все это пригодится в жизни. И впоследствии, как оказалось, все это помогло ему выстоять на передовой линии преобразований и созидания.

Но все это еще только предстояло. После окончания же университета (в то время студенты, окончившие вуз, направлялись на работу по распределению), Ратмира направили на ЗЖБИ-2 на должность простого бухгалтера. В короткий срок он зарекомендовал себя как способный и ответственный работник, всецело отдающий себя работе, и руководство предприятия назначает его заместителем главного бухгалтера.

А история этого завода начинается еще с 1958 года, когда в городах и селах республики шло бурное развитие строительства по всем направлениям народного хозяйства. С первых лет работы ЗЖБИ-2 заявил о себе как жизнеспособная и перспективная организация в начавшемся крупномасштабном развитии строительной отрасли республики.

В 1996 году, когда страна кипела в противоречиях социального и экономического переустройства, Ратмир Султанович становится заместителем генерального директора этого огромного производства. Чем больше возникало трудностей, тем тверже и напористей становился его характер, тем неуклонней – желание не останавливаться на достигнутом.

В продвижении к цели оказалось, что Ратмиру не хватает образования по профилю. Взвесив все свои возможности и сообразуя их с замыслами, он без отрыва от производства поступает на инженерно-технический факультет по специальности «Инженер-строитель». В то время, имея один диплом, можно было пройти сразу на третий курс, сдав необходимые экзамены, что и сделал Ратмир. И он шел упрямо, не оглядываясь назад, решительно отстаивая свои позиции на работе, уже имея взгляд строителя с опытом экономиста. Добивался ли Ратмир этого, или нет, все же в 2004 году советом директоров он был избран генеральным директором ОАО «ЗЖБИ-2».

Человек, выросший на этом поприще после учебы в КБГУ, он стал еще более ответственным за судьбы людей, за производство. Здесь все для него было родным: и люди, и цеха, и многосложное оборудование. Трудовой характер, который сформировался здесь, шлифовался ежедневной практикой, в его работе уже в качестве руководителя первого ранга. Завод для молодого директора стал родным детищем, ему он посвятил всю свою трудовую деятельность. В стенах завода он мужал как руководитель, совершенствовал стиль работы, в полной мере осознавая ответственность за каждое слово, за каждый предпринимаемый шаг. Так он вырос до преуспевающего руководителя, который не упускал ни одной возможности, чтобы глубже понять структуру и особенности нашего развивающегося рынка. Тяга к новому, к эффективным инновациям привела к тому, что его зачислили в состав группы обучения в Академии народного хозяйства при правительстве Российской Федерации, где он прошел программу подготовки управленческих кадров. Ратмир и здесь проявил свою тягу к познанию современных средств и методов производства, и закончил учебу с отличием.

Случилось так, что японская делегация проводила в Санкт-Петербурге мастер-класс для выпускников Академии управления от Южного Федерального округа с прохождением практики в стране восходящего солнца, куда и попал Ратмир Кастахов с двумя своими однокашниками.

Как здесь не вспомнить знаменательный образ из книги Николая Островского «Как закалялась сталь». Правда, эпохи разные, но цель одна: быть востребованным в тяжелые, переломные для страны годы, все отдать служению трудовому народу.

Вот и у нашего героя любые производственные вопросы начинаются с заботы о людях. Он делает все для того, чтобы сохранить коллектив, и это дает свои результаты: на предприятии отсутствует текучесть кадров. Скажу больше: человек, пришедший на завод, легко вливается в коллек-

тив, становится классным специалистом и остается, чувствуя заботу, испытывая чувство собственной значимости, необходимости. Это и есть показатель успеха любого современного руководителя, в подобной атмосфере и рождаются уважение и доверие к нему.

Сегодня ЗЖБИ-2 является перспективным развивающимся предприятием, оснащенным современным оборудованием и использующим новейшие технологии. Ассортимент изделий, выпускаемых на заводе, широк: целый ряд наименований строительных конструкций, используемых в промышленности, в жилищном и гражданском строительстве. Благодаря высококвалифицированным специалистам коллектив завода находится в авангарде по внедрению новшеств в производство прогрессивных конструкций. Можно с гордостью сказать, что завод является единственным на Северном Кавказе, который изготавливает металлооснастку и конструкции безригельного каркаса. Наряду с этим на заводе разработана оснастка и освоен выпуск панелей оболочек КЖС (конструкции железобетонных сводов) размером 3×18 и 3×24 м. Эти уникальные конструкции – единственные в нашем регионе, которые позволяют максимально использовать варианты крупносерийного строительства. При использовании этих конструкций в один прием осуществляется покрытие здания или сооружения площадью в пятьдесят четыре и семьдесят два квадратных метра. Интересным и немаловажным фактором работы завода является и выпуск конструкций на предварительном напряжении. Более сорока пяти процентов железобетона изготавливается при помощи этого высокотехнологичного и эффективного метода. Коллектив гордится и тем, что до настоящего времени завод является единственным по производству пустотных плит перекрытия на высокопрочной проволоке.

Как было сказано выше, текучесть кадров на заводе практически отсутствует, а если и бывают случаи ухода, то по личным обстоятельствам самого работника. Поэтому руководитель предприятия Ратмир Кастахов с большим уважением относится к ветеранам – да он и сам уже ветеран на заводе! Хочется особо отметить то, что он выделяет значительные материальные поощрения для передовиков производства, особое внимание уделяет молодым специалистам. Как и положено, ежегодно проводится индексация заработной платы. Все это, конечно, дело рук не одного лишь Ратмира Султановича, а команде единомышленников, которую он собрал вокруг себя и сплотил. Все это и служит условием того, что завод «ЗЖБИ-2», расположенный в Нальчике по ул. Головки, 168, по-прежнему остается в числе лучших предприятий нашей республики. Предприятие отличают в первую очередь стабильность, качество, использование новых экономических материалов и – самое главное в рыночной экономике – приемлемые цены на продукцию, которая имеет спрос и высоко оценена заказчиком. Характеризуя сегодняшнее состояние предприятия, можно сказать, что, преодолев все трудности и испытания перестроечного периода, оно нормально вписалось в рыночные отношения, получает большие заказы

и выполняет их в срок и добросовестно, не снижая качества продукции. Талантливый и грамотный организатор, лидер коллектива Ратмир Султанович Кастахов не собирается останавливаться на достигнутом, у него много интересных замыслов на будущее. Это, в первую очередь, расширение и укрупнение производства, создание новых рабочих мест, благоустройство территории и многое другое. Для претворения в жизнь этих идей ему нужно многое еще сделать. Но жизненный принцип, который избрал этот неутомимый человек, – «дорогу осилит идущий», поможет ему и его единомышленникам поднять статус завода еще выше, вывести на более престижные позиции и занять почетное место в своей экономической нише, вдохновляя примером и других.

P.S. После того как этот очерк был завершен, я еще некоторое время не могла определиться с его названием. Он и о руководителе завода, и о самом заводе. Как-то встретила на улице Ахмата Сумаева, тоже талантливого строителя, героя очерка, опубликованного на страницах «ЛКБ» (№ 3. 2008). И спросила его, знает ли он Ратмира Султановича Кастахова. Он сразу ответил: «А как же. Он мой друг! Я знаю много о нем и о его работе. И скажу, что Ратмир – человек чести и доброй души. Дай Бог ему здоровья. Он как истинный горец в общении исповедует интернационализм. А как специалист – он незаурядный! Он сохранил коллектив и завод – хвала ему за это! Мне, как балкарцу, приятно чувствовать и сознавать, что у меня есть по жизни такой надежный и верный младший друг и брат – кабардинец Ратмир. Я много раз бывал свидетелем того, как к нему приходили работники завода за помощью, за советом, и он каждый раз находит способы разрешения их проблем. Ратмир – человек на своем месте».

После этого разговора с Ахматом Сумаевым я и пришла к решению назвать очерк его словами – человек на своем месте.

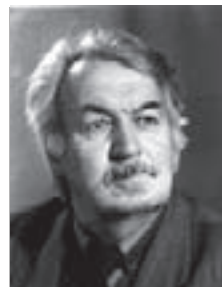

Ильяс ТЕППЕВ,
член Союза журналистов России

«НЕ СНИЖАЯ ТЕМПОВ СВОЕГО ТРУДА...»

...Практически незамеченным оказалось 70-летие достойного и деятельного человека, чьих заслуг перед народом никак не меньше, чем у многих других юбиляров.

Его зовут Леонид Сулейманович Шогенов. Природная скромность не позволит ему поднимать «лишние», с его точки зрения, разговоры вокруг своей персоны, но я, на правах младшего товарища, рискну сказать несколько слов не только о Шогенове как человеке, но и о его работе, хотя понятно, что в рамках статьи можно написать только об основных вещах.

**Шогенов
Леонид
Сулейманович**

Весной 1959 года в шахтерской газете Донбасса в одной из статей помимо прочего сообщалось: «...Леонид Шогенов и с начала нового месяца не снижает темпов своего труда. 1 марта, например, он произвел выемку угля в забое штрека и, выполнив свою норму выработки, почти четыре часа помогал производить насыпку угля из лавы в вагонетки. В следующей же день, работая в лаве, Шогенов опять выполнил полторы сменных нормы...».

Статья называлась «Впереди – бригадир Леонид Шогенов». Написанная в стиле того времени, она, тем не менее, многое говорит о Леониде. И прежде всего то, что главное в характере человека – «никогда не снижать темпов своего труда».

А начиналось все в начале 50-х, когда в кабинет Умара Ногмова, редактора районной газеты «Новая жизнь», издаваемой на кабардинском языке, зашел начинающий автор. Это был уроженец селения Куба, школьник Леня Шогенов, который предложил для публикации свои первые произведения. Так начинаются карьеры многих литераторов: первые публикации, потом учеба в ВУЗе, выпуск книг, вступление в Союз писателей и, наконец, почетные лавры человека, привнесшего нечто интересное в общую литературную копилку. Но Леониду не суждено было быть только поэтом. В нем слишком много талантов, чтобы остановиться на чем-то одном.

Меня всегда занимал вопрос такого рода: а можно ли писать, к примеру, о войне, если войну в глаза не видел? Или о профессиональной медицине, если сам не доктор? Я к тому, что во всем, что до сих пор делал Леонид Шогенов, нет ни капли фальши. Каждая буква, выходящая из-под

его пера, каждый шаг в научных исследованиях и общественной работе – это вся его жизнь.

Его трудной жизни хватило бы на троих, если не сказать больше. После окончания средней школы Леонид три года служил в элитных воздушно-десантных войсках. После демобилизации в 1957 году – несколько лет работы бригадиром забойщиков в шахтах Донбасса. Самого по себе только этого хватило бы на всю оставшуюся жизнь.

Сыну репрессированного в 1937-м отца (Леониду тогда исполнилось 2 года) было гораздо труднее других пробивать себе дорогу. Нет нужды говорить и о финансовом достатке. Вся страна тяжело поднималась после войны. Что касается понятий типа «практичность» или «предприимчивость», то, наверное, нет более далеких вещей, чем деньги и Леонид. Я видел его дом, кроме книг там, по-моему, ничего нет.

От поколения отцов мы помним рассказы о трудных послевоенных годах. Но не припомню, чтобы кто-то говорил об унынии в обществе или, скажем, о массовых стрессах и тому подобных вещах. Напротив, неудержимая энергетика тех лет, порожденная послевоенными надеждами народа, дала обществу множество талантов. Романтичных и, наверное, поэтому в чем-то наивных, но страстных и увлеченных. Перед этими молодыми людьми лежало много дорог, и они выбирали каждый свою. Кто-то предпочел военную службу, кто-то пошел в управление народным хозяйством.

А Леонид, в свою очередь, выбрал нелегкую работу по возрождению родного языка, традиций и обычаев кабардинского народа. Так или иначе, это направление включает в себя научно-педагогическую деятельность, писательский труд и многое другое.

Надо сказать, что талант и редкая работоспособность позволили Леониду охватить весь этот спектр и по сей день работать в том же ритме, как и в молодые годы.

В 1966 г. молодой специалист Шогенов получает диплом о высшем историко-филологическом образовании. Бывший десантник и шахтер начинает преподавательскую деятельность. Впереди – медаль «За доблестный труд» и широкая известность, а пока все начинается с начала, как и положено людям такого склада, ступень за ступенью. С 1962 по 1974 гг. – работа сельским учителем в школе села Куркужин, преподавание в учебных заведениях Баксана и Нальчика.

С 1974 года Леонид Шогенов – преподаватель КБГУ и заведующий университетским музеем. Вполне возможно, что карьерный рост шел бы быстрее и не остановился бы на работе в ВУЗе. Но карьера как таковая не интересовала Леонида. Да и характер у него «не карьерный». Работа, которой он посвятил жизнь, еще никого не сделала богатым, хотя многим пришлось жертвовать: здоровьем, служебным ростом, не говоря уже о личном времени.

Современные исследования, проводимые с помощью новейших

средств, доказывают особую связь родного языка с подсознанием человека. Говорят даже о «мистической» связи языка предков с современным человеком. Суть в том, что с утерей родной речи происходит разрушение личности, теряется некая таинственная, неведомая нам связь поколений.

Особенность человеческой природы в том, что, теряя связь со своим языком, народом и культурой в целом, он становится манкуртом, пусть даже очень современным внешне, но он не знает, что регресс уже начался, и он губит не только человека, группы людей, но и целые народы.

Леонид не любит говорить о мистике и выражается конкретнее и доступнее: «Самое ценное, самое главное для любого народа – это его родной язык. Нет языка – нет народа. Адыги недаром слово «псальэ» говорят. Псальэ – слово, хранилище души народа. Псальэ – его жизнь, история, обычаи, традиции, прошлое и настоящее. Многим чиновникам, возможно, не до этого, но если срочно не исправить нынешнее положение, мы придем к потере языка, а с потерей языка потеряем государственность и самобытность».

В сущности, в этих словах можно предельно кратко выразить позицию Леонида Шогенова как ученого, педагога и писателя. Возможно, ему жилось бы намного легче, не будь он так настойчив и непреклонен в вопросах родных языков.

Сказать по правде, современному цивилизованному человеку непонятно, почему «языковой вопрос» может представлять какую-то проблему. И правда, что может быть естественнее, чем родная речь? Оказывается, что все не так просто.

Государственная политика в отношении национальных языков никогда не была стабильной – от всемерной поддержки до почти полного забвения. От «коренизации», когда даже делопроизводство в организациях шло на национальных языках, до фактически запретов под различными предлогами.

Огромную энергию приходилось тратить Леониду, чтобы преодолеть подчас просто абсурдные бюрократические препоны и запреты. Сталкивался с непониманием, а иногда и с открытой враждебностью. Оно и понятно: ведь система периодически меняет свои взгляды, а Леонид этого не делает. Чиновник может досиживать в своем кабинете рабочий день и механически отсчитывать количество часов преподавания родного языка: «Немногим больше или немногим меньше, какая, в сущности, разница?».

Для Леонида разница существенна. Взять хотя бы вопрос адаптации и социализации школьника во взрослую жизнь. Ребенок, с детства говоривший на родном языке, и учиться будет лучше именно на том языке, к которому привык.

Развиваясь и адаптируясь, он будет в дальнейшем одинаково хорошо говорить на двух языках, к примеру, на кабардинском и русском. Здесь главное, что процесс вхождения в мир знаний и в мир большой жизни

пройдет безболезненно. Отстаивая эту позицию, Леонид Шогенов выступает здесь скорее в роли школьного психолога, хорошо знающего структуру начального образования и методов максимально эффективного усвоения школьниками материала.

У самураев есть правило, которое звучит примерно так: «Бросайся в бой решительно и никогда не думай о последствиях». Леонид действительно напоминает самурая, когда речь идет о принципах, которые он отстаивает. С ним могут не соглашаться и не разделять его взглядов, но твердая позиция человека в жизни и делах, его высокая порядочность не может не вызывать уважения. Возможно, благодаря именно этим качествам его считал своим близким другом Юрий Хамзатович Калмыков, принимавший активное участие в общественной жизни республики в годы преобразований.

О том времени Леонид скажет: «Великим завоеванием наших народов за годы демократизации является то, что кабардинский, балкарский и русский языки провозглашены государственными на территории КБР. Начали возрождаться национальные школы с преподаванием всех учебных предметов в младших классах на родном языке».

Конечно же, Леонид не политик. Хотя бы потому, что принципы политического мира, а точнее, их отсутствие, не совмещаются с человеком, чей талант наиболее сильно проявился в поэзии.

Когда речь идет о творчестве литератора Шогенова, можно с уверенностью сказать, что оно подлинно народное. Мы, взрослые, чаще всего не можем логически объяснить причины своих симпатий. А вот для детей не проблема. Стихотворения Леонида, которые они запоминают с первого раза – лучшая оценка работы детского писателя.

Можно ли предположить, что и в детских стихах бывает сила? Оказывается, да. Поразительно, как бывает, когда взрослый человек, повидавший многое на своем веку, пишет, вкладывая пережитое не в серьезную повесть, а в детскую сказку. Удивительная трансформация, когда мудрость взрослого человека через поэзию передается детям. И лучший показатель – то, что дети его понимают.

Первая книжка стихов вышла в 1987 году. Она называлась «Лъэмъж», что значит «Мостик». Сборник оформляла дочь Зарема, профессиональная художница, умная и способная девушка. Не сомневаюсь, что ее имя сегодня могло быть известно далеко за пределами республики, но Аллах решил забрать ее к себе, оставив нас без человека прекрасной и доброй души.

Моя семья много лет знает Леонида, его супругу Лиду, дочь Зарему, сыновей Анзора и Синдара. Будучи молодыми людьми, мои отец с матерью жили и работали в Баксане, где и познакомились с семьей Шогеновых. Это тот случай, когда, как у нас говорят, сосед может оказаться ближе брата.

Мы всегда помним людей, которые отнеслись к нам уважительно. Вот

и я вспоминаю, как, будучи студентом, нередко встречал в стенах КБГУ видного седого мужчину, который здоровался со мной так, словно я тоже взрослый и уважаемый человек, а не мальчик-студент, годящийся ему в сыновья. Это интересная черта характера Леонида – общаться искренне и на равных. Такое, кстати, не сыграешь. Это идет от сердца и врожденной интеллигентности.

Я был удивлен, если не сказать больше, узнав о Леониде как об авторе песен. Сколько он их написал, уже и сам не помнит. Точно, что больше тысячи. В содружестве с композиторами Х. Кардановым, М. Баловым, А. Дауровым, Б. Кабардоковым и другими был создан самый настоящий песенный фонд, и остается только удивляться, что процент исполнения этих песен так мал по сравнению с музыкальным ширпотребом, заполнившим радио и телевидение. Песни действительно хороши и добротны, что лишний раз подтверждает истину о талантах, которые талантливы во всем.

Начиная с 1987 года, Леонид Сулейманович издал пять детских книжек и сделал переводы на родной язык пяти учебников по природоведению. Его произведения на сегодняшний день включены в учебные программы для детских садов, младших классов, педагогического колледжа и Кабардино-Балкарского госуниверситета.

Работа Леонида Шогенова продолжается, и, по моим наблюдениям, ее немало. Готовятся к выходу книги, исследования, переводы и песенные сборники. Новые рассказы и поэмы ждут своих читателей.

Не прерывается и общественная работа. Он принял активное участие в организованной редактором «Кабардино-Балкарской правды» В. Кудавым встрече на тему развития национальных школ.

Работоспособность удивила бы, если бы речь не шла о Леониде, которого мы знаем. По-юношески увлеченный, всегда искренний и открытый, он отличается от многих тем, что не только говорит о традициях, но и сам живет в соответствии с ними. Это значит, что он все же не просто детский писатель, каких много, но еще и подлинный народный учитель, который воспитывает своим творчеством и личным жизненным примером.

МУРАТ КАСКУЛОВ: СТИХОВ Я НЕ ПИШУ

Каскулов
Мурат

«Кровь мученика и чернила ученого имеют для неба равную ценность», – сказано в одной из Великих книг. О сакральном аспекте этого утверждения судить теологам. Бесспорно одно: занятия наукой – дело хлопотное. Искать и находить истину всегда не просто.

К тридцати трем годам Мурат Каскулов сумел добиться многого. Его без всякого преувеличения можно отнести к элите международной ядерной физики. Около семи лет наш земляк работает в Европе.

Уже в школе он твердо знал, чем будет заниматься в дальнейшем. После окончания физического факультета МГУ и аспирантуры его пригласили в один из старейших немецких университетов в городе Тюбингене. Несколько лет спустя Каскулов уехал в Валенсию, а затем вновь вернулся в Германию. Сейчас он занимается изучением структуры вещества в Гессенском институте теоретической физики.

В Советском Союзе науке уделялось пристальное внимание. Достаточно сказать, что конкурс на вступительных экзаменах в крупные технические вузы страны составлял 78 человек на место. В начале 90-х ситуация резко изменилась. Начался массовый отток молодых ученых за рубеж. Спустя годы эта проблема по-прежнему остается актуальной.

«На Западе физика, как фундаментальная наука, прогрессирует. Ее серьезно финансируют, приглашают на работу перспективных специалистов, – утверждает Мурат Каскулов. – Для того, чтобы решить так называемую проблему утечки мозгов за рубеж, недостаточно просто увеличить зарплату. Необходимо создать ученым оптимальные условия для продуктивной работы. Возродить научные школы, которыми славился СССР. В постперестроечный период многие специалисты уехали, и дело тут не только в деньгах. За границей ученые имеют возможность реализовать свои научные идеи. Наши люди очень креативны, и Запад этим успешно пользуется. У меня порядка сорока научных работ, и я даже представить не могу, что написал бы их в России. За рубежом совершенно другой ритм жизни, другое мировоззрение. Там в первую очередь ценят профессионализм, личностные качества уходят на второй план. Быть просто хорошим парнем недостаточно».

Привыкнуть к жизни за границей не просто. Адаптация сопряжена с рядом психологических факторов, хотя, в конечном счете, все сугубо индивидуально. Мурат Каскулов чувствует себя в Германии вполне комфортно.

«Многое зависит от страны, в которой живешь, – говорит он. – Наши соотечественники, как правило, легко адаптируются к жизни в Германии. Думаю, это связано с тем, что у нас в некотором смысле совпадает ментальность. Иначе обстоит дело с испанцами. На первый взгляд, они ближе к кавказцам по темпераменту, но жить в Валенсии мне было значительно сложнее.

Конечно, поначалу некоторые вещи за рубежом удивляли, но со временем я понял, что по большому счету не имеет значения, где жить. В Германии я занимаюсь тем, что мне по-настоящему интересно. По моему, это главное».

«Нельзя быть настоящим математиком не будучи немного поэтом», – утверждал один немецкий ученый. Действительно, связь между точными и гуманитарными дисциплинами вошла в поговорку. Физик-лирик – сочетание давно ставшее классическим, но правил без исключений не бывает.

«Лирика – это не мой случай, – улыбается Мурат Каскулов. – Стихов я не пишу. Физика забирает практически все время. Мой рабочий день начинается рано и заканчивается поздно. Главное для меня – научная проблема, над которой работаю в данный момент. Будучи теоретиком, пытаюсь дать обоснование какой-либо идеи. Если это удастся, в дальнейшем над ней работают экспериментаторы.

За последние тридцать лет наука изменилась кардинально. Она стала более прикладной, я бы сказал, утилитарной. Ее развитие происходит на стыке теории и практики. Сегодня один ученый «в поле не воин». Современная научная деятельность напоминает снежный ком, летящий с горы. Каждый специалист привносит что-то свое».

Первое место в системе его ценностей занимает семья. Она для Мурата надежный тыл. «Приходя домой, стараюсь не думать о работе и по возможности максимально расслабиться», – говорит ученый.

Его супруга, экономист по образованию, сейчас занимается воспитанием детей и домашним хозяйством. По словам Мурата, она прекрасно готовит. Хотя ее кулинарные пристрастия достаточно космополитичны, приоритет все же остается за национальной кухней.

У Каскуловых двое детей. Отец затрудняется ответить, кем бы он хотел видеть их в будущем. Он считает, что говорить об этом пока рано. «Старшей дочери четыре года, каких-то ярко выраженных способностей я у нее пока не заметил. Она занимается тем же, чем и все остальные дети. Проблема в другом, в детском саду дочь говорит по-немецки, дома по-кабардински. Когда ее переполняют эмоции, она начинает смешивать эти два языка. Получается достаточно смешной диалект», – улыбается Мурат Каскулов.

Хамид КАЖАРОВ,
доцент кафедры зарубежной литературы КБГУ

**Кайсын Кулиев,
или Искусство любви ко всему живому**

(штрихи к портрету поэта)

Студентам, которые учились на филфаке КБГУ в 50–60 гг., очень повезло. Тогда факультет этот размещался в прекрасном по своей архитектуре и окруженном со всех сторон голубыми елями здании (ул. Инессы Арманд, 1). Пожалуй, это был самый живописный и поэтичный уголок в черте г. Нальчика, который и так является одним из красивейших городов мира. Сама природа, сам ландшафт располагали студентов к поэзии, к восприятию высокого и прекрасного.

Нам, тогдашним студентам, повезло и потому, что нас часто удоставали визитами два наших выдающихся поэта – Алим Кешоков и Кайсын Кулиев, очень разные по почерку и стилю, но схожие в том, что оба они были большими мастерами. И то, что нам, тогда юным и начинающим, давало тесное общение с такими живыми образцами самоотверженного служения искусству, невозможно измерить никакими мерками...

Одной из самых больших удач в своей жизни считаю тот факт, что еще в молодые годы я узнал Кайсына Кулиева, поверил в него (не только в его талант, но и в его искренность, – что для меня всегда было немало важно) и стал следить за его творчеством, стараясь не пропустить ничего из того, что он печатал, включая и статьи.

В этих заметках я ставлю перед собою весьма скромную задачу: очень кратко, пусть даже в виде тезисов, охарактеризовать хотя бы некоторые из примет поэтической индивидуальности Кайсына Кулиева, которые привлекали и до сих пор привлекают мое внимание.

1

Первое, что прежде всего обращает на себя внимание в стихах Кайсына Кулиева, это жизнелюбие лирического героя: «О жизнь! Люблю тебя, как птица – Воздух».

Или:

*Я благодарен солнцу и песку,
И морю благодарен я за чувство,
Возникшее сейчас в общенье с ним.*

И эта черта была присуща Кулиеву с самого начала. С таким ощущением, с таким восприятием жизни он пришел в поэзию. Об этом свидетельствуют строки из его юношеского стихотворения с характерным названием – «Здравствуй, утро» (1936):

*Шелесту листьев кланяясь,
Кланяясь ясному небу,
Кланяясь радости детской,
В шумное утро вхожу.*

Приятие жизни во всех ее здоровых и добрых проявлениях. Любовь ко всему, что живет и растет на земле. Ощущение родственности и по-детски доверчивое и ласковое отношение ко всему, что есть в нашей общей праматери-природе.

*Вот так я и живу, желая муравью,
Ягненку и траве спокойствия, здоровья.*

И:

*Я славлю камни, яблони, колосья
И вертел над пастушеским огнем.*

Речь идет не о снисходительном признании факта: мол, раз все мы от матушки-земли, выходит, мы друг другу доводимся родственниками, хорошо это или плохо. Нет. Исследователи творчества У. Уитмена полагают: величайший поэт Америки где-то в тридцать пять лет вдруг почувствовал, что он – «лишь точка, лишь атом в плавучей пустыне миров». Мне думается, Кайсын Кулиев почувствовал родственные души во всем том, что его окружает, что проживает и произрастает на земле, с того самого момента, как он начал осознавать себя. И это было такое блаженство! И этого, оказывается, достаточно – чтобы мне было столько отпущено и столько даровано! Выходит, я – твой должник, земля. Я обязан тебе за твою доброту ко мне. Я – пленник той красоты, которою ты одарил меня.

Кулиев Кайсын Шуваевич

*Прими ж поклон земной, моя земля.
.....
Благодарю тебя земля родная,
За воду, что я пью, за хлеб, который ем.
.....
Все: и дождик, и солнца сиянье –
Это благо, дарящее нам.*

И самые близкие родственники (надеюсь, понятно: здесь кавычки неприемлемы) поэту – деревья:

*Деревья гор, возлюбленные мной,
Друзья мои зеленые и братья.*

Здесь важно и поведение самой природы, действия и поступки составляющих ее предметов («предмет» в данном случае термин условный, ибо в поэтическом мире Кулиева все «предметы» – живые) и явлений.

*...И нет такого дня,
Чтоб мне не мнилось: полные доверья,
Все понимая, слушают меня
В тиши и белизне – мои деревья!*

И еще:

*Мне кажется: в любое время дня
Деревья понимают мои мысли.*

Деревья не только умеют слушать и понимать – они и поступают благородно:

*Молчаливники великие, кружком
Стояли вы в день маминой кончины,
Как родственники, слабым шепотом
Давая знать, что вы со мной едины.*

А вот строки из стихов о войне:

*Сосну я помню у речной излуки:
Лишенная ветвей, смотрела вдаль,
Полна печали, как боец безрукий,
И человечья то была печаль.*

О сосне, да и о сосне времен войны, сколько пронзительных строк написано русскими и не только русскими поэтами. И все же, мне думается, среди них не затеряются кулиевские строки:

*К фронту идет за отрядом отряд.
Сосны, как сестры, под гнетом кручины,
Нас провожая, печально глядят.*

Или:

*А вдоль обочин, у самого края,
Может быть, песню о нас создавая,
Сосны России шумят.*

В мире Кайсына Кулиева люди, травы, деревья, горы, камни, снег, дождь и т. д. – на равных. Чувства и переживания деревьев сродни человеческим. Лирический герой Кулиева – человек очень совестливый и чуткий. Он все время критически, как бы со стороны смотрит на себя:

а как меня воспринимают? Достаточно ли я чист в своих помыслах и поступках на фоне чистоты и неиспорченности первозданной природы? Вот идет снег, и это становится поводом для размышлений:

*И боязно себе позволить вдруг
Приблизиться к безмолвному круженью
Пушинок этой чистоты вокруг
И белизны дерев коснуться тенью.*

Раз мы все, составляющие природу, настолько взаимосвязаны и взаимозависимы, природе, возможно, и я небезразличен. А вдруг – о чудо! – я доставляю ей радость:

Мне чудится – и сосны рады мне!

Только поэт, в совершенстве овладевший этим языком, поэт, с которым деревья (и не только), охотно делятся своими мыслями и впечатлениями, может сказать:

*Деревьям нравится невеста в белом платье,
Они склоняются, чтоб в окна заглянуть.*

Или:

Зеркало любит счастливые лица.

Сейчас и школьники знают такой факт: после появления «Холстомера», И. С. Тургенев, пораженный мастерством Л. Н. Толстого в изображении страданий и переживаний старой лошади, воскликнул: «Лев Николаевич, а вы когда-то не были лошадью?!» И об этом мне напомнили кулиевские пронзительные строки: «Когда пила касается ствола, // Ему так больно в этот миг печальный». А сколько таких строк у Кулиева? Или, если точнее сформулировать вопрос: «Много ли у Кулиева стихотворений, где мы не найдем подобных строк, отмеченных печатью мастера?» И деревья, и травы, и горы, и снег, и дождь, – как будто все они, храня наболевшее, так и ждали появления Кайсына Кулиева, чтобы его устами передать то, что их переполняло.

*Я – горная речушка.
.....
Отведайте глоток:
Во мне снегов прохлада
И камня холодок.*

«Песенка горной речушки»

Годы, когда творил Кайсын Кулиев, были богаты событиями разного рода. Менялись вожди. А вместе с ними установки, ориентации, лозунги, очередные задачи, и Кулиев, какие бы невзгоды на него ни обрушивались – а их было предостаточно! – из стихотворения в стихотворение, из

книги в книгу не изменял своей теме (если и не единственной, то одной из ведущих в его творчестве) – теме природы (так обозначим для удобства). Я это представляю себе следующим образом. Все то, что составляет флору и фауну, от былинки до Эльбруса, от муравья до оленя, каждый из видов на своем языке, сообщают ему о своих бедах и проблемах, в точности понимающему все то, что сообщается на бесчисленном множестве языков. Иными словами, голосом Кайсына Кулиева заговорила сама Природа:

*В мире гул суеты все слышней и слышней, –
И как мало осталось в долинах и рощах
И доверчивых птиц, и красавцев-коней,
И людей, красоту древних сказок сберегших!*

В разработке этой проблемы, – человек и природа, современный мир и состояние природы, – Кайсын Кулиев был, пожалуй, одним из поэтов, проявивших редкую последовательность и пришедших к подобным результатам.

2

Кайсына Кулиева, – с первых же его шагов в литературе, – отличало умение находить необычное в обычном и достойное удивления в самом будничном. Еще до войны он написал цикл стихотворений «Мои соседи» (такое название поэт дал и своей первой книге, вышедшей в Нальчике сразу же после возвращения из Средней Азии).

«Мои соседи» – название самое простое и будничное, какое только может быть. Да и среди персонажей цикла нет ни генералов, ни знаменитых летчиков, ни известных всему миру героев. И занятия у них тоже обычные: столяр, кузнец, сапожник, учитель и т. д. Правда, «начальство» все-таки один раз встречается, но и этот «начальник», Соллоу, всего-навсего бригадир.

И все же молодой поэт ввел этих простых людей в поэзию, сделал их персонажами стихотворений, ибо он считал важнейшим критерием не регалии, не ордена и не звания, а отношение человека к людям и к своему труду. Если человек (пусть даже самого простого звания и рядовой профессии) своим трудом приносит людям радость, значит, он и есть тот самый, о котором надо слагать стихи, которого надо благодарить за его полезный труд.

Даже в самые молодые годы Кулиев умел очень многое. Еще тогда ему было присуще свойство присматриваться к окружающим его людям, находить возвышенное в обыденном, поэзию в будничном. Иными словами, молодой поэт еще с первых своих произведений шел к тому, что он затем в более позднем стихотворении – «Жить, удивляясь» – выразит как свое кредо:

*Рождаются великие творения
Не потому ли, что порою где-то
Обычным удивляются явлениям
Ученые, художники, поэты.*

Но мне хочется сказать здесь и о не менее важной стороне дела. А именно: о слитности поэта с родной почвой. Кто мог тогда подумать, что жизнерадостному молодому стихотворцу, с юмором рассказывавшему об «озорном глазе» зурнача Хажоса и о «золотых руках» многолетней мельничихи, любящей поговорить, вскоре придется сменить гражданскую форму на серую солдатскую шинель? И сколько он выстрадает и испытает вместе со всем советским народом, вставшим на защиту Отечества? Не думаю, что меньше горьких страданий доставили его душе 13 лет изгнания.

Один из мотивов, к которым очень часто возвращается Кулиев в своих произведениях, – это его искреннее сочувствие слабым и сирым, бездомным и голодным. Есть у него небольшое, всего в шесть строк, стихотворение, которое мне кажется во многом программным для него, и поэтому хочется привести его целиком:

*Чужой бедою жить не все умеют,
Голодных сытые не разумеют.
Тобою, жизнь, балован я и пытан,
И впредь со мною делай, что угодно,
Корми, как хочешь, но не делай сытым,
Глухим, не понимающим голодных.*

«Кто землю посетил, // Проходит испытанье», – говорит поэт в другом стихотворении. И достойным звания человека он считает только того, кто может сочувствовать другому, кто не отделяет себя от другого: «Нет горя чужого на свете, коль ты – человек».

Мысль, что в мире нет социальной справедливости, что одним достается все, а другим – почти ничего, постоянно преследовала поэта. И он не забывал о слабых и сирых даже в минуты счастья, что доставляли ему наблюдения за явлениями природы.

*Падает снег, падает снег,
Тьма – будто мир ослеп.
А в мире у скольких только во сне,
Только во сне – хлеб.*

Наравне с бездомными и голодными, поэт беспокоится и о детях. Как он хотел, чтобы у всех детей были возможности жить, расти и учиться нормально! Чтобы в мире не было причин, из-за которых плакали бы дети.

*Мне кажется, рыдает вся вселенная,
Когда я слышу плачущих детей.*

Не имея иной возможности помочь всем обиженным, поэт находит своеобразный выход – поэтическую формулу, как своего рода панацею от всех напастей социального характера:

Пусть миром доброта, не злоба, правит.

Вот когда разрешились бы все социальные (и не только) проблемы, которые кажутся неразрешимыми при современном положении вещей! Оказывается, поэт собирался написать целую книгу на эту тему. Он всю жизнь шел к этой книге. Возможно, она и стала бы его лучшей книгой.

4

В нашей повседневной действительности очень часто возникают вопросы, на которые, так или иначе, ответил в своей творческой практике Кайсын Кулиев. И один из этих вопросов: «Нужна ли вообще поэзия?» Я нахожу у Кулиева самый прямой ответ на этот упрямый вопрос:

*Песня нужна, словно лошадь в дороге,
Песня нужна, словно бурка в метель.*

Поэта одолевают и другие вопросы в этом плане, например, какую должна быть поэзия, столь необходимая людям. У Кулиева много ответов на этот вопрос, потому что поводы были самые различные, но суть их схожа в одном, главном, в высокой требовательности, предъявляемой к стиху.

*Стиху – простор степей, и воздух вольных гор,
И даль дорог, и небо над рекой.*

Или:

Как жить поэзии без высоты и света?

Кулиев не единожды возвращался и к вопросу: каким должен быть сам поэт, всегда памятуя о том, что профессия эта – столь же трудная, сколь и ответственная («Стихи писать – что горы штурмовать»).

По Кулиеву, это настолько ответственное занятие, что не всякий может браться за писание стихов: «Невидящий не может быть поэтом».

Но видеть – одно дело, а как поведать об увиденном – другое. Наверное, всегда было нелегко говорить правду. Не думаю, что Кулиеву суждено было жить в более благоприятные времена. И, тем не менее, он оставил наказ – говорить правду: «...кто не лжет, тот петь имеет право». А перефразируя известные строки Н. А. Некрасова («Поэтом можешь ты не быть, // Но гражданином быть обязан»), Кулиев писал:

*Героем можешь ты не быть,
Но быть лжецом поэт не может.*

5

Кавказ издревле вдохновлял поэтов. И, надо заметить, не только тех, которые, так сказать, «прописаны» здесь. Также посвящали Кавказу свои произведения поэты и Востока, и Запада. Сколько сюжетов и образов связано с Кавказом – не перечесть!

В творчестве Кайсына Кулиева Кавказ занимает особое место. И дело не в том, что Кавказ упоминается у него чаще, чем у других поэтов-горцев. У Кулиева стихи всегда дышат чистым воздухом снежных вершин, о чем бы он ни написал.

Неповторимая красота отчего края, милые приметы родных гор и скал запечатлены в произведениях поэта в ярких и выразительных красках. Но живопись – при всей ее колоритности – у него не имеет самодовлеющего значения. Лирический герой Кулиева не созерцатель; он – философ, и для него Чистота и Высота, символизирующие горы, скалы и, в конечном счете, Кавказ, – повод для постоянных размышлений. В своих помыслах и поступках он тяготеет к этим высоким образцам: он проверяет себя ими. Где бы поэт ни находился, он всегда видел «вечный снег на высокой горе», и в роковые минуты его поддерживала уверенность, что «вблизи вершин вольнее дышится». «Перейми несгибаемость скал!» – говорится в одном из стихотворений. «Терпение и мужество ценилось // Как золото, в краю, что так высок», – сказано в другом.

В Кулиеве меня поражало все: и блестящее дарование, и основательная образованность, и всегдашняя его готовность работать (в скобках замечу: «работа» – наверное, слово, чаще других встречающееся в произведениях поэта). Постоянная готовность к рывку, к полету – вот что, прежде всего, читалось в его выразительных светло-голубых глазах. Так скакун не терпит и минуты покоя, грызет удила, бьет копытами землю, и искры сыплются из-под его копыт, – он так и рвется в полет!..

Мягкий и обязательный в общении, Кулиев в творчестве был предельно строг и требователен (и, прежде всего – к себе). Он был похож на скалолаза, влюбленного в высоту и всегда готового к новым восхождениям. Поистине «стихи писать – что горы штурмовать». Но и «горы штурмовать» можно по-разному. Почивать на лаврах было не в его характере; и новое восхождение для него – это всегда поиски новых подступов к высотам, иных, нехоженных тропок, что в конечном счете означало непрестанное стремление к совершенству в своем искусстве, о чем говорят результаты, достойные удивления.

*Разве твердость в удел не дана мне,
Сыну этих вершин и снегов,
Где в течение многих веков
Люди хлеб выжимали из камня?*

Или:

*Были в этом крае средь камней
Низкорослы буйволы и кони,
А высоки были с давних дней
Звезды на вечернем небосклоне,
Горы и достоинство людей.*

Источников было достаточно. Родной фольклор и Кязим, – да. Гомер и Шекспир, – конечно. Гете и Лорка, – разумеется. Пушкин и Блок, – безусловно.

Но безусловно также: эти стихии, вступив в сложнейший синтез, видоизменяясь, преображались настолько, что в конечном счете результаты всегда были помечены меткою мастера, которого звали Кайсын Кулиев. И его строки – по знаку мастера – можно было бы определить, если бы они и были напечатаны без указания автора.

*Велик он или мал, любой народ –
Частица человеческого рода.*

Или:

*Первой пулей на войне любой
Поражает сердце материнское.*

Подобные поэтические формулы – узнаваемы, и они настолько кулиевские, что не затеряются среди тысяч и миллионов строк. И из множества таких примеров – ну хотя бы еще два, в завершение.

*Каменотес искусней, чем актер,
Вживающийся в роль каменотеса.*

И:

*Легко любить все человечество,
Соседа полюбить сумей.*

Литература – это не просто какие-то тексты в стихах или в прозе. Литература – это духовный паспорт народа, нравственная характеристика его. И наши великие предшественники (кстати, по праву получившие международное признание), самоотверженно служившие своему высокому призванию, прекрасно осознавали всю важность своей работы и ответственность, с ней связанную. «Талант, – писал Кулиев, – налагает на художника серьезную ответственность перед людьми, перед миром, и не только перед теми людьми, что живут сегодня, но и перед теми, что жили до нас и будут жить после нас. Тяжка такая ноша. Надо иметь очень крепкие плечи и мудрое сердце. У поэта должны быть глаза ребенка и сердце пророка, мужество воина и доброта матери».

Наши великие предшественники оставили нам такое духовное богатство, которое заслуживает, чтобы мы гордились им. Мы обязаны сохранить, защитить и донести его до следующих поколений, – если мы хотим сохранить свою литературу, свой язык и свой народ.

*Спасибо Вам за замечательную
работу! Ваш любитель и друг
профессор доктор наук Юрий
Иванович Мелекис. С любовью,
любви, уважением, искренностью,
каждому, кто читает, ищет, знает, знает
счастья!*

Ю. Мелекис

19.05.2008г.

Мамиржан МИЖАЕВА,
кандидат филологических наук

ВОЛШЕБНОЕ СЛОВО АХМЕДА ШОРОВА

«Внутренний мир каждого человека неповторим. Особенно неповторим художественный мир поэта, ибо он вбирает в себя всю Вселенную и отображает ее через душу свою, открытую для удивления и сопереживания всему тому, что его окружает...» В высшей степени эти слова великого французского писателя и философа Жан-Жака Руссо можно и нужно отнести к жизни и деятельности известного черкесского поэта, писателя и публициста Ахмеда Лютовича Шорова.

Ахмед Шоров пришел в литературу в 70-е г. XX века. Пришел уверенно и светло, как и подобает талантливому человеку, знающему цену настоящему художественному слову: его творчество сформировалось под непосредственным воздействием лучших традиций черкесской авторской поэзии, устного народного творчества. Поэт и писатель издал более пятнадцати книг, куда вошли произведения, представленные многообразием литературных жанров, среди которых: «Суд совести», «Школьный звонок», «Если я позову...», «Чем я виноват?», «Подснежник», «Завтра будет поздно», «Долгое ненастье» и др.

Поэтические и прозаические произведения Ахмеда Шорова публикуются на страницах таких известных северокавказских журналов, как «Эльбрус», «Нур», «Литературная Кабардино-Балкария», «Ставрополье», «Литературная Адыгея», «Дон», «Литературная газета» еженедельной газеты «Литературная Россия», включены в учебники по литературе. Произведения Шорова вошли в «Антологию поэтов и писателей Северного Кавказа», в серии «Библиотеки «Дружба». О его творческой деятельности рассказано в «Адыгской (черкесской) энциклопедии» и других литературоведческих изданиях.

Проза Ахмеда Шорова отличается смелостью и окрыленностью речи, сложностью поднимаемых и разрешаемых проблем, щедрой человечностью, которой сильны национальные традиции его народа. Герои автора живут по законам совести и чести, совершая ошибки и исправляя их, но неизменно стремясь к высшей цели: к духовному и физическому совершенству, гармонии с окружающим миром. Его книга «Суд совести» имеет образовательное и воспитательное значение. Здесь автор художественно осмысливает нравственные устои своего народа. В рассказах «Верни

Шоров
Ахмед Лютович

счастье тому, кто потерял его», «Ради чего человек рождается», «Месть правого глаза», «Песнь земли» и др. содержатся глубокие размышления писателя о назначении человека на земле, о месте его в обществе.

Творчество Шорова удивляет многогранностью. Поэтическая эта строка или прозаическая, но каждая строчка, вышедшая из-под пера автора, радует читателя свежестью суждения и глубиной загадочной мысли. И задаешься вопросом: Ахмед Шоров больше поэт или писатель? Несомненно одно: и поэтические, и прозаические, и публицистические произведения автора одинаково сильны и в одинаковой мере отмечены недюжинным талантом. Но все же чаще хочется называть его поэтом. Почему? Наверное, потому, что, снова и снова перечитывая стихи Шорова, поневоле вспоминаешь слова известного турецкого поэта Тевфика Фикрета: «Да, уж это истина: проза – великая сила... но поэзия – язык небесных птиц, язык влюбленных... он доступен только кристально чистой душе... Поэзия – ледниковый родник, обласканный солнечными лучами, проза – резцовая скамейка возле него, чтобы подышать свежестью чистого родника и насладиться пением райских птиц...». И сейчас хочется побыть на свежем воздухе возле чистого родника А. Шорова, насладиться пением птиц на «резцовой скамейке», созданной его руками...

Поэзия Шорова – плод утонченной души, сотворенной для рождения песни, близкой всему живому, это волшебный музыкальный инструмент, извлекающий из себя божественные звуки, ноты добра, вселенской любви и сострадания. Лирический герой Шорова громогласно говорит о величии и несовершенстве мира, о его взлетах и падениях, о жестокости и милосердии, о целомудренности и раскрепощенности нрава, о широте души и мелочности, – обо всем том, что в совокупности называется жизнью. Иначе и быть не может: ведь он (лирический герой) создан воображением настоящего поэта, а значит, существом с открытыми нервами, любое соприкосновение которого с внешним миром, даже самое малейшее, сопровождается бурей эмоций, положительных или отрицательных, которые выливаются в высокий слог стиха. И этот стих не просто слова, а глас святого, выстрадавшего право говорить великой способностью страдать, страдать чужой болью и чужой радостью, сопереживать, возноситься торжеством свершившейся справедливости и низвергнуться вниз в пучину отчаяния от любой формы проявления людской жестокости и непорядочности. Для него не бывает малой или большой правды, малой или большой несправедливости, он причастен ко всему, что происходит вокруг него («Сопричастность»):

*Человек живет не одиноким,
За горами коротая век.
Думами своими и мечтами
С целым миром связан человек.
До всего доходят его мысли:
От галактик и до теплых трав.
Радости вселенские и муки
Жарким сердцем трепетно вобрал...*

Поэт готов принять «вселенские муки», лишь бы вывести формулу вселенского счастья, вселенского благополучия, чтобы никто не знал ни горя, ни печали. И ради такой цели стоит жить и творить.

«Не всякий, кто умеет говорить в рифму, имеет право называться поэтом!.. лишь избранные имеют на то право...» – утверждает в одном из своих писем друзьям великий поэт А. С. Пушкин. И это звание присуждается не сильными мира сего, а временем, которое все и вся пропускает через жесткое сито истины. С уверенностью мы говорим, что Шоров один из счастливых, отмеченных Богом. То есть Ахмед Шоров из тех немногих, кто имеет право говорить вслух. И он пользуется этим правом так, что окружающие не могут не слушать и не слышать его, потому что автор не умеет чувствовать наполовину, поверхностно, поэт каждому чувству отдает всего себя. Именно этим качеством и выстрадано им великое право говорить вслух и доносить свои мысли обо всем, что его волнует: о любви и ненависти, жестокости и милосердии, преданности и предательстве, постоянстве и изменчивости, щедрости души и алчности, красоте душевной и уродливости.

Неприятен образ старика в стихотворении «Не скроешь», который когда-то лишил себя двух пальцев, чтобы избежать призыва на войну, на которой погиб отец автора. Теперь этот старик ведет мирный образ жизни и старается вызвать жалость и сочувствие со стороны окружающих. Казалось бы, все просто и понятно до банальности: есть предатель – есть неизбежное презрение к предателю. И изменить подобное расположение двух противоположных духовных начал на «шахматной доске» жизни не подвластно даже времени. Но только глубоко талантливый человек может придать этой простой житейской истории такую неожиданную концовку, которая пламенными строками врежется в память и навсегда останется в ней...

*...Простить и я предательства не в силе,
Его я помнить буду навсегда:
Быть может, те два пальца б заслонили
В том же бою погибшего отца...*

Строки об отце всегда пропитаны болью утраты, особо звучат в устах поэта, но никогда не становятся проявлением отчаяния, напротив, они вселяют в него силу и гордость за родного человека, с честью выполнившего свой долг... Ведь жизненные невзгоды ломают слабого человека, а сильного они закаляют еще больше, подобно железу, которое, расплавляясь в огне и возрождаясь под струей холодной воды, превращается в сталь. Яркой иллюстрацией к этому явлению выступает жизнь и деятельность поэта Ахмеда Шорова, который никогда не видел своего отца, погибшего на фронте в годы Великой Отечественной войны, и рано познавшего горечь безотцовщины.

Мать и бабушка воспитали в нем настоящего патриота, привили неистребимую любовь к родному краю, народу своему, научили уважать в каждом человеке человека, не задумываясь над тем, какой он националь-

ности. Поэтому автор вдохновенно пишет о своей матери и посвящает ей свои лучшие стихи («Милая мама», «Маме», «Матери»):

*...Нежное сердце свое не жалея,
Ночи в тревоге проводишь без сна.
Стала годами ты снега белее –
Благословенна твоя седина!
Руки целую, пропахшие хлебом,
Слушаю тихие речи твои...
Как нам прекрасно с тобой, мама, рядом –
Ты ведь живешь для добра и любви!*

Тематический диапазон творчества Шорова удивительно широк. За пределами его творческой деятельности не остается и проблема подрастающего поколения. Поэт мечтает, чтобы детство всегда и везде было солнечным и счастливым, чтобы никто не повторил его тяжелой детской судьбы. Именно поэтому так много внимания талантливый поэт уделяет детям, в которых видит будущее своего народа, его надежду на возрождение. В этом отношении хотелось бы остановить внимание на сборнике стихов «Школьный звонок», прямое назначение которого состоит в том, чтобы учить детей любить мир и творить добро, так как только в этом и заключается призвание, земное назначение человека: научиться любить, просто любить мир, в который он пришел, а значит, и сделать его лучше.

Поэт внимательно и тревожно всматривается в лица ребят, которые после лета вернулись в родную школу, успев соскучиться по ней. Автор ищет и находит в каждом ребенке светлое будущее своего многострадального народа, ростки добра, которые необходимо взрастить умело и целеустремленно, чтобы никто и ничто не было потеряно для достижения гармонии в жизни народа и всей планеты («Звонок»):

*...Ах, звонок,
от зол житейских
ты ребят убереги,
и в родных сердечках детских
свет познания зажги!*

Таким образом, обладая талантом, Ахмед Шоров может смотреть на мир глазами детей, почувствовать многогранность мироощущения каждого ребенка, новизну восприятия мира чистой душой, не отягченной взрослыми проблемами. Поэт в состоянии проникнуть в заколдованный прекрасный мир детей, так, словно он сел бы в волшебный самолет, рейсом в волшебную страну детских грез со счастливым билетом, который может оказаться в руках только того взрослого человека, который сумел пронести через все годы детскую непосредственность, чистоту помыслов, умение удивляться, казалось бы, самому обычному... Сюжеты стихов поэта обычно незатейливы, язык прост и доступен, и в этом одна из причин их успеха.

В одном из стихотворений автор показывает гордость подростка, который уже способен помочь отцу в его нелегкой работе и, значит, способен приобщиться к великому таинству взрослой жизни мужчины, настоящего мужчины, способного отвечать не только за себя, но и за другого человека, дорогого, стоящего рядом и шагающего по жизни бок о бок. Отец привлекает сына к делу, которым он занимается, так как верит в него. А что может быть выше доверия того человека, которого ты любишь и ценишь!? И признается подросток, что самое святое чувство для него, это ощущать себя взрослым рядом с отцом («Вздрагиваю вдруг»):

*...вглядываюсь в радостные волны,
чувствую:
я сразу взрослым стал.
Служит экипаж
в составе полном –
юнга – я, а папа – капитан...*

Стихи А. Шорова мелодичны и просты по своему звучанию. Он умеет передавать все звуки природы. Он близок к ней, поэтому его интересует все, что связано с родной природой. И зима, и весна, и осень, и лето воспринимаются автором как самая красивая пора. В жизнеутверждающем оптимизме поэта бьет ключом истина: каждое время года – это великое явление, которое подпитывает душу человека теплотой и красотой загадочной неповторимости. «Автор, который в состоянии передать красоту природы в том виде, в каком она предстает перед нами в задумках создателя, – это отмеченный свыше талантом человек, который с другими темами справится легко, потому что природа, описание природы, преломленной через душу, самое трудное занятие...». Этим талантом, о котором говорил в свое время великий русский писатель Достоевский, обладает Ахмед Шоров в полной мере. Стихи Шорова учат детей, и не только детей, любви к родной природе.

С уверенностью можно сказать, что талантливый поэт и прозаик Ахмед Шоров обладает своим индивидуальным голосом, который слышен в любом «хоре», обладает неповторимым слогом, который не может быть перечеркнут или подавлен слогом другого автора. То есть Ахмед Шоров обладает самобытным талантом. «Любой поэт может оставить свое перо и больше к нему никогда в жизни не прикасаться, если одна единственная строчка, случайно выхваченная из всего его творчества, «не выдаст» имени ее творца...» Эти бессмертные слова гениального английского поэта Джорджа Байрона как ни к кому другому подходят к творчеству Ахмеда Шорова.

Стихи Шорова зачастую несут философский характер. Его лирический герой нередко задается извечным вопросом: «В чем смысл жизни, и каково место человека в ней?». Поэт не сомневается в том, что человек рожден для того, чтобы творить добро и приумножать на Земле любовь, которая имеет самые различные личины: любовь к родине, природе, животным, окружающему миру, трепетное отношение к любимой женщине...

*...Все молчат.
И только сердце споро –
Самый верный друг в моей судьбе –
Постучит:
«Для жизни стать опорой
жизнью предназначено тебе...»*

И в этом – смысл бытия, смысл жизни для поэта: быть опорой друзьям, семье, знакомым и незнакомым – каждому человеку, который нуждается в поддержке. Вот почему поэта Ахмеда Шорова всегда волнуют темы, связанные с утверждением таких непреходящих нравственных критериев, как доброта, стойкость, милосердие, отзывчивость, преданность, любовь к родине, верность своему долгу. Именно поэтому творчество талантливого поэта отличается высокой нравственностью и гражданственностью, неисчерпаемостью духовного потенциала, пробуждающего к жизни «подснежник», олицетворяющий силу духа, способного, в первую очередь, жертвовать собой, противостоять любым ударам судьбы, любым испытаниям, который в состоянии выйти из всех перипетий осветленное и мудрее («Подснежник»):

*...Но тут подснежник встал во весь свой рост
И так сказал: «Погибнете ведь все вы,
Вдруг на земле трещит мороз –
Седой зимы прощальные напевы?
Чтобы в живых остаться вы могли,
Пойду в разведку – ждите вы сигнала...»
И вскоре на поверхности земли
Его звезда живая засияла.*

И сияет «живая звезда» поэзии талантливого поэта, подобно подснежнику, неприхотливому цветку, не удивляющему пышностью форм, но волшебному благоухающему вестнику весны, тепла и солнца после долгой холодной зимы, необходимому каждому просто и ежедневно, как хлеб и вода, как теплый очаг и близкие люди рядом.

Наверное, поэтому Ахмед Шоров, будучи активной творческой личностью, находит время и для серьезной общественной работы. Отличаясь добросовестностью, он доводит до конца любое дело, за которое берется. Он создал первый адыгский детский журнал «Лэгъупыкъу» («Радуга») в Карачаево-Черкесии и с этого момента является его бессменным руководителем. Благодаря неустанному труду Шорова журнал процветает и пользуется большим успехом не только у детского населения, но и взрослого.

Он приложил массу усилий, чтобы Охиду Карданову, легендарному участнику Великой Отечественной войны, уроженцу аула Псауче-Дахе, было восстановлено присвоенное ему за особое мужество звание Героя Советского Союза. Теперь Ахмеда Шорова считают почетным гражданином аула Псауче-Дахе.

Правительство России и Правительство КЧР оценило плодотворную

общественную деятельность и творческие успехи Ахмеда Лютовича Шорова. Он награжден знаком «Отличник печати СССР», ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации и Карачаево-Черкесской Республики».

И все же главное в творческой жизни Шорова еще не достигнуто... А в чем суть этого главного, может решить только сам поэт и писатель. «Суть настоящего поэта в том, что он никогда не находит главного... чтобы не остановилось вечное движение к недостигаемой туманной вершине совершенства...» (*Кастро Алвес*).

И нам кажется, что сейчас кстати вспомнить слова Вергилия из «Философских рассуждений»: «Господь сотворил Вселенную в величии неповторимой красоты и... следом создал Поэта, чтобы изведать он силу этой красоты и познал истинное ее назначение... Вот и мучается Поэт с тех пор величием своего предназначения в поисках истины, смысла жизни... в поисках волшебного поэтического слова, единственного, способного стать ключом Вселенского счастья, Вселенской Любви, Вселенской Гармонии...».

Мы уверены, что Ахмеду Шорову, многосторонне талантливому и трудолюбивому поэту, еще предстоит найти Единственное Волшебное Слово, способное преобразить весь мир, способное установить Вселенскую Вечную Гармонию. Ведь совершенство не имеет предела...

Пшикан ТАОВ,
доктор экономических наук,
академик РАЕН,
заслуженный деятель науки РФ

Научное обоснование эффективности развития нетрадиционных отраслей сельского хозяйства в Кабардино- Балкарии

Процесс реформирования экономики Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики сопровождается инвестиционно-инновационным развитием различных отраслей сельского хозяйства, в том числе садоводства, плодово-ягодного производства, цветоводства, пчеловодства, выращивания лекарственных трав и сырья для парфюмерного производства. Последние десятилетия характеризовались снижением эффективности функционирования практически всех отраслей сельского хозяйства, в том числе традиционного ранее садоводства. Сложившиеся в эти годы тенденции определяют актуальность поиска путей преодоления кризисных явлений. И если говорить о традиционных путях развития АПК в республике, то здесь имеются положительные сдвиги, понимание и желание руководителей АПК, отдельных глав администраций и индивидуальных фермеров, которые направили свои усилия на возрождение и развитие в республике горного и промышленного садоводства, и важность этого направления развития АПК республики никто не оспаривает.

Наши предложения, с которыми вы ознакомитесь далее, направлены на внедрение дополнительных, новых, нетрадиционных для АПК республики путей развития, которые не требуют большого количества пахотных земель, менее капиталоемкие и энергоемкие. Эти предложения не просто позволят Кабардино-Балкарии подняться на более высокую ступень развития и занять свою нишу в АПК РФ, но и, что чрезвычайно важно для республики, дадут дополнительный импульс развития среднего и малого бизнеса, приведут к созданию новых производств и определенного числа рабочих мест на селе.

В нашей республике, где ощущается острый дефицит пахотных земель, одним из значительных ресурсов является освоение горных склонов и непригодных для сельхозугодий земель. Восстановление и освоение склоновых земель в республике должно развиваться в направлении создания специализированных плодово-ягодных хозяйств различных форм собственности. Республика обладает оптимальными природно-климатическими и рельефными условиями для выращивания плодово-ягодных культур, поэтому особое внимание со стороны органов управления АПК республики должно уделяться именно производству ягод, не требующему больших площадей и валовой сбор которых по сравнению с плодовыми деревьями происходит гораздо более быстрыми темпами. Это будет также способствовать развитию производственного потенциала по переработке

и хранению плодов и ягод. Переработка в целом выгодна: уровень рентабельности производства колеблется от 12,5 до 32 %. Для повышения эффективности переработки плодово-ягодного сырья необходимо производить новые виды продукции. Внедрение новых технологий и оборудования для производства быстрозамороженных ягод в организациях, выращивающих ягодные культуры, позволит сократить потери урожая, повысить эффективность их производства и обеспечивать население и санаторно-курортные учреждения продукцией круглый год.

Современное положение в стране характеризуется уменьшением посевных площадей ягодных культур и сокращением потребления продукции отрасли на душу населения. Среднедушевое потребление плодово-ягодной продукции населения России снизилось до 30 кг в год, что составляет менее половины обоснованных норм питания, а по сравнению с США – менее одной трети. Потребление ягод восполняется импортом, причем зачастую импортируются генетически модифицированные продукты, что негативно отражается на здоровье населения и продовольственной безопасности страны.

Одним из интересных направлений для республики является использование лесов, пойм рек для выращивания лесных плодовых, ягодных, декоративных, лекарственных растений. Это, в первую очередь, создание плантаций облепихи, шиповника, боярышника, калины, черноплодной рябины, черники и др. Для выращивания лесных плодовых, ягодных и орешниковых кустарников, лекарственных растений могут использоваться нелесные земли из состава земель лесного фонда, а также необлесившиеся лесосеки, прогалины, берега горных рек и другие, непокрытые лесной растительностью земли, на которых невозможно естественное возобновление леса, для посадки на них лесных плодово-ягодных культур. Выращивание лесных, плодовых, ягодных, декоративных, лекарственных растений представляет собой предпринимательскую деятельность, связанную с получением плодов, ягод, декоративных и лекарственных растений, которая обеспечит занятость трудоизбыточного ресурса в горных сельских районах. Участки лесов для выращивания лесных культур могут выделяться в аренду артелям, семейным подрядам и т. д. Определить подходящие для этих целей участки необходимо с участием муниципалитета районов, собственниками земель лесного фонда и при непосредственном участии ведущих специалистов СК НИИ горного и предгорного садоводства, которые разработают эффективную закладку и дальнейшее развитие плантаций, отвечающие местным условиям.

Не менее перспективным и приносящим ощутимую выгоду является цветоводство – выращивание цветочно-декоративных растений для получения цветов на срезку, высадки их в садах, парках, скверах, для внутреннего украшения помещений, для рассады, семенного и посадочного материала.

Цветоводством занимаются с глубокой древности. Священные рощи Древней Греции изобиловали розами, гвоздиками, нарциссами, лилиями, маками, маргаритками, примулами и др. цветочными растениями. В Древней Руси цветниками славились монастырские сады, сады князей и бояр, называвшиеся «раем» или «райгородами». В начале XVIII века в России

стали создавать архитектурные сады и парки с цветниками – Летний сад (1704) в Петербурге, сады Петергофа (1714–1725), позднее парки в Царском Селе, в крупных подмосковных имениях – Архангельском, Останкино и др., а в XVIII–XIX вв. – и за пределами столиц (например, Алушкинский и Ливадийский парки на Южном берегу Крыма и Атажукинский парк у нас в республике). В памяти старожилов г. Нальчика сохранились утопающие в розах и других цветах парк и проспект Ленина.

В настоящее время, с улучшением общего экономического положения в России и Кабардино-Балкарской Республике, возобновились реконструкция и благоустройство городов, промышленных центров, рабочих поселков, сельских населенных пунктов, что потребует большого количества семенного и посадочного материала, идущего на озеленение населенных мест и строительство садово-парковых комплексов.

Многие хозяйства республики с успехом могли бы специализироваться на выращивании лекарственных трав на экологически чистых, экспериментальных участках. А также – выращивание растительной продукции для парфюмерного производства. Для этого не нужно бурить скважины на своем участке, надеясь найти нефть. Ценное лекарственное сырье – растет прямо под ногами. Фармацевтическим заводам это сырье нужно как воздух, и они готовы платить за него неплохие деньги. Выращивание лекарственных растений на плантациях имеет ряд преимуществ перед дикорастущими растениями. Во-первых, их удобно собирать, во-вторых, зная особенность почвы, можно прогнозировать качество сырья. Кстати, за границей большая часть лекарственных растений выращивается на плантациях. До развала системы «Лекарспрома» этим занимались около 30 совхозов, сейчас – не более десятка.

Мир переживает бум «натуральных продуктов». Экологически чистые овощи и фрукты (разумеется, не подвергнутые генной модификации), одежда из хлопка или льна, мебель из древесного массива (а вовсе не из ядовитой ДСП) – вот что сегодня нужно «продвинутому» потребителю. Лекарство отнюдь не исключение. Лечиться пилюлями, изготовленными с применением высоких технологий, уже не модно. В тех случаях, когда речь не идет о смертельно опасных заболеваниях, пациент охотно делает выбор в пользу «народных» лекарственных средств. Чеснок спасает от гриппа, тыквенные семечки избавляют от кишечных паразитов – это знает каждый. Но список лекарственных препаратов на основе трав гораздо обширнее. И чуть ли не от каждого недуга в лесах можно отыскать целительное средство.

По статистике уже 54% американцев предпочитают лечение травами, а 60% из них принимают растительные лекарства ежедневно. Россия стремится Америку догнать и перегнать, и уже сейчас более 37% россиян используют лекарственные травы для лечения и профилактики различных болезней.

В Великобритании, Франции, Индии, Германии травы и прочие снадобья врачи выписывают своим пациентам чаще, чем обычные медикаменты. Во всем мире 40% фармацевтической продукции изготавливается из лекарственных растений. И в России на рост спроса уже отреагировали

аптеки. Сейчас 30% их ассортимента – лекарства растительного происхождения, и их доля постепенно растет. Соответственно растет и спрос на растительное сырье, применяемое для изготовления этих лекарств. В настоящее время с ростом спроса на натуральные лекарства ежегодная потребность российских заводов в лекарственном сырье составляет уже как минимум 48 тыс. тонн. Однако заготавливают травы по-прежнему мало – не более 18 тыс. тонн. Частично дефицит покрывается за счет импорта. По данным ГТК, в прошлом году в Россию было ввезено 2,6 тыс. тонн растений – почти на 9 миллиардов рублей. По признанию фармацевтов, эти деньги они охотно потратили бы на внутреннем рынке.

Фармацевтический бизнес весьма доходен: рентабельность торговли лекарствами сравнивают с рентабельностью торговли спиртным. Заготовка лекарственного сырья – не исключение, 30–40% прибыли в таком бизнесе заработать можно. Некоторые уверяют, что и 100% не предел, если продавать товар фармацевтическим заводам без посредников. Например, такие лекарственные травы, как зверобой, подорожник, череда, душица, цветы липы, березовые почки, пижма, девясил, шиповник, боярышник, мать-и-мачеха, рябина, радиола, элеутерококк пользуются стабильным спросом. На них приходится свыше 50% объема закупок лекарственного сырья. Некоторые растения – например, элеутерококк, радиолу розовую, цветы мать-и-мачехи и солодку – Россия традиционно экспортирует. По данным ГТК, в прошлом году за рубеж вывезено 120 тонн сырья на 317 млн. руб. Переработку растений можно начать с их измельчения и последующей упаковки. Это и есть продукт самой простой переработки растений. Рентабельность измельчения и упаковки, согласно расчетам экономистов Всероссийского института лекарственных и ароматических растений (ВИЛАР), – до 50%. Впрочем, это ясно и без сложных расчетов: средне-российские закупочные цены на сырье и отпускные цены на готовую продукцию разнятся почти в два раза. Самое прибыльное направление в переработке лекарственных трав – производство сухих экстрактов (выделенных из травы и высушенных активных веществ). Сейчас в России действуют около 10 производств экстрактов, но они не удовлетворяют потребности и на 1%. Фармацевтическая, пищевая и парфюмерная промышленность нуждаются в десятках тысяч тонн экстрактов. Кстати, сухие экстракты можно использовать и в пищевой промышленности для производства напитков на натуральной основе. Большинство прохладительных напитков производится из импортных концентратов, содержащих ортофосфорную кислоту, подсластители, искусственные красители, ароматизаторы. Промышленный выпуск прохладительных напитков из природных компонентов даст дополнительные прибыли и исключит вредное воздействие на организм искусственных концентратов.

Особое направление в переработке трав – изготовление ароматических масел. Несмотря на то, что масла стоят очень дорого (до \$ 30–50 за 1 мл), ароматерапия в мире популярна. В общем, лекарственные растения – товар ходовой. Их заготовка не требует затрат на специальное дорогостоящее оборудование, а финансовая отдача весьма ощутима. Переработка же изготовленного сырья потребует затрат на покупку оборудования, которые, по заключению экспертов, окупаются не более чем за полгода.

Кроме всего прочего, следует уделить внимание возрождению и дальнейшему развитию в республике пчеловодства, как одной из составляющей эффективно работающего садово-ягодно-цветочного комплекса. Первостепенно необходимо возродить ранее существовавший пчелопитомник. Развитие пчеловодства в республике следует рассматривать не только как для получения основного продукта – меда, но и, что очень важно, получения и реализации пчелопродуктов, к которым относятся воск, перга, прополис, пчелиное молочко, пчелиный яд. Эти продукты широко используются в медицине, косметологии, парфюмерии, пользуются большим спросом, и плюс еще опыление цветов.

Для внедрения этих перспектив в жизнь необходимы более углубленное изучение проблемы и разработка бизнес-планов по основным направлениям с учетом следующих особенностей:

1. Кабардино-Балкария была, есть и будет оставаться малоземельной (имеется в виду пахотные земли) республикой. При дефиците пашни требуется максимальное использование резервов – освоение под плодовые насаждения горных склонов, долин, рек, нелесных земель из состава лесного фонда и т. д.

2. Республика имеет трудоизбыточность в горных и предгорных селах. Сегодняшняя экономическая отсталость горных районов ведет к массовой миграции молодого, образованного населения на равнины. В этих зонах ограничены возможности развития других отраслей промышленности и сельского хозяйства. Садоводство, разведение ягодников, дикорастущих плантаций плодовых культур и организация их переработки позволит трудоустроить население.

3. Следует учесть, что основная масса населения в горных и предгорных районах ведет оседлый образ жизни, люди привязаны к местам обитания, не имеют достаточного элитного образования, в связи с чем не готовы к высококвалифицированному труду.

4. Сельское хозяйство во всем мире развивается по пути интенсивного промышленного и полупромышленного развития. Внедряются новые технологии, инновационные разработки с высокой производительностью труда и большими капиталовложениями. Такой путь развития для наших горных сел пока не приемлем, так как этот путь капиталоемкий, требующий больших вложений: финансовых средств, электроэнергии, топлива, минеральных удобрений и ядохимикатов.

5. Занятость трудоизбыточного населения горных сел в производственном труде позволит населению зарабатывать на жизнь, а не надеяться на дотации государства.

6. Позволит создать в горных и предгорных селах новую прослойку – грамотных фермеров и менеджеров, руководящую новыми отраслями сельского хозяйства, создаст конкурентную среду в области садоводства, растениеводства и др.

7. Потребуется развитие перерабатывающей отрасли – стационарные и мобильные мини-заводы, где также необходимы будут рабочие места.

Для разработки Плана организационно-технических мероприятий по развитию горно-предгорного садоводства, плодово-ягодных хозяйств,

плантаций лесных плодовых, цветоводства и выращиванию лекарственных трав необходимо:

1. В ближайшее время определить и разработать инвестиционно-инновационное направление развития отрасли, представляющее собой совокупность взаимосвязанных элементов, обеспечивающих комплексный подход к осуществлению процессов освоения научно-технических разработок с учетом требований рынка и позволяющих производить конкурентоспособную, экологически чистую плодово-ягодную продукцию, лекарственное сырье, пчелопродукты и цветы.

2. Создать специальную комиссию из ведущих специалистов СК НИИ горного и предгорного садоводства, Кабардино-Балкарской сельскохозяйственной академии, Кабардино-Балкарского НИИ сельского хозяйства, Агентства лесного хозяйства КБР, министерств сельского хозяйства, экономического развития и торговли, финансов КБР, практических специалистов, занимающихся этими вопросами, предпринимателей, заинтересованных в развитии данного направления, с целью всестороннего изучения указанной проблемы и разработки научно-практически обоснованной программы возрождения и развития садово-ягодно-цветочного производства в Кабардино-Балкарской республике.

Сформировать специализированные рабочие группы:

- по горному и предгорному садоводству;
- по разведению плодово-ягодных культур;
- по выращиванию лесных плодовых, ягодниковых и декоративных культур (облепиха, шиповник, боярышник, калина и т. д.);
- по выращиванию цветов, лекарственных растений и парфюмерного сырья и посадочного материала;
- по возрождению племенных пчеловодческих хозяйств и развитию пчеловодства;
- по финансово-экономическому обоснованию и обеспечению направлений проекта.

3. Создать организационно-правовые и финансово-экономические условия для остановки спада в садоводстве и предпосылок его устойчивого развития, а также развития новых направлений – плодово-ягодного комплекса, лесных плодовых, цветоводства и лекарственных растений.

4. Провести маркетинг научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) и эффективности внедрения научно-обоснованных адаптивно-ландшафтных систем горного и предгорного садоводства, ягодников, цветников для различных категорий хозяйств республики.

5. Обосновать возможность финансирования указанного направления АПК республики за счет средств Российской Федерации, предусмотренную рядом постановлений правительства РФ по поддержке сельского хозяйства регионов.

6. В связи с тем, что капитальные вложения, необходимые для перехода к оптимальному составу и структуре плодово-ягодных насаждений в сельскохозяйственных организациях республики, а также внедрению необходимого садооборота, окупятся в течение 3–5 лет, целесообразно

государству выдавать льготные долгосрочные кредиты на закладку многолетних насаждений. Выплата процентов по этим кредитам должна осуществляться с момента вступления закладываемых садов, ягодных кустарников и плантаций в товарное плодоношение.

7. Разработать механизм компенсации хозяйствам затрат на приобретение минеральных удобрений и химических средств защиты, а также дизельного топлива.

8. Разработать схемы возмещения части процентных ставок по кредитам хозяйствам, успешно внедряющим и продвигающим указанные направления.

9. Сформировать эффективную организационно-производственную структуру отрасли, обеспечивающую высокие темпы развития садоводства, плодово-ягодного комплекса, цветоводства и выращивания лекарственного сырья. В условиях республики целесообразно создать Ассоциацию садово-плодоводческих организаций, объединяющую все производственные садово-плодоводческие предприятия республики, опытно-производственные хозяйства и научные учреждения, занимающиеся плодоводством, цветоводством, пчеловодством, выращиванием лекарственного сырья, а также организации, производящие и реализующие посадочный материал, перерабатывающие предприятия и др.

10. Обеспечить хозяйствам возможность выбора и приобретения сельскохозяйственных машин, предназначенных для выращивания этих культур.

11. Осуществить мероприятия по раскорчевке малопродуктивных земель, выбору и отводу участков под закладку плодово-ягодных культур в районах республики.

12. Разработать мероприятия по использованию лесов, пойм рек для выращивания лесных плодовых, ягодных, декоративных, лекарственных растений, созданию плантаций облепихи, шиповника, боярышника, калины, черноплодной рябины и др.

13. Возродить племенные пчеловодческие хозяйства и интенсивно развивать пчеловодство, как одно из составляющих эффективно работающего садово-цветочно-ягодного комплекса республики.

14. Возродить работу садовых плодопитомников для обеспечения посадочным материалом и создать плодопитомники для выращивания саженцев ягодных, дикорастущих плодовых культур при НИИ горного и предгорного садоводства. При НИИ сельского хозяйства создать опытные станции по выращиванию лекарственных трав. Для выращивания цветочного посадочного материала выделить опытное поле при Ботаническом саде или при «Горзеленхозе». Выращивание посадочного материала можно организовать и на коммерческой основе.

15. Сформировать рыночную инфраструктуру по обеспечению переработки и сбыта продукции – ягод, фруктов, цветов и лекарственного сырья, агро-сервисное обслуживание отрасли, информационную поддержку отрасли.

Майя БУГОВА,
зав. кабинетом иностранных языков ИПК
(1981–2006 гг.)

Сохраним многоцветье языков

*И так я все глубже погружался
в бурное море человеческого общения.
Св. Августин*

Социально-экономические и культурные преобразования, происходящие в современном мире, как никогда прежде обострили тенденцию к согласованному решению многих глобальных экономических и культурных проблем. Необходимость договариваться по различным сторонам человеческих взаимоотношений стала очевидной.

Многие годы мы относились к иным народам и их культуре как к «чужим», а не «другим». Может быть, потому, что время шло медленнее, расстояния были длиннее, а жизнь короче. А сейчас – самолеты, скорые поезда, многоканальный телевизор, колоссальные информационные возможности Интернета, мобильные телефоны. Запросто можно созвониться со своими близкими на другом континенте. И вдруг оказалось, что мы так близко, так «рядом», что уже пора не просто познакомиться, а постараться понять друг друга. Может быть, не в последнюю очередь и поэтому мы являемся свидетелями небывалого лингвистического бума, захватившего буквально весь мир. Не случайно ЮНЕСКО провозгласило XXI век веком полиглотов. В последние годы стала ощущаться необходимость в практическом овладении иностранными языками специалистами всех областей науки, производства, культуры. Возросла роль иностранных языков в современной жизни европейских и других государств. Все большая открытость, вхождение в мировое пространство сделали иностранные языки реально востребованными и повысили мотивацию к их изучению.

Современная политика в области обучения иностранным языкам основана на лингвистической политике Совета Европы, которая направлена на «сохранение и умножение языкового и культурного многообразия как источника взаимного обогащения».

Основной целью обучения иностранным языкам является формирование коммуникативной компетенции, которая в современном ее понимании предполагает наличие готовности, желания и способности к открытому межкультурному взаимодействию.

Некоторые лингвистические институты и университеты уже готовят не только филологов, переводчиков и преподавателей иностранных языков, но и специалистов по международной коммуникации.

Наибольшей востребованностью сейчас пользуется английский, как наиболее распространенный язык международного общения. Он является уникальным средством осуществления межгосударственных

контактов разных уровней, то есть играет ту же роль, которую когда-то играла латынь.

До 40-х годов XX столетия немецкий и французский языки были наиболее изучаемыми иностранными языками. Сейчас соотношение резко изменилось (в пользу английского языка). Это объективная тенденция, которая обусловлена геополитическими и социально-экономическими факторами, и она характерна для многих стран мира.

Английский язык постоянно обновляется, приспосабливаясь к новым условиям. Сегодня словарь английского языка составляет один миллион словарных единиц, половина из которых является техническими терминами. Для сравнения отметим, что словарь немецкого языка насчитывает менее 200 000 слов. По количеству говорящих на нем людей, английский язык стоит на втором месте в мире. Около миллиарда говорят на китайском, в то время как 750 миллионов на английском. Для 350 миллионов он является первым языком. 75% почтовой корреспонденции и 94% мировой Интернет-коммуникации приходится на английский язык. Около половины мировой научной литературы тоже издается на английском языке. Многие международные научные встречи, конференции, симпозиумы проходят на английском языке и даже часть уже без переводчиков, поскольку само присутствие на таких мероприятиях уже предполагает достаточно высокий уровень владения этим языком.

Программы по иностранным языкам стали занимать значительное место в учебных планах многих зарубежных вузов и школ. Во многих из них на изучение языков отводится завидное количество часов. Можно привести в пример скандинавские страны. В Швеции, к примеру, иностранный язык начинают изучать уже с семи лет, как раз тогда, когда ребенок приходит в школу. К одиннадцати годам он изучает уже второй, а иногда даже и третий язык.

В Греции дети дополнительно изучают иностранные языки в частных лингвистических центрах, в так называемых *frontes-teria*. Многие родители в этой стране стараются заранее подготовить своих детей к получению образования в зарубежных вузах.

Во Франции и Германии хорошо говорят по-английски. Правда, французы предпочитают, чтобы зарубежные гости старались говорить с ними по-французски, поскольку они традиционно бережно относятся к своему языку и своей культуре и стараются делать все для их сохранения и распространения.

Следует отметить, что спрос на изучение иностранных языков сейчас идет в двух направлениях: с одной стороны в явном предпочтении английского языка, а с другой – в стремлении к изучению второго и даже третьего языков. Как правило, это немецкий, французский, итальянский, испанский. В последнее время растет интерес к изучению русского языка как иностранного. Впрочем, неизменная тяга к русской классике XIX века всегда питала и поддерживала этот интерес.

Сегодня действительно как никогда важно научиться понимать друг друга. Но просто знание языка само по себе почти бесполезно и не мо-

жет решить никакой проблемы. В языке лишь заложены потенциальные возможности, облегчающие понимание культуры другого народа, а также признание самобытности и уникальности любой культуры вообще.

В психологии обучения иностранным языкам есть такое понятие «inter-cultural misunderstanding». Это когда даже при знании одного «общего» языка, но, являясь представителями разных культур, партнеры не могут понять друг друга и говорят как бы «мимо». Специфическое видение мира, типичное для данной культуры, может в значительной мере отличаться от мышления и поведения, культуры и философии другого народа. Язык помогает осмыслить эти особенности.

Есть люди, вполне образованные, которые считают, что было бы лучше, если бы был вообще один язык. Для меня это был бы как газон, на котором растет трава, но никогда не растут полевые цветы. Конечно, и газоны нужны, но как беден бы был мир без пьянящих лугов и полей много травья и многоцветья.

Когда мы сравниваем два языка, то видим, что они отличаются по наличию определенных слов и терминов и иногда настолько, что мы можем прийти к выводу: большинство слов вообще не имеет абсолютно точных переводных эквивалентов. Хотя, конечно, с определенными усилиями можно выразить все что угодно на любом языке, но с разной степенью легкости.

Приведу несколько примеров. В английском языке есть обобщающие слова «животное», «птица», «насекомое», «существо», которых нет в других языках. В арабском языке существует множество слов для обозначения различных пород лошадей, но отсутствует обобщающий термин для лошади «вообще»; в языке ацтеков одно слово означает снег, лед и холод. В английском языке для обозначения таких понятий есть несколько, а в языке эскимосов – много. Здесь можно было бы привести множество примеров, но приведу хотя бы несколько, которые многим из нас, в равной степени владеющим русским и кабардинским, были интересны. Для кабардинского слова «псапэ» нет в русском языке однозначного эквивалента. Весьма обобщенное в этом смысле понятие слова «добро» может лишь частично покрыть его значение, поскольку в нем нет присутствующего в кабардинском варианте специфически религиозного оттенка (т. е. «псапэ» – это добро, за которое непременно «воздастся»). Можно приблизиться к переводу, используя слово «благодетение», но, в отличие от кабардинского слова «псапэ», им почти не пользуются в обиходной речи.

В кабардинском языке нет обобщающего слова «брат», но есть два слова (кьуэш, дэльху), которые одновременно уточняют, кому это брат, брат по отношению к человеку мужского пола или женского пола. Нет в кабардинском языке и обобщающих слов «дядя», «тетя». Для обозначения каждого из этих слов есть два, которые, включая в себя обобщенные понятия, одновременно указывают и на конкретную генеалогию родства, то есть «дядя», «тетя» по линии матери или по линии отца (анэ шыпхьу, анэ дэльху; адэ кьуэш, адэ шыпхьу). Слов «племянник», «племянница»

нет вообще. Вместо них используются развернутые пояснения (сын моего брата, дочь моего брата; сын моей сестры, дочь моей сестры). Слов двоюродный брат, двоюродная сестра тоже нет. Для обозначения этих понятий используются те же слова, что и для родных (кьюэш, дэльху; шыпхьу). Но это совсем не говорит о меньшей значимости такого родства. Даже, скорее, наоборот. Как правило, кабардинцы склонны проследживать свои родственные связи, что называется, до седьмого колена. Мне кажется, что в данном случае отсутствие этих слов можно было бы толковать таким образом, что они считают такие отношения настолько близкими, что уточнения им кажутся не столь уместными. Но это только мое мнение.

Однако не будем увлекаться примерами. Их можно приводить до бесконечности. Нам важно было обратить внимание на сам феномен языковых различий, на то, что в некоторых языках определенные слова имеют дополнительные оттенки или аспекты значения, которыми не обладают близкие им слова в других языках. В русском языке слова «друг», «подруга» подразумевают очень серьезные, близкие и ко многому обязывающие отношения. На английском языке слово «друг» переводится как «friend». Но многие люди, которых американцы называют друзьями, для нас были бы всего лишь знакомыми.

Были ли вы свидетелями тому, как два человека, оба владеющих одинаково хорошо, скажем, кабардинским и русским, при общении «перескакивают» с одного языка на другой? Видимо, ощущая подсознательно эти различия, человек, беседуя с таким же билингвистом, как он, переключается время от времени на тот язык, который облегчает ему решение коммуникативной задачи.

Но, помимо языка и грамматики, эти различия еще и крепко завязаны на особенностях речевого и неречевого поведения, принятого в данном культурном сообществе. В каждой культуре есть некий набор поведенческих норм, который может значительно отличаться от другого. Незнание этих норм может привести к непониманию, и даже неприязни и отчужденности. Особенно это касается каких-либо значимых социальных контактов и деловых встреч, на которых заранее планировалось прийти к соглашению и взаимной выгоде. Но чтобы быть «принятым» в данном сообществе, недостаточно знать эти правила, а следует «вести себя так, как будто вы знаете эти правила». Скажем, в английском очень часто можно обойти проблему социальных взаимоотношений, говоря на общие темы и не называя человека по имени. Говоря по-немецки или по-французски, вы обязаны как-то отразить свои взаимоотношения с ним в смысле статуса и степени близости в тех формах, которые приняты в данном обществе.

В Японии или Китае, где к этикету относятся очень серьезно, и он носит почти ритуальный характер, иногда даже серьезная сделка может сорваться, если вы вели себя неподобающим образом, например, были слишком настойчивы, назойливы, фамильярны и не смогли оказать своему партнеру подобающего его статусу внимания.

В адыгском этикете языковые и поведенческие нормы строго регламентированы. Они расписаны буквально на все случаи жизни. Строго соблюдается статус партнеров, но он имеет не столько социальную значимость (большая служебная должность, высокое общественное или имущественное положение), сколько основан на представлениях о возрасте, родственных отношениях, принадлежности к определенному полу и т. д.

Если говорить о значении языка в постижении культуры, то следует отметить, что главное состоит в том, что, изучая другой язык, человек овладевает гораздо большим, чем каким-то конкретным набором умений. Он овладевает знаниями, которые позволяют ему выйти за пределы известного ему мира и его представлений о нем, начать понимать его многообразие и ощущать себя субъектом этого многообразия.

И, наконец, последнее, но самое главное. В мире около 30 тысяч языков и диалектов, но, к сожалению, многие из них исчезают, а с ними уходит культура и бесценный опыт народа. Поднять эти затонувшие сокровища, наверно, уже будет невозможно. Нам надо только понимать, что теряет не только народ, чья культура умирает, теряем мы все, потому что культура – это часть того общего, что одинаково принадлежит нам всем, часть того, что во всем мире сейчас принято называть «*common heritage of mankind*», то есть всеобщее достояние.

Традиции и новации в общественном и семейном быту балкарцев в пореформенный период

Вхождение в Россию Кабарды в 1557 г., а Балкарии – в 1827 г. происходило в различные исторические эпохи. Кабарда была включена в сферу самодержавного российского государства в период его становления, Балкария – в период Кавказской войны и усиления колонизаторской политики Российской империи, которая ставила цель расширить свои территории и удержать их, не пренебрегая принудительными и мирными средствами. Принятие Балкарией российского подданства связано с именами А. П. Ермолова и Г. А. Емануэля.

В 1822 г. возглавляемый А. П. Ермоловым экспедиционный корпус достиг пределов Балкарии. Пройдя боями через Кабарду, заложил здесь целый ряд опорных пунктов, в том числе и укрепления у выходов из ущелий. Отныне все контакты горцев с населением равнины должны были контролировать гарнизоны этих укреплений, в числе которых Каменномостское, Баксанское, Нальчикское, Урухское и др. Особая строгость проявлялась в отношении непокорных кабардинцев. Здесь необходимо отметить, что при любых условиях дислокации царских войск на Кавказе не зафиксирован ни один случай предательских действий балкарцев против своих соседей и соплеменников.

Речь может идти о помощи, сочувствии их борьбе или о нейтралитете в интересах самой Балкарии, ищущей пути к подданству России, чтобы избежать людских потерь в неравной схватке с царизмом. Кроме того, Балкария стремилась выйти из пространственной изоляции, в которой оказалась после так называемого «золотоордынского» периода¹, прерванного роковыми походами Тамерлана в 1395 г. Именно тогда балкарцы были оттеснены в глубь ущелий Центрального Кавказа – горной части своей этнической территории.

В решении судьбоносных проблем балкарцы очень часто прибегали к мирной дипломатии. В таком ключе действовала балкарская депутация в переговорах с Верховным командованием на Кавказе, когда появились предпосылки принятия подданства России. 11 января 1827 г. феодальная знать горцев – представители всех балкарских обществ – спешно прибыли в г. Ставрополь к генерал-лейтенанту Г. А. Емануэлю и принесли присягу на верность России. Успешную реализацию миссии, возложенной на балкарскую делегацию для принесения присяги на верность России, и прохождение ее по инстанции в январе 1827 г. впервые М. К. Абаев справедливо связал с датой присоединения Балкарии к России.² Ссылаясь на труды дореволюционных авторов, этот год указывает и известный кавказовед Л. И. Лавров³. Давая оценку присоединения Балкарии к России, В. М. Батчаев пишет, что «кардинальное решение наиболее актуальных

¹ Батчаев В. М. Балкария в XV – начале XIX вв. М., 2006. С. 184.

² Абаев М. Х. Балкария (Исторический очерк) // «Мусульманин». Париж, 1911. С. 606.

³ Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС, № 4. М., 1969. С. 95.

проблем своего народа таубии справедливо видели в сближении с Россией (не забывая, конечно, и о своих сословных интересах). Отсюда – нарастание пророссийской политической ориентации горских обществ, зародившейся никак не позднее XVII столетия. Вмешательство генерала А. П. Ермолова ускорило достижение намеченной цели, а окончательное вхождение Балкарии в состав Российской империи ознаменовало собой конец средневековья и вступление горцев в эпоху своей новой истории».¹

По мнению Л. И. Лаврова, после присоединения к России Балкария оказалась втянутой в общероссийский поток социально-экономического развития. Наиболее характерными фактами в этом плане Л. И. Лавров считает отмену крепостного права, значительный подъем скотоводства, внедрение более интенсивных методов земледелия и возделывание новых сельскохозяйственных культур, проведение колесных дорог, рост торговых связей, появление первых кустарных предприятий, первые шаги школьного образования, ускорение классовой дифференциации населения.² К данному ряду фактов можно добавить увеличение численности населения. Так, «с 1827 по 1903 г. население Балкарии увеличилось на 340%. Рост численности шел преимущественно за счет естественного прироста населения».³ Северокавказское мухаджирство коснулось и балкарцев. Правда, исход населения Балкарии не был массовым.

Население само по себе стало более подвижным благодаря отходничеству на заработки коренных жителей, появлению в Балкарии сезонных рабочих и ремесленников из других районов Кавказа.

Балкария, как и любая другая окраина Российской империи, веками развивалась за счет внутреннего потенциала. Но длительная изолированность чревата для любого общества относительной стагнацией. Поэтому активное вмешательство после окончания Кавказской войны со стороны российской администрации предопределило меру преобразований, вызванных реформами 60–70-х гг. XIX в. Как известно, кардинальные изменения происходили в результате крестьянской реформы 1867 г., затронувшей основы базисных структур феодальной системы в Балкарии, как и у других горцев Северного Кавказа. Внешне освобождение зависимых сословий напоминало цивилизованную акцию. На самом деле все категории крестьян, так или иначе, стали жертвами реформы, получив «освобождение» за выкуп. Феодальная знать в лице таубиев и узденей сохранила многие привилегии. При всем при этом реформа открыла путь к бессословному и частносемейному землевладению при сохранении принципов общинной и фамильной земельной собственности.⁴

Крестьяне любой ценой стремились обрести личную свободу. Ценой в буквальном смысле становилось имущество, кто его имел, чтобы откупиться. Те же, кто не владел имуществом, становились временно обязанными, чтобы отработать в течение шести лет независимость у

¹ Батчаев В. М. Указ. раб. С. 186.

² Лавров Л. Т. Указ. раб. С. 97.

³ Битова Е. Г. Социальная история Балкарии XIX века. Сельская община. Нальчик, 1997. С. 29.

⁴ Кучмезова М. Ч. Землевладение и землепользование в Балкарии по обычному праву в XIX в. // Вестник КБНИИ. № 6. Нальчик, 1972. С. 226.

своих владельцев.¹ Активная часть откупившихся крестьян уходила на заработки за пределы Балкарии, чтобы накопить кое-какие средства и как-то наладить жизнь. Предприимчивые люди при условии разрушения традиционной сословной структуры, скупая земельные участки, организуя хозяйство достаточно рентабельно, пополняли ряды сельской буржуазии – кулачества. Отходничество и кулачество – это совершенно новые явления пореформенной Балкарии, равно как и других окраин и метрополии Российской империи.

Поиски полезных ископаемых Исхаком Муллаевым, завоз коров швицкой породы Дадашем Малкаруковым, устройство сыроваренного завода Исмаилом Урусбиевым – это свидетельство не только промышленного производства, но и зрелого экономического буржуазного мышления у передовых представителей местного населения дореволюционной Балкарии.

В пореформенный период и в других областях развитие шло в общероссийском русле. В результате реформ 60–70-х гг. XIX в., совпадавших с таковыми и в Центральной России, были внедрены в жизнь административные, судебные, управленческие, фискальные акты. Вертикаль власти от сельского управления до окружного начальства обслуживал новый чиновничий аппарат.

До 60-х гг. XIX в. горское население Северного Кавказа находилось в подчинении военных властей левого и правого крыла Кавказской линии. С 60-х гг. все пространство Северного Кавказа было поделено на Ставропольскую губернию, Кубанскую область и Терскую область.² Области, в свою очередь, были разделены на округа. Округа – на участки. Кабарда и Балкария входили сначала в Кабардинский округ, который был преобразован в Георгиевский (1871)³, затем в Нальчикский (1882)⁴.

Модернизация коснулась местного самоуправления, судебных органов, налогообложения населения и т. д.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что в пореформенной Балкарии имели место значимые изменения и сдвиги во всех областях жизнедеятельности, которые можно охарактеризовать как инновации. Однако пристальное знакомство с историей и бытом дает основание утверждать, что преобладали эндогенные компоненты в соционормативной культуре. В балкарской сельской общине были устойчивы корни традиций, обычаев, этикетных стереотипов, ментальных представлений, этнических предпочтений и т. д. Причину такого явления в балкарском обществе в пореформенный период, когда Российская империя находила выгоду в освоении окраин, использовании их природных и людских ресурсов, можно объяснить спецификой хозяйственно-культурной типологии балкарских обществ. Другая причина, на наш взгляд, заключалась в том, что над общественным и особенно семейным бытом не довлел тотальный контроль колонизаторской политики, а действовал весьма эффективно традиционный

¹ Коллектив авторов. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). М., 1988. С. 273.

² Там же. С. 278.

³ Там же. С. 280.

⁴ Гугов Р. Х. Совместная борьба народов Терека за советскую власть. Нальчик, 1975. С. 54.

общественный контроль в оценке деятельности коллектива и отдельного индивидуума балкарского социума. Была еще одна причина. Балкарцы не стали фанатичными приверженцами ислама, не освободившись полностью от реликтов христианства и древних верований. Помимо сказанного, старания духовных деятелей активно внедрять нормы ислама закончились тем, что шариат и адаты органично переплелись. Этому способствовало то, что сходилась во многом этическая сущность адата и шариата. Рассенив подобный феномен в своих интересах, кавказская администрация безболезненно распределила функции русского законодательства, адата и шариата как в общественном быте, так в семейной и частной жизни населения в пореформенной Балкарии. Исходя из этого, можно расставить акценты, что было традиционно и что инновационно.

Основной социальной единицей балкарского общества в XIX в. являлась сельская община, в которую входило несколько населенных пунктов. В первой половине XIX в. встречались еще родовые (фамильные) поселки. Во второй половине того же века преобладали крупные полигенные поселения с фамильными кварталами (тукьум тийре). В целом поселения и жилища по своей планировке относились к горному типу. Рациональное отношение к землям хозяйственного назначения издавна влияло на выбор места для поселения.¹ На крутых склонах селения имели террасный характер – жилища устраивались уступами и крыша нижнего служила двором для вышестоящего.

Вследствие политических и социальных изменений пореформенного периода оборонительные и феодальные башни превратились в достопримечательности Балкарии. Жилые и оборонительные башни, отдельные конструкции традиционных домов архитектор Э. Б. Бернштейн сравнил с палаццо времен Римской империи, памятниками Греции и Египта.² Примечательным фактом является вторичное обживание предгорных селений, как, например, Кашхатау, Кенделен, образованных в 80-х гг. XIX в. в связи с переселением безземельных горцев.³ В этих селениях воздвигались постройки с двухскатной крышей, не было родовых кварталов, хотя родственники старались селиться поблизости.

С появлением колесных дорог, по которым доставлялись новые строительные материалы, и расширением регулярных контактов с русскими происходит некоторая модернизация старинных жилищ. В. Миллер и М. Ковалевский, посетившие Балкарию в 80-х гг. XIX в., по поводу приема, оказанного им в Хуламе старшиной Шакмановым, писали, что хозяин пригласил их в помещение «с чистыми деревянными полами, стульями, со стеклянными рамами, выстроенное уже русскими плотниками в недавнее время. Как представитель местной администрации, старшина уже перенял кое-что от русских и, очевидно, жертвовал своим помещением гостям».⁴ Немецкий путешественник Г. Мерцбахер, побывавший в Балкарии в конце XIX в. выделил среди остальных жилищ «большой княжеский дом под

¹ Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев (вторая половина XIX – 40-е годы XX в.). Нальчик, 1976. С. 25.

² Происхождение балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С. 190, 191.

³ ЦГА КБР, ф.4, оп.1, д. 38, л. 3 и об.

⁴ Вестник Европы. Кн.4. СПб., 1884. С. 552.

красной черепицей, с европейскими окнами, с белоснежными гардинами». ¹ Кунацкую фамилии Урусбиевых, где останавливались в XIX – начале XX вв. многие выдающиеся русские и иностранные ученые и деятели культуры, Н. Тавлинов описывает так: «Обширная сакля построена из колоссальных бревен. В передней стене ее в самой середине, устроен красивый очаг с высокой открытой трубой; в боковые стены вделаны в несколько рядов полки с причудливой восточной резьбой; на задней стене по всем полкам навалены груды перин, красивых шелковых одеял и подушек, которые тщательно занавешены азиатскими покрывалами». ² Традиционно стены увешивались коврами домашней работы и старинным кавказским оружием.

Облик поселений, особенно предгорных, архитектурные изыски, интерьер стационарных домов и кунацких – наглядная демонстрация традиций и новаций в материальной культуре и свидетельство трансформации эстетической и ритуально-обрядовой системы бытовой культуры балкарского этноса.

Основными занятиями балкарцев были скотоводство, которое приносило самый большой доход, земледелие, которое требовало ежегодного ухода за пашней (террасирование, очистка от камней, доставка органического удобрения, полив от специальной оросительной системы общины и т. д.), ремесла (обработка шерсти для кийизов, сукна, черкесок, бурок, башлыков, войлочных шляп), выделка кожи (шубы, обувь, пояса), обработка металла (оружие, сельскохозяйственные орудия). Женщины, особенно привилегированных сословий, занимались золотым шитьем, украшая одежду и головные уборы. Новым для пореформенного периода было то, что скот и часть ремесленных изделий становились предметами торговли. Например, в Балкарии в конце XIX в. производили 390–400 аршин сукна в год. ³ Безусловно, часть этой продукции сбывалась на рынках Северного Кавказа. Скот перегоняли и через перевалы для продажи. Именно в пореформенный период появились скупщики скота (*саудюгерчи*). «Все хозяйственные работы вне двора: подготовка почвы к пахоте, начало пахоты, сев, уборка хлебов, начало сенокоса, выпас скота, перегон на летние или зимние пастбища – проводились согласованно, т. е. регулировались общиной, хотя являлись частным делом каждого». ⁴ Многие из перечисленных видов деятельности сопровождались обрядовыми играми, праздниками.

Балкарские трудовые, календарные и иные праздники и обряды наглядно представляли традиционную культуру, а в их организации проявлялся творческий подход участников. Выработанная веками символика придавала обрядам торжественность и красочность праздничного действия.

В трудовых процессах балкарцев игровой момент, восходящий к древним народным традициям, также имел очень большое значение, обнаруживая в себе магические функции, – участники обряда пели песни

¹ Газ. КБП, 1965, июнь.

² Кучмезова М. Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиция и современность. Нальчик, 2003. С. 10.

³ Коллектив авторов. История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). М., 1988. С.314.

⁴ Битова Е. Г. Указ. раб. С. 97.

и исполняли ритуальные танцы в честь верховного божества Тейри, а также в честь божеств плодородия, грозы, молнии и грома – Чоппы, Элии, Шибли. В пантеоне аграрных божеств балкарцев видное место занимал и Хардар, носивший эпитет «золотой». В Чегеме широко и пышно, с приношением в жертву быка проводили земледельческий обряд «Гутан»¹. Праздник первого выхода на пахоту назывался *сабан той*. В нем участвовали группы отдельных домохозяев (*сабан жыыйн*) или жители всего селения. Для жертвоприношения по этому случаю откармливали специальное животное, которое первым родилось (*тёлю баи*) в отаре овец во время предыдущего окота.

Известным для всех жителей Балкарии праздником, привлекавшим также представителей из Карачая и Дигории, был праздник «Голлу», приуроченный к весеннему равноденствию. Для общей трапезы над кострами варилось мясо в котлах. Общее веселье сопровождалось танцами, скачками. На этом празднике проводились своего рода конкурсы: оценивали знание «Тау адет», отмечали стать и осанку, умение танцевать. Девушку, выбранную на «Голлу», окружали особым вниманием и почитанием, что продолжалось и после завершения праздника. Танец с такой девушкой был желанен и престижен.² Помимо «Голлу» в каждой семье отмечали день весеннего равноденствия с приготвлением особого кушанья из девяти видов зерен злаковых, фасоли, мяса и т. д. Это обрядовое блюдо известно под названием *ашыра жырна*, *ашыра гёже*. Соседи угощали такой кашей друг друга, обнося дома.

В день летнего солнцестояния совершали игру-обряд «Элек кыз» (*элек* – сито, *кыз* – девушка). Сито, как круг (колесо) символизировало дневное светило – солнце. Обряд происходил так: девушку-первенца (*тунгуч*) наряжали в длинное платье-балахон. На вытянутых к небу руках она держала сито, обтянутое цветной тканью с нашитыми пуговицами и монетами. Девушки, распевая обрядовую песню, водили Элек-кыз от одного двора к другому, а когда главный персонаж, передвигаясь, вращала сито справа налево, то пуговицы и монеты, касаясь друг друга, звенели по-особому. Услышав песню и звон, мужчины и женщины молили бога о хорошем урожае, об отвращении стихий и т. д. Обряд напоминал сам по себе «Озай», хотя имел другую функцию: вымалывание и сохранение хорошего урожая. По агрономическим наблюдениям балкарцев злаковые идут в рост и колосья наливаются соком после летнего солнцестояния.

Сенокос организовывал и мобилизовывал общину. Для косарей так же, как и для пахарей, резали годовалого барашка, появившегося первым в отаре, готовили бузу и айран.

Важным событием была стрижка овец, также начинавшаяся с магических ритуалов. Женщины приходили к стригалям с национальными пирогами (*хычин*), сложив их на чистую солому. Перекладывать пироги на блюдо запрещалось (*ырыс*). При стрижке овец нельзя было употреблять жареную пищу.

Описанные выше и им подобные праздники сплачивали общину и

¹ Кучмезов Б. Х. Земледельческий обряд «Гутан» у балкарцев // Нравы, традиции и обычаи народов Кавказа. Пятигорск, 1977. С. 87, 88.

² Полевой материал. В. Балкария. 1975.

способствовали успешному исходу жизненно-необходимой деятельности. Этим можно объяснить их длительное бытование.

В пореформенный период из общественного быта почти исчезло атальчество. Наиболее устойчивым оставалось гостеприимство. У балкарцев, как и других народов Кавказа, поддерживающих дружественные отношения с соседями, гостеприимство имеет давние истоки. Ритуалы приема гостей и застольный этикет – один из интереснейших комплексов этнических признаков поведения. После присоединения Балкарии к России и, особенно, во второй половине XIX в. возрос интерес к народу и экосистеме Балкарии. Этим объясняется приезд сюда ученых и деятелей культуры не только русских, но и иностранцев. Внимательное отношение и комфортные по условиям тех времен прием и содержание гостей отмечали все, кто побывал в Балкарии в разные годы.

Дружественные и надежные отношения складывались между кунаками. Куначество, кажется, переживало второе рождение в связи с появлением в Балкарии дагестанских мастеров по изготовлению предметов из меди, акробатов-канатоходцев, артистов самодельного кукольного театра «Каспорка». Имели своих кунаков люди, проходящие в ущелья с целью мелкой оптовой торговли.

Оживлению внешних и межобщинных связей способствовало появление колесных дорог, в строительство которых вложили огромный труд и средства сами балкарцы.

В семье – первичной ячейке общества, важнейшем социальном институте, происходит первичная социализация личности, усваиваются традиции предшествующих поколений. Различным историческим периодам соответствовали различные типы семьи. Важным этапом развития семьи была большая патриархальная семья, состоящая из нескольких элементарных семей и поколений, где счет родства ведется по мужской линии.

Если до отмены крепостного права у балкарцев господствующим типом была большая отцовская семья, то уже к концу века преобладали братские семьи. Власть отца в большой семье была строже и деспотичнее, чем старшего среди братьев в братской семье. В последней функция и значение семейного совета значительно повышались. Авторитет отца – главы семьи (*юй тамата*) – и матери, его жены (*юй бийче*), в традиционных семьях держался высоко. Беспрекословное подчинение им для всех членов семьи было законом.

Во все времена у балкарцев опыт стариков был востребован, мнение старших пользовалось авторитетом и уважительным отношением при любых жизненных ситуациях. Культ старших проявлялся во всем – старший первым произносил тост, занимал почетное место в доме, за трапезным столом, в позиции «правая – левая», обязательно правую престижную сторону. Почетное место стариков в иерархии поколений, почитание их младшими, благоприятный психологический климат, душевный комфорт благотворно отражались на их физическом состоянии. Поэтому в традиционной Балкарии было много долгожителей, несмотря на трудные условия жизни в горах.

В соционормативной культуре любого народа компонент правовой культуры играет важную роль. Результатом многовековой практики балкарского народа являются адаты – неписанные законы, отражающие пра-

вовое сознание, нравственные убеждения и этнический менталитет. Адады регулировали все стороны жизни семьи и общества. Они уточнялись, дополнялись, приспосабливались к новым условиям.

Имущественные и наследственные вопросы у балкарцев до второй половины XIX в. регулировались исключительно адатами, которые были проникнуты патриархально-феодалным духом. В дальнейшем и, особенно, вследствие проведения крестьянской реформы и усиления позиций ислама и российской судебной-политической системы, дела о разделе имущества и наследования стали разбираться в соответствии с нормами шариата и, реже, русского законодательства. Однако и тогда адаты продолжали играть решающую роль.

Отношение к наследуемому имуществу отдельных членов семьи определялось в зависимости от пола. Круг наследников устанавливался по принципу кровного родства. Когда делилась большая патриархальная семья, претендентом на главную долю выступал отец, на равные доли – родные братья.

Во второй половине XIX в. стал играть известную роль принцип дифференцированного подхода к кругу наследников, претендующих на долю имущества, с учетом трудовых затрат каждого представителя мужского пола.

С введением норм шариата замужняя женщина после смерти отца также стала претендовать на выделение части наследственного имущества. В народе этот обычай именовался «Тереке». Апеллируя к шариату и предписаниям российского законодательства, женщина стала требовать определенной доли наследства не только отца, но и мужа. Однако добивалась она своей доли не всегда – традиционные взгляды на вопросы наследования порой оказывались сильнее внедряемых мусульманских и российских правовых норм. В то же время готовность родственников оказать любую необходимую помощь и поддержку женщине, знаки внимания и покровительство создавали для женщин особую атмосферу значимости и авторитета, уважения и почитания. Братья в балкарской среде считались гарантом чести женщины.

Сила и престиж семьи у балкарцев связывались не только с материальным благополучием, но и с наличием здорового и трудоспособного потомства.

Ожидание ребенка и благополучный исход родов вызывал всеобщую радость. Особым ликованием были охвачены женщины и дети. По случаю рождения ребенка, особенно мальчика, устраивали игры: катание на качелях (*кыллауча*), факельное шествие мальчиков, когда рождался первенец. Женщины собирались на первое угощение в честь новорожденного – «сабий чек». Через неделю после рождения совершали обряд укладывания младенца в люльку (*бешикге салу*). Специально к обряду пекли ритуальные пироги, которые съедались молча матерью младенца и аначы (бабкой-повитухой).

У балкарцев весьма богат арсенал народной медицины, равно как и магических приемов, характеризующих архаический пласт народных воззрений. Так называемый молочный период жизни ребенка насыщен определенными обрядами, связанными с внешними показателями роста и достижениями: наречение именем, стрижка волос, ногтей, первый шаг.

Они сопровождалась ритуальным угощением, а некоторые и жертвоприношением (*кьурманлыкь*).

Обычаи и обряды балкарцев, связанные с рождением и воспитанием ребенка в традиционном обществе, дают богатый материал мировоззренческого и этногенетического порядка. В них прослеживаются кавказский субстратный пласт и элементы культуры ираноязычных и тюркоязычных предков, а также переплетение язычества с верованиями более позднего времени (христианства и мусульманства).

Свадьба – наиболее яркое событие из обрядов жизненного цикла человека. Тщательное исполнение ритуалов, сопровождающих различные стадии заключения брачного союза и свадьбы, стало к XIX в. своего рода обязательством перед обществом.

Мало что изменилось в сценарии до сих пор, не говоря уже о пореформенном периоде.

Свадьба у балкарцев состоит из четырех циклов: сватовство (*келечилик, сез тохташтырыу*), сбор и отправка за невестой свадебного кортежа (*киеу жёнгер жыйыу*), посещение родителями невесты дома жениха (*келинни юйдегисин чакьырыу*), ввод невесты в «большой дом» (*келинни юйге кийирген*), т. е. приобщение к очагу. Другое название данного цикла – снятие с головы невесты платка-покрывала и открытие лица невесты (*келинни баш ауун алыу*).

В свадебном ритуале были широко представлены архаическая символика (красный, белый и зеленый цвета, зерна, орехи, хлебные изделия, шкура, металлы и др.), которые выступали каждый отдельно или в комплексе (знамя, ореховая шапка и др.), образуя более обобщенные понятия и образы.

Обязательным атрибутом свадьбы остались древние институты: дарообмен (*сый салыу*), приданое (*берне*), калым.

Активное участие и материальная помощь людей, вовлеченных в проведение свадебных церемоний, как в доме невесты, так и в доме жениха, – характерная черта традиционной и даже современной балкарской свадьбы.

Одним из сложных комплексов и наиболее консервативным элементом соционормативной культуры являются погребально-поминальные обряды и обычаи. В целом, анализируя этнорелигиозную ситуацию в сфере погребально-поминальной обрядности, можно говорить о ее синкретическом характере. Лишь в XIX в. ислам стал занимать господствующие позиции в погребальной обрядности (*жсаназы*), и в меньшей мере – в поминальной (*дуалыкь*). Знаковым моментом отхода от многих языческих обрядов можно принять условно дату порубки (1912 г.) священного дерева «Раубазы» в сел. Шаурдат по велению Али-эфенди из Кенделена.¹

Из всего сказанного следует вывод, что после присоединения Балкарии к России в 1827 г. и проведения крестьянской реформы в 1867 г. социально-экономическое развитие Балкарии пошло в общероссийском русле. Однако в хозяйственном, общественном, семейном быте балкарцев сохранились многие традиции, обычаи и обряды, составляющие основу этнической культуры народа.

¹ Кучмезова М. Ч. Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик, 2003. С. 168.

Мусадин КАРДАНОВ

Анатомическая лексика: ее связь с народной медициной и языковой культурой народа

Язык человеческого общения, как самая подвижная и чувствительная часть, и его лексика более всего подвержены изменениям и имеют свои специфические особенности. Во-первых, лексический материал свободно проникает из одного языка в другой. Во-вторых, лексическому составу не чужда системность: смысловую группу образует ряд слов, объединяемых по значению – рука, нога, кость, шея, голова... образует лексико-семантическую группу терминов, обозначающих части человеческого тела. В-третьих, лексика не может претендовать на всеобщность использования: влияют условия культурной и хозяйственной жизни говорящих, профессиональные занятия и т. д.

В лексике принято различать слова активного запаса и слова пассивные. В языке выделяется определенное количество слов, известных членам данного языкового коллектива. Это – общеупотребительная лексика; она образует одну из прослоек, опорную, качественно очень важную часть лексики, но количественно незначительную: определенный концентр слов с колеблющимися переходными зонами, отсюда трудности, которые возникают при уяснении того, что относится к основному словарному фонду. Отраслевая лексика лишь частично может включаться в общеупотребительную лексику. Отсюда следует, что при изучении отраслевой лексики необходимо учитывать профессиональную лексику, т. е. слова и выражения, связанные с тем или иным родом профессиональной деятельности.

На первый взгляд может показаться, что анатомическая лексика не выводится из общеупотребительной лексики, как, например, терминология гончарного производства, кузнечного и строительного дела. Однако к активно функционирующим общеупотребительным можно отнести только незначительную часть слов, относящихся к анатомии человека: *цхъ* «голова», *нэ* «глаза», *пэ* «нос», *лэ* «рука», *цы* «волос», *клэмлуй* «кишки» и т. д. Термин *клэмлуй* «кишки» является одним из наиболее активно функционирующих в языке из анатомической лексики, хотя не каждый сможет отличить *клэмлуй псыгъуэ* «тонкая кишка» от *клэмлуй лей* «аппендикс» или *клэмлуй гъум* «толстая кишка» от *клэмлуй нэф* «слепая кишка». Еще более это касается отделов позвоночника: *тхылуцлэ* «позвонок», *пцэлупцлэ* «шейный позвонок», *пцэдакъэ* «нижние шейные позвонки», *пцэгурыгъ* «первые шейные позвонки». Так, например, в «Словаре кабардино-черкесского языка» (С. 344) слова *клэмлуй лей* «аппендикс» и *клэмлуй нэф* «слепая кишка» определяются как значения одного и того же слова – «аппендикс». Однако, хотя они и находятся рядом и связаны между собой, являются разными анатомическими органами. В том же словаре русскому слову «рот» даются два определения: *жъэ* «рот», *лу* «рот». Но *лу* это не «рот», а «задняя часть полости рта», «начало горла». Ср. *лу зэв* «узкое (начало) горла». *Си лум сабэ ирихъац* «в (начале) горла полно пыли».

Изменения в лексическом составе обусловлены, в первую очередь, изменениями в сфере обозначаемого. Однако лексема может вытесняться заимствованным словом даже без потери значения. Например, каб. *псантхуэ* «нерв» из активного перешло в пассивный запас лексики, вытесненная словом «нерв».

Богатая и разнообразная анатомическая терминология кабардино-черкесского языка отражает весь их опыт и глубокие разносторонние знания по народной медицине. Народная медицина адыгов, как и многих других народов Северного Кавказа, еще мало изучена, как и лексика, связанная с анатомией человека. Хотя в начале XX века у адыгов были единицы профессиональных врачей, таких как Шогенов, Абаев, Тамбиева (*Мамбетов Г. Х., Маслов А. А.* Из истории народной медицины кабардинцев и балкарцев в XIX – начале XX века. Нальчик, 1977. С. 9), народные целители адыгов прославились задолго до XX века. Может показаться, что адыги могли лечить только раны и переломы, но они могли заниматься и терапией, прививать оспу. Г. Х. Мамбетов и А. А. Маслов ссылаясь на записи французского дворянина Абри де ла Мотре, посетившего Черкесию в 1712 году, пишут, что он лично (имеется в виду Абри де ла Мотре – К. М.) присутствовал при оспопрививании маленькой девочки четырех-пяти лет (*Мамбетов Г. Х., Маслов А. А.* Из истории народной терапии Кабардино-Балкарии / Вопросы этнографии и этносоциологии Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981. С. 37). Отсюда можно сделать вывод, что с методом оспопрививания у адыгов не был знаком С. Броневский, писавший, что черкесы не знают оспопрививания, употребляемого издревле в Грузии (Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные С. Броневским. М., 1823. С. 148).

Укрепляющий силу больного и отличающийся хорошими питательными качествами кефир стал известен в России и Европе только в середине XIX века, тогда как горцы давно уже употребляли его. Первыми исследователями кефира были В. В. Подвысоцкий и В. Н. Дмитриев (*Оловский М.* Кефир // БМЭ. Т. XII. М/, 1959. С. 139).

Исходя из вышеперечисленного, нельзя усомниться в том, что адыги неплохо знали анатомию и физиологию человека. Они не имели точных медицинских знаний, но имели искуснейших лекарей.

Существующие в кабардино-черкесском языке исконные названия частей тела и болезней подтверждает то, что адыги имели хорошее представление об анатомии, о лечении заболеваний, ран, переломов. Если происхождение некоторых названий частей тела являются спорными, то для обозначения болезней адыги используют только два заимствования – *мынэ* «чума», *тэлэ* «холера» (тюрк.).

Анатомическая лексика по отношению к определенным частям тела подразделяется на отдельные группы:

1. Лексика, относящаяся к области головы.
2. Лексика, относящаяся к торсу человека.
3. Лексика, обозначающая внутренние органы человека.
4. Лексика, обозначающая конечности человека.

Последнюю группу можно разделить на две подгруппы: а) лексика, относящаяся к ногам человека; б) лексика, относящаяся к рукам человека. Обращает на себя внимание тот факт, что в этих подгруппах названия многих анатомических частей перекликаются. Так, в анатомических названиях находящихся выше локтя и выше колена отсутствуют логически напрашивающиеся корни *Іэ* «рука» и *лъэ* «нога». В области предплечья анатомические названия звучат следующим образом:

**кабардино-черкесские
названия:**

блэ
блэгущІэ/блыгу
блэгущІэц
блэгъу
блэгъукІэ
блыпкъ
блыпкъыщхъэ
блыпкъ зэрытынІэ

**русские
названия:**

предплечье
подмышки
волосы подмышки
лопатка
угол лопатки
кость предплечья
верх предплечья
плечевой сустав

Во всех других анатомических названиях, связанных с верхними конечностями человека, присутствует основа *Іэ* «рука».

В анатомических названиях нижних конечностей человека, основа *лъэ* «нога» отсутствует в таких словах как:

**кабардино-черкесские
названия:**

куафэ
куэ
куэбзэпс
куэ нэгэгъу
куэпкъ
куэпкъыщхъэ

**русские
названия:**

передняя часть (кожа) бедра
бедро
сухожилие бедра
мышцы бедра
бедренная кость
верхняя часть бедра

Основа *лъэ* «нога» присутствует в других анатомических названиях, относящихся к нижним конечностям человека:

Если значение *блэ* «предплечье» можно объяснить, по нашему мнению, как «висящий», ср. *блэблэ* «развесистый», где имеем редупликацию корня, то происхождение *куэ* «бедро» неясно. Можно предположить перенос значения абхазо-абазинского *а-икуа* «брюки», но подтверждающих примеров не найдено.

Обе эти лексемы, особенно *блэ без Іэ*, не находят отражения в языковой картине мира, тогда как *Іэ* «рука» и *лъэ* «нога» выступают и в бинарных противопоставлениях, и функционируют во фразеологизмах, пословицах, загадках.

**Мухарби САБЛИРОВ,
Тимур ДЗУГАНОВ**

Формирование культурно-просветительных учреждений в Кабардино-Балкарии в 20–30 гг. XX в.

С установлением Советской власти в Кабардино-Балкарии появляется возможность приступить к культурному строительству. Все большее значение в этих условиях приобретало внешкольное образование. Повсеместно открывались изб-читальни, сельские клубы и библиотеки, которые наряду со школами становились основными очагами культуры и просвещения. Сеть культурно-просветительных учреждений постоянно расширялась. К 1925 г. в Кабардино-Балкарии функционировало: домов крестьянина – 2; клубов – 29; изб-читален – 112; библиотек постоянных и первичных – 144; кинопередвижек – 8; музеев – 2.

Первая массовая библиотека в Кабардино-Балкарии была открыта 20 июля 1920 г. при первой советской школе, созданной на базе Нальчикского реального училища. Однако развитие библиотечной сети ограничивалось рядом негативных факторов. Основной проблемой библиотек и изб-читален являлась нехватка книг, газет, журналов.

В начале двадцатых годов были предприняты усилия в становлении архива и музея Области. Сегодня архивная служба КБР представляет собой разветвленную сеть государственных, районных, городских и ведомственных архивов. Она состоит непосредственно из самой Архивной службы КБР, Центрального государственного архива КБР, Центра документации новейшей истории КБР, Центра хранения документов по личному составу, Центральной лаборатории по микрофильмированию, реставрации и переплету АФ КБР, 11 архивных отделов районных и городских администраций, выполняющих функции муниципальных архивов, и архива органов ЗАГС.

Архивы Кабардино-Балкарии способствуют развитию исторической науки, оказывают большую практическую социально-правовую помощь населению республики.

Значительный вклад в становление и развитие культуры Кабардино-Балкарии, общественно-просветительной и научной мысли принадлежит Кабардино-Балкарскому Ордена «Знак Почета» Институту гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-Балкарского научного центра Российской Академии наук. Образованный решением ЦИК Кабардино-Балкарской Автономной области от 6 января 1926 г. он был призван решить важнейшие задачи, обусловленные реалиями текущего момента. Важное место в его работе занимает изучение истории социально-экономического, общественно-политического, культурного развития народов нашей республики. Институт со дня основания издал 428 исследований, 27 томов «Ученых записок», 10 сборников статей по истории Кабарды и Балкарии.

Много внимания уделялось развитию музейного дела. Уже к концу 1922 г. фонды музея составляли 2 219 экспонатов. В 1923 г. они пополни-

нились богатейшей коллекцией экспонатов, безвозмездно подаренных центральными музеями страны Кабардино-Балкарии, которая насчитывала до 200 экспонатов и в художественно-историческом отношении являлась бесценной. В 1925 г. в Отделе Музеев Главнауки Наркомпроса рассматривался вопрос о выделении средств, материалов и пособий на нужды Национального Музея Кабардино-Балкарии. Вследствие этой инициативы, Отдел Музеев Главнауки в 1926 г. выделил «... значительное количество музейных предметов».

Установление Советской власти дало импульс в развитии периодической печати. В 1920–1921 гг. Нальчикское отделение Кавроста стало издавать в виде листовок газету «Кавказская коммуна». Регулярное издание газет в Кабарде и Балкарии началось с 15 июня 1921 г., когда по постановлению Кавказского бюро ЦК РКП(б) в Нальчике стала выходить 2–3 раза в неделю газета «Красная Кабарда». С 1931 г. в Нальчике издаются три областные газеты, отдельно на кабардинском, балкарском и русском языках. С 1924 г. стала выходить два раза в неделю на кабардинском, балкарском и русском языках газета «Карахалк» («Беднота»). Заметно возросла роль печати в годы коллективизации, индустриализации и развертывании культурной революции. В 1934 г. областная газета «Ленинский путь» была переименована в «Социалистическую Кабардино-Балкарию». В 1935 г. в Кабардино-Балкарии выходили три республиканские и пять районных газет.

В Кабардино-Балкарии с 1921 г. развивается полиграфическая база. С 1924 г. выходят книги на кабардинском и балкарском языках. Одновременно продолжается издание книг и на русском языке. В 1924 г. на кабардинском языке был издан букварь для школы первой ступени, ликвидации неграмотности. К трехлетию юбилею области был выпущен сборник, посвященный вопросам истории, культуры и искусства Кабарды. Всего к 1926–1927 гг. было издано книг, учебников и брошюр – 61 000 экз., в том числе – 8 264 экз. учебников.

Большую популярность среди населения Кабардино-Балкарии приобрело театральное движение. В 1930 г. при облсовпрофе возник театр рабочей молодежи (ТРАМ), укомплектованный лучшими самодеятельными артистами. В дальнейшем на его базе был создан первый профессиональный стационарный театр, открывшийся в 1933 г. 1936 г. – год рождения колхозно-совхозного Кабардинского театра.

Поступательное развитие культурного строительства было прервано началом Великой Отечественной войны. Многие из культурного достояния КБАО погибли или сильно пострадали в период немецкой оккупации.

Некоторые вопросы синонимии и антонимии заимствованных лексем (русско-кабардинские языковые связи)

Заимствованные слова, включаясь в лексический состав языка-реципиента, в ряде случаев оказываются синонимами искомым слов. Касаюсь синонимии, О. А. Ахманова пишет: «В языкознании является понятие синонимов, то есть слов, близких или совпадающих по значению, но различных по звучанию». Р. А. Будагов вносит уточнение: «Синонимы – это близкие по значению, но разно звучащие слова, выражающие оттенки одного понятия... Все синонимы, будучи разными словами, всегда выражают, хотя и неодинаково, одно понятие. Синонимы свидетельствуют о способности человека с помощью разных слов передавать одно понятие».

В соответствии с этим определением среди заимствованных и исконных слов можно обнаружить пары, очень близкие по значению, практически идентичные, и полностью взаимозаменяемые. По-видимому, среди исконных слов одного языка феномен такой семантической идентичности невозможен или очень редок.

Примерами заимствованных слов, являющихся синонимами исконных, служат: школ – еджапIэ, больницэ – сымаджэщ, учитель – егъэджакIуэ, школакIуэ – еджакIуэ, армэ – дзэ, поднос – Iэнлэ, акушер – физгъальхуэ, стIол – Iэнэ, корзинкIэ – матэ, семьяшкIэ – сэхуран.

Возникновение и укоренение в кабардинском языке подобных синонимов является проблемой двуязычия. И исконные слова этих синонимических пар находятся в «зоне риска» по вытеснению их заимствованиями.

Интересны суждения известных лингвистов о природе синонимии. Так, А. Б. Шапиро пишет: «Синонимами не являются слова... полностью совпадающие по своему значению... Такого совпадения, как правило, не бывает... Синонимами являются слова, содержащие в сходных в целом значениях те или иные различия». Более подробно раскрывает это качество синонимов А. А. Реформатский «Синонимия касается не всех значений данного слова... Синонимизируясь в одних своих значениях, слова-синонимы могут расходиться в других и получать иные синонимы... Синонимы могут участвовать в языке при соблюдении формулы: «то же, да не то же», то есть слова, совпадая в одном, расходятся в другом».

Анализ синонимических рядов из исконного и заимствованного: (нэху- свет – нур, тыкуэн – лавкIэ – магазин – супермаркет – бутик, хабзэ – закон – указ, пхъуантэ – сундук – шумэдан, IэльэщI- купец – щхъэфIэпхыкI – косынкэ – бальтоку) – показывает, что они распадаются на три группы. К первой группе относятся синонимические ряды, в которых исконное слово выступает как более общее, рядовое, а заимствованные слова занимают более узкую специфическую семантическую нишу. К ним

можно отнести: еджапIэ – школ – университет – колледж, егъэджакIуэ – учитель – преподаватель, зауэлI – сэлэт – инэрал – офицер.

Другая, гораздо меньшая группа, представлена словами-синонимами, в которых именно заимствованное слово играет роль общей, родовой лексемы: стIол – Iэнэ, семьяшкIэ – сэхуран, бэлытоку – пэльэщI.

Третья группа представлена словами-синонимами, значение и контекст употребления которых (и исконных, и заимствованных лексем) одинаковы: армэ – дзэ, велосипед – льякзуэрыгъажэ, акушер – физгъальхуэ, тхыдэ – историе, Iэнзехъэ – официант.

Эти синонимы очень близки по значению, ввиду чего практически в любом тексте они взаимозаменяемы. Причиной заимствования этих слов является двуязычие. Многократно повторяемые в средствах массовой информации, входящие в состав других заимствованных словосочетаний и оборотов, как например: акушер-гинеколог, они легко воспринимаются в кабардинский язык. Именно эти слова находятся в «зоне риска» по вытеснению ими исконных обозначений, тогда как слова первых двух групп, имеющие свою семантическую нишу, скорее всего не будут вытесняться. Заимствованные слова первых двух групп обогащают язык-реципиент, давая возможность выражения тонких оттенков предметов, явления и мыслей.

Так, в ряде нэху – свет – нур каждое слово имеет свою семантическую нишу. Нур имеет значение «луч», «сияние»: дыгъэ нур, нур тридзэн. Нэху – рассвет, освещенность: «нэху щын» – рассветать, «нэху дзын» – светить. «Свет» же используется для обозначения искусственного, электрического света: «светыр Iудзэн» включить свет.

В ряду пхъуэантэ – коробкэ – шумэдан – сундук, слово «пхъуэантэ» действительно может обозначать коробку, к примеру: «картон пхъуэантэ», «пхъэ пхъуэантэ». Но оно также употребляется для обозначения и сундука, и чемодана. Кстати, неполное соответствие лексемы «пхъуэантэ» значению «сундук», его большая смысловая емкость приводят к тому, что слово «сундук» также заимствованно в кабардино-черкесский язык. «Чемодан» обозначает вполне определенный предмет – четырехугольное вместилище для ручной перевозки вещей с откидывающейся крышкой, запорами и ручкой. С использованием данного предмета стало использоваться и его обозначение, фонетически ассимилированное – «шумэдан». Каждое слово имеет свою смысловую нишу. Это залог жизни слова в языке. Таким образом, «пхъуэантэ» более емкое, более общее понятие, тогда как «шумэдан» и «сундук» более узкие, обозначающие вполне определенные предметы. Другой вопрос, что сундуки исчезают из обихода, редко используются в современной жизни, а вот чемоданы, напротив, широко применяются. В этом причина редкого употребления и исконного слова «пхъуэантэ» в значении «сундук», и заимствованного слова «сундук».

Слова «чэзу» и «очередь» также не абсолютно идентичны по значению. Они оба употребляются в словосочетаниях типа «подошла моя очередь» – «си чэзу къэсащ». Но в смысле «люди, расположившиеся один за другим для получения или совершения чего-нибудь в последователь-

ном порядке» исконное слово «чэзу» не употребляется, этому значению соответствует слово «очерэ».

Синонимы *ІэльэщІ* – *щхьэфІэпхыкІ* – косинкэ также имеют семантические различия. Так «*ІэльэщІ*» означает платок, шаль, накидываемые на плечи или голову, «кьупец» – большую богатую шелковую шаль, «*щхьэфІэпхыкІ*» – небольшой легкий платок, повязываемый на голову, «косинкэ» – треугольный головной или шейный платок.

А вот «бэльтоку» – заимствованное «платок» в этом синонимическом ряду платков занимает особое место, так как при заимствовании оно было воспринято и как головной платок, и как носовой платок. Соответственно оно является синонимом и «пэльэщІ», и «*щхьэфІэпхыкІ*».

В ряду конкурс – запеуэ – соревнование лексема «запеуэ» может применяться и в значении «конкурс», и «соревнование». «Конкурс» используется в отношении культурных состязаний «пианистхэм я конкурс», а «соревнование» – для характеристики спортивных соревнований. «Конкурс» и «соревнование» точнее уже характеризуют вид состязаний, чем «запеуэ», что, видимо, и определяет их бытование в кабардино-черкесском языке. Из этих примеров можно вывести заключение, что причина заимствования синонимов в их мотивированности, то есть все эти синонимы имеют семантическую разницу.

Среди заимствованных слов и исконных имеются антонимы, хотя число их невелико. К примеру: *маршинэкІэ* – *лъэсу*. Эти антонимы сменили очень характерное для кабардинского языка противопоставление: *шурэ* – *лъэсІрэ*, входившее в фразеологический оборот: «*Шурэ лъэсІрэ я ээхуакуш*». К числу появившихся реалий последних десятилетий относятся лица без определенного места жительства, называемые аббревиатурой «бомж», вступившей в антагонизм с лексемой «кьулей». Аналогично, можно отметить антагонистические пары: *армэхэт* – *гражданскэ*, *работчэ* – *интеллигент*, *пощткІэ* – *нарочнэкІэ*.

Заимствованные слова, встраиваясь в систему принимающего языка, могут оказываться в положении омонимов с исконными словами.

В качестве примеров можно привести следующие: слово «сурьма» заимствованно в значении «химический элемент, краска» с фонетической ассимиляцией в виде «сырымэ», при этом оно стало омонимом «сырымэ», означающего «запах гари». Слово «борщ» как кулинарное блюдо при заимствовании приобрело форму «бош» и стало омонимом «борш», означающего «долг, обязанность». Другие варианты полной омонимии: баз «скотный двор» – баз «спор»; соку «грива» – соку «национальное блюдо» – соку «напиток»; пастэ «кашицеобразная масса» – пастэ «национальное блюдо из проса»; модэ «там» – модэ «совокупность популярных вкусов и взглядов»; содэ «согласен» – содэ «щелочное кристаллическое вещество».

Омонимичные пары могут возникать из русских слов, которые не являются омонимичными в русском языке: капрон «тонкое искусственное волокно, ткань» – капрон «национальное блюдо – очень тонкий лакум»; грэнат (бот.) – грэнат «плод гранатового дерева» – грэнат «граната, снаряд»; банк «банка как сосуд» – банк «финансовый орган».

Амина ТЛЕБЗУХОВА***Функциональное взаимодействие разноуровневых средств выражения прохибитива в английском языке***

В семантико-синтаксических и функционально-семантических концепциях прохибитивом принято считать любое «волеизъявление, направленное на невыполнение называемого действия» независимо от того, какими средствами оно выражено в языке.

В английском языке наиболее распространенным, каноническим способом выражения прохибитива является морфологический, т. е. аналитическая форма повелительного наклонения от глагола, обозначающего запрещаемое действие, с отрицательной частицей *not*. Эта форма наиболее универсальна: она встречается во всех типах коммуникативных ситуаций, т. е. в ситуациях устной коммуникации, локализованных во времени и имеющих референтно-определенных участников, и в письменной коммуникации – инструкциях, рекомендациях, полезных советах, запрещающих знаках, имеющих вневременной характер и анонимных, референтно-неопределенных участников.

Грамматическая форма единиц, обозначающих запрещаемое действие и соответственно синтаксические особенности структур с прохибитивом, зависит, прежде всего, от сочетаемости элементов, выражающих запрет: отрицательное местоимение не допускает сочетания с герундием и существительным и создает односоставные структуры типа *No swimming. No right turn*. Глаголы с имплицитным отрицанием употребляются с инфинитивом, герундием, они могут образовывать пассивные конструкции (*prohibit*), выступать главным членом повелительного предложения, подчиняя себе глагол, выражающий запрещаемое действие (фазовые и иные глаголы). В результате функционально-семантического подхода прохибитив представляет собой весьма пеструю картину, состоящую из разнородных лексических, морфологических и синтаксических единиц.

Как показывает сопоставление сравниваемых жанров, они характеризуются как некоторыми чертами сходства в выражении запрета, так и рядом заметных отличий. К первым относится преобладание императивных форм глаголов, называющих запрещаемое действие или побуждение к его несовершению, прямое обращение прескриптора к адресату, допускающее употребление местоимения *you* и его производных, распространенность эмоционально окрашенной и сниженной лексики в высказываниях с письменной коммуникацией. Отличительные черты каждого жанра, которые и составляют предмет статьи, связаны с принципиальными различиями между устной и письменной формой коммуникации. Ситуации устной коммуникации локализованы во времени и имеют конкретно-референтных участников. Ситуации письменной коммуникации нелокализованы. Письменные коммуникации в них представляют собой инструкции или советы, «адресуемые анонимным говорящим ... любому из неопределенного множества слушающих (потенциальных потребителей инструк-

ции)». Из этих особенностей типов коммуникации вытекают различия в мотивации письменной коммуникации. В ситуации непосредственного общения коммуникантов запрет говорящего может быть мотивирован поведением слушающего в процессе общения или до него и заключаться в побуждении к немедленному прекращению неодобряемого действия. Другая возможность – запрет прогнозируемого действия. В письменной коммуникации, где коммуниканты не находятся в непосредственном контакте, реализуется преимущественно запрет на прогнозируемое поведение. Поскольку способы выражения разных типов запретов не совпадают, рассмотрим запрет – побуждение к прекращению действия на примерах устной коммуникации (литературный диалог современных драматургических произведений), а побуждение к несовершению планируемого действия и некоторые другие особенности выражения письменной коммуникации в письменных текстах – на материале сборников полезных советов по кулинарии и домоводству.

Для выражения запрета на продолжение действия, осуществляемого в момент речевого контакта, достаточно часто употребляется морфологический прохибитив, т. е. формы с *do not* (*don't*); *Don't stand behind me!* (J. Osborne). *Don't try and patronize me* (в ответ на реплику Keally, Jimmy, you're like a child) (J. Osborne). Однако более характерно для таких ситуаций употребление фазовых глаголов прекращения действия, а именно *stop* и его разговорных синонимов – *cut (it)*, *skip (it)*, *dry up*, *quit* и др. Преимущество таких глаголов состоит, по-видимому, в том, что они недвусмысленно обозначают побуждение к прекращению действия, поскольку именно этот смысл составляет содержание их лексического значения: *atop shoutiayi* (J. Osborne) *Stop yelling* (J. Osborne). *Stop suspecting me:* (E. O. Neill) *Skip it, copper* (W. Chandler).

Если границы отрицательно оцениваемой ситуации точно не очерчены и прохибитив направлен на целый комплекс нежелательных для говорящего действий, он может быть выражен репрезентантом *don't*, обладающим синтаксической самостоятельностью и не передающим референтной определенности. Примером может служить сцена из пьесы Дж. Осборна «Оглянись в гневе», где Джимми, потеряв контроль над собой, оскорбляет жену и гостей, и его друг Клифф, пытаясь его унять, говорит: «Jimmy, don't!».

В таких случаях употребительны и фазовые глаголы. Указание на целый комплекс нежелательных для действий, которые он хочет приостановить, осуществляется посредством *it* в общеуказательном значении: *stop it!* – в сцене из пьесы Осборна, аналогичной упомянутой выше.

Функционально-семантический подход к прохибитиву позволяет обсудить еще один способ выражения запрета на продолжение порицаемого действия, характерный для жанра устной коммуникации. Запрет может быть выражен глаголами, называющими действие, противоположное тому, которое намеревается прекратить. Употребление таких глаголов в императиве равнозначно волеизъявлению, направленному на прекращение действия, происходящего в момент речевой коммуникации. Здесь имеются в виду случаи типа *shut up*, *leave alone*, *clear out*. Эти глаголы

семантически близки к фазовым и поэтому к нам применимы наблюдения Е. В. Падучевой, касающиеся этих последних. «Интересная семантическая особенность этих глаголов, по словам Е. В. Падучевой, состоит в том, что их презумпция описывает некоторую ситуацию, которая имела место в прошлом, тогда как следствие касается будущего». Каждый из названных глаголов обозначает нежелательное действие, имевшее место до момента речи, тем, что в качестве каузируемого действия указывает на противоположное: *shut up = cause to be silent*, *leave alone = cause not to trouble*, *clear out = cause to leave*. Таким образом, *shut up* равнозначно *stop talking or shouting*, *leave her alone – do not trouble her any more*, *clear out – go away*. Литературные примеры:

*Now shut up while I read.
Clear out of my sight.
Leave the poor girlie alone. She'a busy*
(J. Osborne).

Очевидно, что рассмотренные выше способы выражения запрета, конкурирующие с морфологическим прохибитивом, обусловлены непосредственным личным контактом между коммуникантами на протяжении определенного времени, в результате чего прохибитивное высказывание одного на партнеров может явиться реакцией на какое-то речевое или неречевое действие другого партнера.

В тех случаях, когда квантификатор – показатель узуальности содержит отрицание, как в сочетаниях с *never* и *avoid*, именно эти компоненты высказывания становятся выразителями прохибитивного смысла, определяя своеобразие соответствующих письменных коммуникаций. Относительно локализованный запрет относится к действию, которое адресат, по мнению прескриптора, может совершить до или после другого действия («Не делай V после того (перед тем), как P»). Такие случаи имеют место, когда советы прескриптора являются инструкцией к совершению сложного действия, предусматривающего серию последовательных поступков. При этом прескриптор создает эффект присутствия, сотрудничества с адресатом, он как бы наблюдает за его поведением и вмешивается в процесс приготовления того или иного блюда, предостерегая адресата от возможности неверного шага. Поэтому здесь выражает фактитивную каузацию – «адресованное слушающему-исполнителю побуждение к актуальному единичному действию», вернее, к невыполнению такого действия: *Cover the saucepan with a well-fitting lid ... Do not lift the lid again* (J. Lerry). (*Do not lift the lid ... after you have covered the saucepan*).

*Малил КОЖОКОВ,
Артур КОЖОКОВ*

Лекарственные свойства некоторых плодово-ягодных культур и их применение в народной медицине

Мы все привыкли считать, что выращиваемые нами сельскохозяйственные растения – это только разнообразные средства питания, и расцениваем их по вкусовым качествам, пищевой привлекательности, питательности, и часто не задумываемся об огромной роли этих растений для медицины, для сохранения нашего здоровья, для продления трудового долголетия. В древности врачи широко использовали травы для лечения различных недугов. В народной памяти хранится много легенд и историй о чудесных исцелениях. Лечение травами пользовалось в народе доверием.

С развитием медицины знания людей о целебном действии растений расширились. Исследования ученых позволили по-новому оценить лекарственные свойства не только дикорастущих, но и сельскохозяйственных растений. На первый план сегодня выдвигается повышение качества медицинского обслуживания, а оно определяется применением в медицинской практике научно-технических достижений современных методов диагностики и лечения, эффективных лекарственных веществ.

Фармакологи, клиницисты, химики, технологи и другие специалисты всесторонне изучают лекарственные свойства и биологически активные вещества растений и создают новые эффективные лекарственные препараты.

Хотя естественная флора России обширна, насчитывает более 20 тысяч видов растений, в медицинской практике пока используются всего не более 250 видов лекарственных растений. Поэтому применение пищевых, прежде всего сельскохозяйственных растений, в том числе плодово-ягодных культур, может сыграть важную роль в профилактике и лечении ряда заболеваний человека.

Комплексные исследования, проводимые фармакологами, химиками, ботаниками и растениеводами, позволили выявить новые, ценные в лечебном отношении, растения и ввести в медицинскую практику не только в форме галеновых лекарственных препаратов, но и индивидуальных веществ, относящихся к различным классам сложных органических соединений: алкалоиды, сердечные гликозиды, сапонин, терпены, флавоны, полисахариды, органические кислоты и др. К настоящему времени создалась новая отрасль медицинской промышленности – производство лечебных препаратов из растительного лекарственного сырья.

Много внимания обращалось и на флору Кавказа, Средней Азии, Сибири с целью изыскания новых эффективных лекарственных средств и выявления ареала видов.

В Кабардино-Балкарии растительность находится в тесной связи с

геоморфологическими и климатическими условиями района, его вертикальной поясностью. Здесь насчитывается около 2000 видов высших растений, не считая низших – мхов и др., причем свыше 150 видов культурно-пищевых, кормовых, технических, лекарственных и декоративных.

Все эти виды лекарственных растений, используемые как в научной, так и в народной медицине, производят различные воздействия на организм по их фармакологическому характеру и имеют различные применения.

Главнейшие из них следующие:

1. **Успокаивающие** – боярышник кроваво-красный, душица обыкновенная, одуванчик лекарственный.

2. **Противосудорожные** – пион.

3. **Гипотензивные** – боярышник кроваво-красный.

4. **Кардиотонические** – адонис весенний.

5. **Противовоспалительные** – василек синий, гвоздика пышная, горицвет весенний, душица обыкновенная, мать-и-мачеха, медуница лекарственная, одуванчик лекарственный, первоцвет весенний, ромашка аптечная, фиалка трехцветная, шалфей лекарственный, роза коричная.

6. **Антимикробные** – василек синий, первоцвет весенний, душица обыкновенная, мать-и-мачеха, медуница лекарственная, ромашка аптечная, фиалка трехцветная.

7. **Болеутоляющие** – гвоздика пышная, душица обыкновенная, ромашка аптечная, шалфей лекарственный, горицвет весенний.

8. **Отхаркивающие** – горицвет весенний, душица обыкновенная, мать-и-мачеха, медуница лекарственная, первоцвет весенний.

9. **Усиливающие секрецию желез желудочно-кишечного тракта** – душица обыкновенная, одуванчик лекарственный.

10. **Слабительное** – душица обыкновенная, одуванчик лекарственный.

11. **Вязжущие** – медуница лекарственная, шалфей лекарственный.

12. **Желчегонные** – василек синий, горицвет весенний, медуница лекарственная, одуванчик лекарственный.

13. **Мочегонные** – василек синий, медуница лекарственная.

14. **Кровоостанавливающие** – гвоздика пышная, горицвет весенний.

15. **Усиливающие сокращение мускулатуры матки** – гвоздика пышная, горицвет весенний, душица обыкновенная.

16. **Ранозаживляющие** – горицвет весенний, медуница лекарственная, ромашка аптечная.

17. **Десендисибилизирующие** – медуница лекарственная (мягчайшая).

Таким образом, 20 видов лекарственных растений, произрастающих в предгорной зоне, находят различное применение, главным образом по 17 видам различных заболеваний: успокаивающие, противовоспалительные, болеутоляющие, слабительные, кровоостанавливающие, ранозаживляющие и т. д.

Преимущества выбранных нами лекарственных растений заключаются в том, что только цветками этих растений лечат вышеперечисленные болезни как в фармакологии, так и в народной медицине.

Полиглоты

Этюд

Давка в городских троллейбусах в час пик, когда масса народа устремляется в места, где можно заработать на хлеб насущный, для горожан дело обычное. И никого этим не удивишь. Вот и в тот раз, спеша на работу, я с большим трудом втиснулся в салон очередного троллейбуса и, мгновенно утрамбованный со всех сторон, замер, дабы никому из ближних не причинить какой-нибудь неприятности, как-то: наступить на любимую мозоль, двинуть невзначай локтем в бок, стараясь за что-нибудь уцепиться, если вдруг машина вильнет на дороге или резко затормозит, избегая столкновения с непутевым пешеходом, прущим на красный свет поперек перекрестка, под которым тут же расположен подземный переход. Тому, кто в часы пик, не имея собственного или служебного транспорта, пользуется городским, все это приходилось переживать частенько.

И вот едем мы, обычные пассажиры, сплоченные как сельдь в бочке и в полной тишине, дыша друг другу в затылки и не только, и в полузабытьи спокойно терпим неизбежные неудобства. И почему-то именно в эти безрадостные минуты особенно остро возникает неодолимое желание поразмышлять о смысле жизни, ее прелестях, помечтать о чем-то высоком, ну, скажем, о «Тойоте», собственном гараже, представить себе, как красиво сидишь за рулем и развозишь семью: одного в детсад, другого в школу, и уж, конечно, с шиком доставляешь горячо любимую жену прямо к парадному подъезду учреждения, где она служит. И делаешь это так, что даже его директору, как судачат злые языки, оказывающему вашей жене внимание, не ускользающее от любопытных взглядов сослуживцев, при виде сей впечатляющей сцены, становится немного завидно. Увы, мечты, мечты, как сказал поэт, где ваша сладость...

Неожиданно в троллейбусной тишине, когда мечта становится почти явью, послышалась какая-то возня, вскоре плавно переросшая в перебранку. Почти все пассажиры, вытянув шеи, старались увидеть и понять, что же происходит у задней двери. А случился самый прозаический эпизод, но с неожиданным исходом. Кондуктор троллейбуса, женщина не хилого сложения, закаленная во всевозможных транспортных ситуациях, устремилась к единственной цели – во что бы то ни стало выполнить свой гражданский и профессиональный долг: обилетить каждого пассажира и таким образом внести достойный вклад в выполнение собственного и коллективного плана перевозки пассажиров и укрепить трещавший по швам бюджет предприятия. На остановке она вырвалась из передней двери и, словно спринтер, метнулась к задней, ворвалась в салон с тыла с таким напором, что еще теснее сдавила мирно обитавшую здесь толпу, которая всей своей массой чуть не расплющила пожилую женщину о молодую дамочку, наглухо притиснутую к стенке. Та, пытаясь спастись, старалась отпихнуть от себя бабулю, надавив ей нечаянно на какое-то больное место.

Пожилая в долгу не осталась. И в тишине салона разразилась дискуссия, в ходе которой ее участницы обменивались нелицеприятными мнениями по поводу морально-нравственных качеств сторон.

Бабуля по праву старшей сделала молодой внушение на общедоступном языке. Но разгневанная дамочка, посчитав выговор несправедливым и, видимо, решив, что бабка все равно ничего не поймет, выдала пожилой такую забористую фразу на кабардинском, услышав которую, та от возмущения ахнула и в ответ на том же языке разразилась, очевидно, не менее острой тирадой. От неожиданности, а может быть, и от смущения, дамочка съежилась и еще плотнее прижалась к стенке салона. А пожилая все не унималась, продолжая отстаивать свое понимание сложившейся ситуации.

Стоявшие рядом два парня, с усмешкой глядя на неугомонную старушку, о чем-то шептались. Один из них не выдержал и, взглянув на нее, довольно громко сказал что-то по-балкарски. И тут разгневанная бабуля развернулась и всем на удивление отчитала парней на их же языке. Они, не ожидая такого исхода, добродушно расхохотались, развеселив и пассажиров. А пожилая уже по-русски читала нотацию всем обитателям салона об уважении к старшим, ссылаясь на местные традиции. Ей, конечно, никто и не пытался возражать.

– Слушай, мать, – обратился к ней немолодой мужчина, – ты что, полиглот, все наши языки знаешь?

Вопрос пришелся женщине по душе. Она подобрела и тут же сменила тему «лекции».

– Да, – сказала она не без чувства гордости, – знаю и кабардинский, и балкарский, и русский не хуже многих молодых. Слава Аллаху, у меня были умные родители: отец – кабардинец, мать – балкарка. Они еще в детстве научили меня говорить на своих языках. Спасибо им.

Троллейбус сбавил скорость, приближаясь к остановке. Бабуля засуетилась, двинулась к выходу. Стоявшие тут мужчины расступились, с уважением уступая ей дорогу. Она задержалась на секунду на выходе и, оглянувшись в салон, произнесла: «Вы уж извините меня, старую, не скандальная я, нервы сдали». Женщина уже ступила на землю, когда донесся до нее из салона громкий возглас: «Молодец мать, спасибо!» Старушка оглянулась. Троллейбус, набирая скорость, быстро удалялся по улице, а пожилая все смотрела ему вслед и губы ее что-то негромко шептали. «О чем это она, – подумал я, наблюдая за ней, – и на каком языке шепчет свои слова?»

Эта незамысловатая, казалось бы, картинка, навеяла на меня грусть, оттого что, прожив на этой, ставшей для меня родной земле, имея немало друзей и товарищей, я так и не познал ни одного их языка. Неожиданно я вспомнил, как несколько лет назад шел из Вольного аула через речку в город с одним стариком-осетином по имени Соломон. Кого бы мы ни встретили по пути из его знакомых – кабардинца, балкарца, тата – со всеми он бойко общался на их родных языках. Не без удивления и зависти я спросил его: «Соломон, ты прямо полиглот, на всех языках говоришь?» – «Ей Богу, – ответил он, – если во мне что-то и есть хорошее,

так это способность быстро усваивать любой язык. Сам не знаю, как это у меня получается. Зато какое удовольствие поговорить с человеком на его родном». Я взглянул на Соломона, лицо его сияло, он явно радовался тому, что я обратил внимание на эту его способность, и, как мне показалось, испытывал в тот момент чувство гордости за то, что природа наделила его необычными способностями к освоению языков. В ту минуту и я порадовался за него. «Жаль, – подумалось мне тогда, – что у старика не было возможности в молодые годы получить высшее образование, а мог бы и профессором, знатным ученым-языковедом стать».

Мы-то сегодня живем в иные времена, когда без знания, хотя бы одного иностранного языка и умения работать на компьютере, трудно стать востребованным, или, как теперь принято говорить, конкурентоспособным человеком. И далеко не все стремимся к этому, даже имея возможности. А Соломон, живи он в наши дни, не упустил бы их. Почему я так уверен в этом? Да потому что знал его много лет, как человека трудолюбивого и в своем деле мастера. Он и семью, и дом содержал в достатке, и умом отличался ясным. Мне всегда было интересно послушать его рассуждения о разных житейских событиях, отличавшихся здравым смыслом. Иногда в разговоре, затронув какую-нибудь непростую философскую тему и попав в затруднительное положение, Соломон замолкал на секунду-другую, растерянно смотрел на слушателей и, прищелкнув языком, произносил не без сожаления короткое: «Н-н-да». Ему явно не хватало знаний, мне так тогда казалось. И все-таки, собравшись с мыслями, Соломон интуитивно довольно убедительно развивал свою мысль до логического конца.

Этот простой труженик в совершенстве владел не только своей профессией, но и словом. И уж если начинал о чем-нибудь рассказывать, тут же оказывался в окружении друзей, товарищей, знакомых, которые с интересом внимали его образному, живому слову. Видимо, неосуществленные задатки словесника давали все-таки о себе знать. Он это чувствовал, они беспокоили душу и разум, рвались наружу, но дать им волю Соломон уже не мог. И тогда им овладевала то ли печаль, то ли тоска о чем-то большом, что он мог совершить в этой жизни и что по воле судьбы прошло мимо него. И, стараясь заглушить в душе иногда терзавшие напрасно его мысли, старик позволял себе употребить две-три лишние рюмки. Но этой слабости Соломон уступал редко. Он дорожил своим именем.

Магомед АТМУРЗАЕВ

Судьба Черной Мухи

Юмористический рассказ

– Я, конечно же, признаю свою полную безалаберность, если не прерву твои полеты! Черт бы тебя побрал, в такое время года, из какой преисподней ты вылетела? В течение двух-трех дней, жужжа под ухом, ты сделала все, чтобы я выбежал, вылетел из собственного кабинета. Хотя дел у меня так много, что даже затылок почесать некогда...

Н-н-да, куда же она подевалась, запропастилась теперь? А-а-а, вот она, на стол садится. Посто-ой, не спеши так... Сама-то, какая большущая, безобразная, проклятая, чтобы ей в геенне огненной вечно гореть. Еще смеет своими бесстыжими глазами на меня зыркать... На-а! Вот так-то лучше!..

С такими словами Сослан, с толстенной книгой в руках, устремился в «набег» на Черную Муху. Он радовался тому, что трехдневные страдания прошли не даром, и ему удалось-таки прихлопнуть ее. Сослан, не замечая, что с него пот льет градом, всем телом навалился на книгу, чтобы ненароком не выпустить это страшное насекомое.

– Пожужжи-ка еще! Кровопийца. Нашлась мне, неуловимая!

Он, довольный собой, удобно и вальяжно уселся в свое кресло. Потом, вспомнив что-то, подпрыгнув на месте, выхватил книгу со стола. Но, к сожалению, Мухи там не было.

В этот момент кто-то забарабанил в дверь. Он же, убитый горем, сквозь зубы прорычал:

– Кто там?.. Заходи!!

– Здравствуй... дорогой... уважаемый! Поздравляю тебя с новым креслом, Сослан, друг мой!

Из-за дверей показалась папаха знаменитого писателя Мамакаша.

– Ы-ы-ы! Это ты? Заходи-заходи!.. Пай-пай-пай, а я все думаю, кто ж этот крикун? Проходи сюда, Мамакаш! Где так долго пропадал?

Сослан, хоть и не очень был доволен приходом посетителя, а руку все-таки протянул в сторону Мамакаша.

– Если б не командировка, я давно поздравил бы тебя с этой должностью. Мы ж почти родные...

– Ну-ну-ну... Садись, не стой...

– Как только услышал, что тебя назначили главным редактором... Знаешь, я от радости... Словами не передать... Заплакал! А это все – тебе, чтобы с пустыми руками не входить в новый кабинет.

После этих слов на стол лег массивный сверток.

– Что ж это такое? Так же нельзя, Мамакаш. Обижаешь меня... Прошу, заberi, Мама...

– Да брось, Сослан! Несколько бутылочек коньяка и немного закусончика, чтобы ты посидел с друзьями. Между нами, если Бог даст, это не предел. На днях хочу тебя с друзьями пригласить на дачу, и по-настоящему отметить эту великую радость. В нашем роду ты на особом счету у моей жены. Так, как тебя, она никого не любит, поверь мне, Сослан!

– Спасибо, спасибо ей. Но вы, по-моему, слишком преувеличиваете мои возможности... Мне даже не совсем по себе, Мамама...

Сослан, хотя на словах выказал свое неудовольствие, но на самом-то деле был рад тому, что Мамакаш пришел с презентом. Его взгляд то и дело любовно скользил по поверхности подарка.

Мамакаш же, как у себя дома, более основательно сел на стул, неустанно восхваляя Сослана:

– Как бы ни говорили, а в мире есть-таки справедливость!

– А что ты хочешь этим сказать? – спросил Сослан, с трудом отрывая взор от свертка.

– Предыдущего редактора, как нам всем известно, волновала только собственная писанина. Кроме своих никчемных статей он никого не подпускал к печатному станку. За три года опубликовал пять своих романов. Ха, романы! А я в течение семи лет никак не увижу на страницах газеты свой великолепный роман. Понимаешь, целых, целых семь лет! Все в один голос хвалят его достоинства. Как может человек быть до такой степени мелочным, жадным, неугомонным?.. А сам за несколько лет опубликовал пять толстенных романов. Все его книги, и он сам вместе с ними... одного твоего ноготка не стоят, славный мой Сослан! Твое одно слово, думается, гораздо ценнее всего его рода...

– Да-да-да! Я слышал о твоём романе. Посмотрим, подумаем, решим! А как он называется? Я малость подзабыл? Шам...

– «Судьба Шамдарий», «Судьба Шамдарий», «Судьба Шамдарий», Сослан Даугатбиевич, дорогой! – выкрикнул, подскакивая с места, Мамакаш.

– «Судьба Шамдарий», «Судьба Шамдарий!..» Превосходно... Ну... Вот... Так... Покороче... Кратко... Сможешь рассказать?

– Конечно! Конечно! Конечно! Как не рассказать! Я сейчас прочитаю один отрывочек... И вы по достоинству оцените этот шедевр и поймете самобытный, национальный колорит произведения!

Мамакаш дрожащей рукой вытащил из кармана пиджака увесистую тетрадь, на обложке которой было начертано: «Судьба Шамдарий», и начал по слогам выводить:

«... Отец Шамдарий, Кайтук, с некоторым опозданием приблизился к кошаре. Но рядом с ней он никого не увидел. Кайтук спрыгнул с коня и оглянулся по сторонам...»

В это время откуда-то появилась Муха, которая начала неустанно бороздить просторы кабинета. Потом, видно, подустав летать, уселась на папаху Мамакаша и на некоторое время замолкла, увлеченная романом. Полудрема главного редактора улетучилась, когда он увидел своего заклятого врага на головном уборе чтеца.

«Если бы у меня была большая дубина, чтобы я одним ударом покончил с этими гадкими, никчемными существами. Думаю, что этот бумагомаратель и не заметит, если вместо мухи я усядусь на его шапку. А пот с него градом... А он все уминает свою писанину... Лучше б ты, бедолага, вместо этих «романов», о своих буренушках побеспокоился! Наверное, они уже подошли к голоду. В этом мире каждый должен знать свое место, свое дело...»

Мысли Сосланбека в этот момент прервала Черная Муха, которая устала слушать бредни Мамакаша и перелетела с папахы на край стола, как бы говоря: «Что за бредни ты слушаешь, уважаемый?..»

В этот раз хозяин кабинета, ухмыляясь, будто прочитав эти мысли,

подумал про себя: «Какие невероятные напасти день-деньской на мою бедную голову! Нужно быть более терпеливым. Чертова посланница ада, и ты с ним заодно, портишь мою кровь. Если ты такая храбрая, ну-ка дослушай до конца сей «романчик»...»

В это время Муха повернулась в сторону Мамакаша, как бы пытаясь понять фабулу произведения...

«...Султан-Мурат, поднявшись на вершину скалы, увидел косынку Шамдарий на ветке дерева и начал кричать: «Шамдарий, эй, Шамдарий!» Но ответом была безмолвная тишина...»

Снова Сослан, вслушиваясь в монотонную речь, начал засыпать... «Вот Шамдарий прыгнула с высокой скалы. Но, не долетев до земли, превратилась в сказочную птицу и села на оголенное дерево. Сослан, спящий под деревом, невольно приоткрывает глаза, но найти птицу не может... Вместо птицы на ветке сидит сама Шамдарий. Она почему-то повернулась в сторону Сослана, и подзывает его к себе. Сослан пытается встать, но ноги ватные, не держат. Шамдарий снова превращается в птицу и сама летит в его сторону. Сослан вновь пытается дотянуться до нее. Но, к сожалению, в последний момент замечает, что вместо прекрасной птицы в его сторону летит эта Черная Муха. И он, весь в мыле, просыпается со страшным криком на устах: «Помогите! Помогите! Спасите! Спасите!...»

Мамакашу же не до сна и криков Сослана. Он с воодушевлением продолжает чтение своего романа. А весь пол устан прочитанными страницами его произведения:

«О-о-о, Шамдарий? На кого ты меня оставила-а-а?! Моя любимая, открой глаза. Никому я не отдам тебя-я-я!...»

Крики друга даже испугали Сослана. Он посмотрел на часы. Они показывали десятый час ночи. Он был удивлен тем, что столько времени спал. Теперь он начал глазами искать свою «подругу». Как будто ждал от нее помощи... А Черная Муха, бездыханная, лежала на столе...

Сослану показалось, что вместо Мухи пред ним на смертном одре лежит сам Мамакаш, и он невольно запричитал: «Как, как могла умереть моя милая, любимая муха!.. Во всем этом ты, ты виноват!...»

Мамакаш только в этот момент оторвался от чтения и, ничего не понимая, как обезумевший, посмотрел в сторону Сослана.

– Умерла, умерла, бедная?!

– Кто она, кто такая? Сослан, Сослан?

– Муха! Во-от, Черная, чудесная, прекрасная Муха!.. – Затем, горько плача: – Наверно, наверно, твой роман, твой роман... Сердце, сердце не выдержало, проклятый Мамакаш. Посмотри, во-о-от, на столе лежит. Душа моя плачет, рыдает. Посмотри, на эту бедолагу! – И вдруг нервно захохотал.

– Ты-то, ты-то кто такой?! Чтобы надо мной насмеяться... Ничтожество! Подожди, подожди немного... Я тебя выведу на чистую воду. Удивительная страна безмозглых тупиц, бездарей... Как это возможно? Я не Мамакаш, если не свалю тебя с этого самодельного трончика...»

С этими словами Мамакаш схватил сверток со стола и вылетел из кабинета.

Сослан же, то ли радуясь избавлению от Мухи, то ли наслаждаясь уходу романиста, счастливый и довольный, провалился в свое мягкое кресло...

Перевел с балкарского Муталип Бептаев

Машина-призрак

Воскресенье. Утро. Моя любимая половина, вместе с детьми, как обычно по воскресеньям, ушла навестить бабушку. Ну, это для них она бабушка, а для меня это существо просто теща. Причем ушла моя семья на весь день, и я предоставлен самому себе.

Принимая во внимание, что у меня шестидневная рабочая неделя, я могу отдохнуть так, как хочу, отдохнуть в моем понимании этого слова. А это здорово, это почти счастье. Не об этом ли мечтает каждый женатый мужчина. Сам я к теще никогда не хожу, даже по праздникам. И она к нам приходит только когда меня дома нет. А все потому, что мы с ней друг друга терпеть не можем, и я не считаю, что много от этого потерял. Наоборот, даже приобрел один спокойный день в неделю. К тому же воскресенье единственный день, когда я могу наслаждаться завтраком. Не глотать торопливо куски, боясь опоздать на работу, а именно наслаждаться. Поэтому я сижу на кухне одетый по-домашнему (спортивные штанишки и маечка) и с наслаждением завтракаю. Настроение – лучше не бывает. Кому как, а мне ничто так не поднимает настроение, как съесть чего-нибудь вредного для организма. Например, жареной с мясом картошки. Точнее, картошка с мясом была на ужин. На завтрак я разогрел то, что от нее осталось, вбил туда пару яиц и все это с кетчупом, с майонезом, не спеша, смакуя каждый кусочек, съел. Нет, не съел. Вернее было бы сказать – сожрал. Да еще с каким удовольствием. Сейчас выпью две чашки кофе и во двор покурить. Я говорю две чашки кофе потому, что чашка маловата. Грамм триста всего, приходится два раза наводить. После завтрака посижу во дворе, спокойно покурю (курить дома мне жена не разрешает), подышу воздухом и подожду своего соседа Захарыча.

А мой сосед Захарыч, между прочим, необыкновенно интересная личность. Владел множеством рабочих специальностей, преимущественно строительных. Знал много песен. Обладал хорошим голосом и неплохо играл на баяне. Словом, мастер на все руки и компанейский парень. Ну, «парень», допустим, я сказал для красного словца, потому что Захарычу уже давно за полвека перевалило и «парень» про него уже не скажешь. К тому же он – человек бывалый. По родной стране опять же поездил и может рассказать столько былей и небылиц, случившихся с ним или его друзьями, что за ним можно всю жизнь ходить, записывать, и все равно всего не запишешь. Правда, вытянуть из него эти были и небылицы сложно, но если его подкараулить «после вчерашнего», подлечить пивом и угостить сигаретой – сам начнет рассказывать.

Когда я вышел во двор, сразу же увидел Захарыча. Он сидел на лавке,

понура глядя себе под ноги. Судя по его виду, он был «после вчерашнего». Вообще-то Захарыч этим делом не злоупотреблял, но была у него многолетняя привычка, оставшаяся еще с эпохи застоя, когда у трудящихся были гарантированные два выходных в неделю – каждую субботу напиваться до беспамятства. А вчера как раз была суббота.

Я присел рядом с ним.

– Здорово, Захарыч! Что, тяжело?

Он поднял на меня мутные глаза и, облизнувшись сухим языком, спросил:

– У тебя на пиво есть?

– Может, лучше, водочки. Клин клином, как говорят.

– Не. Водка мне сейчас не полезет. От водки меня только стошнит.

Ну купи пива, не жмись.

Мы с ним прогулялись до ларька, купили полторашку пива и вернулись во двор. Захарыч нес бутылку, держа ее двумя руками перед собой и всем своим видом и выражением лица в том числе напоминал миссионера, прибывшего в племя охотников за черепами проповедовать заповедь «не убий» и готового примкнуть к лику святых, если его все-таки съедят.

Оказавшись опять во дворе на лавке, Захарыч трясущимися руками открыл бутылку и так плотно к ней приложился, что я даже начал волноваться, а достанется ли мне что-нибудь из этой полторашки. Высосав примерно половину, Захарыч перевел дух, вытер ладонью усы и протянул бутылку мне.

– Фу-у! – выдохнул он. – Полегчало маленько. Я тебе вот что скажу. Пищевая промышленность чего только не выпускает. Любую жратву, любые напитки. А самого необходимого трудовому народу нет. Можно ведь придумать какой-нибудь напиток, назвать его, например, «Утренний», чтобы его основу составлял огуречный рассол. К этому добавить аспирин или цитрамон или еще что-нибудь от головной боли. Немного кофеина для тонуса. Ну, и еще чего-нибудь по мелочи. Чтобы человек с утра хлебанул этого дела, взбодрился, пошел на работу и – привет с большого бодуна.

Захарыч опять приложился к бутылке, сделал несколько больших глотков и опять сунул бутылку мне.

– Ну вот, – бодро воскликнул он. – Теперь можно и покурить.

При этом он так выразительно посмотрел на меня, что усомниться в том, что это намек, было невозможно. Я дал ему закурить и положил пачку на лавку между нами. Захарыч явно был расположен поговорить. Теперь осталось только его спровоцировать, и я спросил первое, что пришло в голову:

– Захарыч, а у тебя были смешные случаи, связанные с пьянкой?

Он хлебнул пива, в раздумье почесал затылок и, затянувшись сигаретой, сказал:

– Не знаю, смешной это случай или нет, а была у меня однажды

история. Еще по старым временам собрались мы на шабашку. Оформили на работе отпуск, получили отпускные и поехали. А было нас трое. И занес нас черт в какую-то глухомань. Честно говоря, я тогда не поинтересовался, как та деревня называется, теперь жалею об этом каждый день. Просто договорились с колхозом к коровнику еще такую же площадь пристроить. Скота у них в колхозе дюже много развелось, в коровнике уже не помещаются, расширение им требуется. Привезли нас в деревню, на постой определили, материалом обеспечили. И на кой черт мне нужно было знать, как деревня называется. Работали мы с восьми утра и пока не стемнеет. А лето ведь. Темнеет поздно. Короче, вымотались мы так, что я уже и денег не хочу. Вот в таких трудах непосильных мы эту пристройку и закончили. Закончили в смысле полностью, под ключ. Вся работа уже сделана. Коровник к эксплуатации готов. Осталось деньги получить и домой. Да-а! А дело в субботу было, а у меня ведь как суббота, так душа выпить просит. Решили мы отметить окончание работ, в воскресенье отдохнуть, поспать, просто побездельничать, а в понедельник председатель должен был приехать. Мы ему сказали, что в воскресенье закончим, а в понедельник утром чтобы был как штык. Работу принял и показал, где касса. Ну вот. Решили мы за окончание наших каторжных работ выпить. А в тот раз до того мне пива захотелось, я тебе передать не могу. А в деревне ни пива, ни вина, ни водки, ни черта, кроме самогона не купишь. Уборочная. Так председатель, чтобы народ не отвлекался, во всем колхозе запретил спиртное продавать. Известное дело. Председатель в своем колхозе удельный князь. Какие хочет, такие порядки и заводит. Захотел сухой закон ввести и ввел. А самогонщикам-то закон не писан. Вот они и торгуют втихаря. Но в тот день в гробу я видеть хотел их вонючий самогон. Мне пива приспичило. Тут приехал грузовичок на ферму, что-то привез. Я к водителю, где, мол, пива попить можно? Начал он мне объяснять про какое-то кафе где-то на трассе. Я ему и говорю:

– Ты мне голову не морочь, лучше отвези.

Оказалось, он как раз в ту сторону едет. Погрузились мы ему в кузов, поехали. Прямо до самого кафе он нас довез, и мы довольные пошли пиво пить. Набузачились мы тогда этого пива, что называется, от души. После пива винца дешевого, плодово-выгодного, а там и до водки добрались. Короче, нализались так, что еле выход из этого кафе нашли. Но выход из кафе найти – это еще не все. Надо ведь еще до деревни добраться. Тут останавливается у кафе КамАЗ. Мы к нему, подвези, мол.

– Проблем нет, залезайте, – говорит, – в кузов. Сейчас воды куплю и поедем.

Залезли мы в кузов этого КамАЗа, сидим. Вот машина тронулась, а когда водитель пришел, никто из нас как-то не заметил. Ну, поехала машина и ладно. Нам-то чего волноваться. Сидим в кузове, курим, едем. Все вроде бы хорошо. И стало тут нам казаться, что долго что-то едем. Тот, который в коровнике, нас быстрее привез. И притом тот долго по

проселку ехал, а этот по трассе чешет, никуда не сворачивая. Тут мы и спохватились. А куда мы едем? Мы ведь ему не сказали, куда нам надо. Да и как та деревня называется – черт его знает. Веришь, нет, нас трое и ни один не знает, как деревня называется. Хотя бы приблизительно. Хмель у нас маленько поубавился от такого факта, и давай мы все втроем по кабине тарабанить. А машина как ехала, так и едет. Мы уже ругаться начали, да что там с ним; оглох, заснул или умер. Заглянули через заднее стекло в кабину, и вот тут-то мы протрезвели окончательно. Веришь, нет, кабина была пустая. Водителя не было. Тут мы и вспомнили, что никто из нас не видел, как водитель вернулся. Даже не слышали, чтобы дверь кабины хлопнула, а машина, тем не менее, поехала. Двигатель работает, слышно его. Машина едет, а водителя нет. Тут нам чертовщина всякая в голову полезла. Нарвались, думаем на машину-призрак. Что-то вроде летучего голландца. И до того нам страшно стало, просто мороз по коже, несмотря на жару. Мало ли куда эта машина-призрак завезет, и выберемся ли оттуда живыми. Решили мы перебраться в кабину и попробовать машину остановить. Полезли все, в едином, как говорится порыве. Никто не захотел в кузове остаться. Кое-как с риском для жизни перелезли в кабину – и давай на тормоз давить. Что интересно, к этому тормозу все втроем тянемся, друг другу ноги топчем, а толку никакого. Машина как шла, так и идет. Педаль тормоза проваливается, нет тормозов, хоть удавись. Дернули за ручник – ничего. Хотели двигатель заглушить, так в замке зажигания ключа нет. Тут мы вообще чуть не обделались. Я, по крайней мере, позыв почувствовал. Как удержался, не знаю. Решили мы на ходу прыгать из машины. Открыли обе двери, а прыгать страшно. Сидим вдвоем у открытых дверей, храбрости набираемся. Тому, кто посередине сидит, прыгать последним, и возможность осмотреться у него есть. А посередине у нас Санек сидел. А Санек у нас мужик неглупый, соображалка работает. Вот он нам и говорит:

– Мужики, мы, вроде, на КамАЗе ехали.

– Ну и что?

– А почему, – говорит, – у него кабина зиловская?

Смотрим мы. Мать честная! А действительно, кабина-то у нашего КамАЗа от ЗИЛ-130. Как это может быть? Давай мы в этом вопросе разбираться. Осмотрели всю машину, и что оказалось. Представь себе, ЗИЛ стотридцатый, бортовой. Мы сидим в кабине этого ЗИЛа, а ЗИЛ стоит в кузове КамАЗа. Как тебе картинка? По какой-то причине ЗИЛ этот не мог своим ходом двигаться, а его надо было перегнать. Вот его в КамАЗ и погрузили. А мы спяну перелезли через этот КамАЗ и залезли в кузов ЗИЛа. Представляешь, какие мы были ужранные. А ты говоришь «смешной случай по-пьяне». Не знаю, насколько этот случай смешной, но нам было не до смеха. Если бы не Санек, поубивались бы к чертовой матери, когда попрыгали бы из кабины ЗИЛа через борт КамАЗа.

– Захарыч, а деревню эту вы как нашли? – поинтересовался я.

– Какой там «нашли»? – подпрыгнул Захарыч. – Тот КамАЗ нас до города довез и высадил. Давай мы у него про нашу деревню спрашивать, а как называется, не знаем ведь. Переночевали мы у водителя, а утром в то кафе вернулись. Там поспрашивали. Да черт ее без названия найдет, а деревень в округе, как у дворянги блох и даже больше. Колхоз там, ну и что? Каждая деревня в какой-нибудь колхоз входит. Коровник там, ну и что? Мало ли коровников по деревням. Так мы и не нашли ни деревню, ни колхоз, ни председателя.

– А где вы этот колхоз вообще откопали?

– Случайно нашли. Приехали в областной город, на автовокзале запрыгнули в автобус, который уже отходить собирался и привез он нас в какое-то село. А как село называется, спросить не удосужились. Спросили только, где правление колхоза, нам показали. С председателем договорились, и привез он нас в эту деревню на своем УАЗике, а как колхоз называется или как фамилия председателя, тоже не спросили.

– А что вы сделали, когда поняли, что деревню найти не вариант?

– Что сделали. Домой вернулись, вот и все, что сделали. А все вещи и заработанные каторжным трудом деньги там остались.

Захарыч горестно вздохнул. Видимо, тех денег ему было жалко до сих пор. Глядя на опустевшую пивную бутылку, он еще раз вздохнул и, швырнув ее прочь, сказал:

– И приспичило же мне тогда с этим пивом. Нет бы самогоном обойтись.

Геннадий КОММОДОВ

Когда цветут рододендроны...

Утром выходим из автобуса Нальчик–Хушто–Сырт в конце села, у моста через речку Чатысуу.

Поднимаемся немного по берегу речки, до начала ущелья. Останавливаемся у небольшого водопада. Приятно холодит ветерок, несущий свежесть ущелья. Он же доносит еще тонкий, но уже ощутимый аромат раскинувшихся выше альпийских лугов. До рук и лица иногда долетают холодные брызги пенящихся струй водопада.

Даю ребятам немного вжиться в этот совершенно новый мир...

Поднимаемся выше и выходим к озерку. Первой к солнечному берегу подбегает Оля.

– Ой! Скорее сюда! Здесь ящерки в воде тонут!

– Это тритончики, – говорит наша «всезнающая», подошедшая следом Фатима. – Я видела таких же в Верхнем Голубом озере Черекского ущелья. Смотрите, они похожи на ящериц, но живут в воде.

Изумрудно-серые тритончики спокойно плавают в голубой воде и совершенно не боятся нас. Видно, не часто здесь проходят люди.

У другого берега озерка, затененного раскидистыми буками, вода совершенно темная...

Еще выше по берегу речки, на большой поляне, находим заросли спелой и ароматной земляники. Ее здесь видимо-невидимо: на склонах, у пней, среди каменной осыпи.

Лес становится богаче: гигантские дубы как бы свысока смотрят на калину, кизил, орешник, боярышник. Подлесок – заросли малины и ежевики. Жалко только, что ягоды еще не созрели.

Выше по ущелью лес опять меняется: статные осины, широколистные ясени и липы. Они растут везде: на скалах, на уступах стен ущелья.

Еще выше забралась только горная береза. С ребристыми красноватыми стволами, лохматой корой она чувствует себя здесь полновластной хозяйкой. Кроме нее на берегу речки, у самых стен ущелья, кое-где цепляются корнями кусты барбариса и дикого крыжовника.

Через полчаса подъем кончается. На солнечной стороне широкого ущелья – невысокие стены, светло-коричневые, темно-желтые, изрезанные и исчерченные ровными, местами с прогибами, пластами. Теневая сторона ущелья остается обрывистой, лесистой и поднимается дальше.

А перед нами открывается полукругом простор альпийских лугов. Далеко-далеко они переходят в подножия скалистых вершин Чатыбаши и Караташ. С них сбегает серебристые ниточки ручьев. Все они попадают в огромную круглую темно-зеленую чашу, как видно, бывшего горного озера. Ручьи копятя здесь, набирают силу и пробивают в одном месте край чаши, изливаясь шумным, пенистым потоком.

Мы стоим у истока горной речки Чатысуу, по берегу которой поднялись.

Обедаем, отдыхаем на последней полянке остановившегося леса...

Чтобы идти дальше, надо преодолеть бывшее горное озеро, сплошь заросшее темной зеленью. Девчонок отправляю по тропе, огибающей котловину. Сам с мальчишками иду напрямик.

Вся чаша заполнена водой, ее не видно: она там, у основания кочек, среди сплошного сплетения корней карликовой осоки, такого же камыша, мелкого синего ириса, елочек хвоща и других любителей воды.

К середине идти становится труднее: кочки все дальше стоят друг от друга. Хорошо еще, что у каждого есть длинная жердь.

– Мы как кузнечики! Вот бы со стороны посмотреть, наверное, смешно! – громко кричит Мухамед, известный шутник нашего класса.

Но ребятам не до смеха: все сосредоточенно прыгают с кочки на кочку, стараются не промахнуться, не попасть в воду. Кончилось почти благополучно. Только Олежка оказался по пояс в воде. Ему помогли, а на берегу переделали в сухое.

– Хорошо, что девчонки в обход пошли, – говорит кто-то.

Перед нами богатейшее разнотравье, цветы альпийского луга. Все совершенно необычное: ромашки и те розовые. Среди буйства растений узнаем только вереск, тысячелистник, розовый клевер, лютик, пастушью сумку...

У подножия Чатыбаши – сплошная каменная осыпь. Выше по склону беспорядочно разбросаны бурые каменные глыбы.

И вдруг среди глыб – сочная зелень. Это рододендроны. Кусты их не высокие, но очень мощные. Над темно-зелеными плотными листьями – белые, с кремовым оттенком крупные цветы. Под ярким, но не жгучим

солнцем они светятся волшебным розовым светом... на высоте более двух тысяч метров, в стороне от туристских маршрутов их никто не тревожит: они вольготно разрослись по всему южному склону горы.

Да! Стоило подняться сюда, чтобы увидеть такое!

Мы не сорвали ни одного цветка, зато снимков сделали много.

Теперь – домой!..

Впереди – крутой подъем на водораздел. На перевале захватывает дух, и не только от разреженного воздуха. К югу под опрокинутым куполом бездонно-голубого неба открывается фантастически четкая, объемная панорама верховьев Чегемского ущелья до снеговых вершин Главного Кавказского хребта... Кто-то восхищенно вспоминает строку Пушкина:

– Кавказ подо мною...

На север – урочище Уаза и лесистые отроги вдоль реки Шалушка. Далеко внизу, на равнине, хорошо видны Налчик и окрестные села. Вдали сквозь дымку расстояния проглядывается Нарткала...

Обратный путь не менее живописен и красив. Но мы чувствуем себя насытившимися сполна и уже не способными в полной мере ощутить вкус нового.

У основания огромного, с трехэтажный дом, камня, поразительно похожего на ежика, взобравшегося на пригорок, делаем небольшой привал. Ниже ручей образовал пруд с зеленой водой. Вокруг него молодой ольховник водит хоровод.

– Вот бы здесь провести целый день! – мечтательно произносит Оля.

– А лучше с ночевкой... у костра! – подхватывает Мухамед.

Предлагаю прийти сюда осенью, когда поспеет черная смородина, когда красные рябинки станут пламенеть на солнце своими гроздьями.

Придем, обязательно найдем среди ручьев, сбегаящих с пяти вершин урочища с поэтическим названием «Игрище горных козлят», самый многоводный. Он и явится истоком реки Шалушка.

В номере:

Сафарби Шхагапсоев. Эффекты реализации национального проекта «Образование» в Кабардино-Балкарской Республике. <i>Статья</i>	3
Победители приоритетного национального проекта «Образование»	7
Наши юбиляры. К 70-летию Бориса Гедгафова	18
Борис Гедгафов. <i>Стихи</i>	18
Ахмад Созаев. Рукопожатие над караваем. <i>Очерк</i>	22
Наши юбиляры. Саид Чахкиев. <i>Стихи</i>	23
Ибрагим Гадиев. Невысказанное. <i>Рассказ</i>	28
Борис Кагермазов. <i>Стихи</i>	47
Памятные даты. Киреев Михаил Михайлович	50
Арнольд Баскаев. Неповторимый образ светлой души. <i>Очерк</i>	52
Екатерина Жабоева. Меня переполняют чувства. <i>Очерк</i>	54
Светлана Моттаева. Жизнь, ушедшая как вздох. <i>Очерк</i>	57
Батыр ас Аланский. Женитьба Гитче. <i>Рассказ</i>	62
Игорь Терехов. <i>Арабески и истории</i>	78
Залина Шомахова. Ясноглазая. <i>Рассказ</i>	93
Али Байзулла. Черные розы. <i>Поэма</i>	99
Хаишат Кунижеева. <i>Стихи</i>	111
Ада Алахвердяни. «Восклицательный знак». <i>Рассказ. Стихи</i>	113
Анатолий Бицуев. <i>Стихи</i>	115
Анатолий Камбиков. Арабская кобылица. <i>Рассказ</i>	118
Фатима Хасанова. <i>Стихи</i>	126
Амина Ворокова. <i>Стихи</i>	127
Марьяна Кочесокова. <i>Стихи</i>	129
Жанна Кандорова. Человек на своем месте. <i>Очерк</i>	131
Ильяс Тепеев. «Не снижая темпов своего труда...» <i>Очерк</i>	135
Эдуард Битиров. Мурат Каскулов: стихов я не пишу. <i>Очерк</i>	140
Хамид Кажаров. Кайсын Кулиев, или Искусство любви ко всему живому. <i>Статья</i>	142
Мамиржан Мижаева. Волшебное слово Ахмеда Шорова. <i>Статья</i>	151
Пишкан Таов. Научное обоснование эффективности развития нетрадиционных отраслей сельского хозяйства в Кабардино-Балкарии. <i>Статья</i>	158
Майя Бугова. Сохраним многоцветье языков. <i>Статья</i>	165
Мария Кучмезова. Традиции и новации в общественном и семейном быте балкарцев в пореформенный период. <i>Статья</i>	170

Мусадин Карданов. Анатомическая лексика: ее связь с народной медициной и языковой культурой народа. <i>Статья</i>	179
Мухарби Саблиров, Тимур Дзуганов. Формирование культурно-просветительных учреждений в Кабардино-Балкарии в 20–30 гг. XX в. <i>Статья</i>	182
Хазеши Таов, Ася Таова. Некоторые вопросы синонимии и антонимии заимствованных лексем (русско-кабардинские языковые связи). <i>Статья</i>	184
Амина Глебзухова. Функциональное взаимодействие равноуровневых средств выражения прохибитива в английском языке. <i>Статья</i>	187
Малил Кожоков, Артур Кожоков. Лекарственные свойства некоторых плодово-ягодных культур и их применение в народной медицине. <i>Статья</i>	190
Арнольд Баскаев. Полиглоты. <i>Этюд</i>	192
Магомед Атмурзаев. Судьба Черной Мухи. <i>Юмористический рассказ</i> ..	195
Виктор Дулаев. Машина-призрак. <i>Юмористический рассказ</i>	198
Геннадий Коммодов. Когда цветут рододендроны. <i>Рассказ</i>	203

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
№ Н-0150 от 16.12.98
Подписной индекс 78452

Технический редактор, компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.09.08. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman PS MT. Печать офсетная. Усл. п. л. 13.
Тираж 2010 экз. Заказ № 170.

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5. тел.: 47-74-02, 42-75-22.
Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением дискеты и личных данных (копии: ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, сберкнижка «Сбербанка РФ», номер контактного телефона).
